

VIII ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С.Г. ЛИВШИЦА

Материалы международной
научно-практической конференции,
г. Барнаул, 21-22 ноября 2019 года

ОБ ИЗДАНИИ

Основной титульный экран

Дополнительный титульный экран неперiodического издания – 1

Дополнительный титульный экран неперiodического издания – 2

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
(ФГБОУ ВО «АлтГПУ»)

VIII ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ С.Г. ЛИВШИЦА

Материалы международной научно-практической конференции,
г. Барнаул, 21-22 ноября 2019 года

Под научной редакцией В.А. Бармина

Барнаул
ФГБОУ ВО «АлтГПУ»
2020

Об издании - 1, 2, 3.

ISBN 978-5-88210-962-1

УДК 94(5)(06)
ББК 63.3(5)я431
В788

VIII Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица : материалы международной научно-практической конференции, г. Барнаул, 21-22 ноября 2019 года / под науч. ред. В.А. Бармина. – Барнаул : АлтГПУ, 2020. – Текст (визуальный) : электронный. – Систем. требования: PC не ниже класса Intel Celeron 2 ГГц ; 512 Mb RAM ; Windows XP/Vista/7/8/10 ; Adobe Acrobat Reader ; SVGA монитор с разрешением 1024x768 ; мышь.

ISBN 978-5-88210-962-1

Редакционная коллегия:

Бармин В.А., доктор исторических наук, профессор;
Шеметова Т.А., кандидат исторических наук, доцент;
Цыряпкина Ю.Н., кандидат исторических наук, доцент;
Дьяченко Н.В., кандидат исторических наук, доцент

В сборнике опубликованы статьи и материалы VIII востоковедческих чтений памяти С.Г. Лившица. Авторы научных публикаций представляют Сибирский и Центрально-Азиатский регион: Барнаул, Горно-Алтайск, Кемерово, Красноярск, Узбекистан, Казахстан. Исследования, представленные в сборнике, отражают наиболее актуальные проблемы международного, социально-политического и этнокультурного развития стран Востока с древности и до начала XXI в.

Издание адресовано специалистам в области востоковедения, всеобщей истории, культурологии, а также аспирантам и студентам.

Издается по решению УНИЛ «Россия и Восток» и совета исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета.

Текст (визуальный) : электронный

Системные требования:

PC не ниже класса Intel Celeron 2 ГГц ; 512 Mb RAM ; Windows XP/Vista/7/8/10 ; Adobe Acrobat Reader ; SVGA монитор с разрешением 1024x768 ; мышь.

Об издании - 1, 2, 3.

Электронное издание создано при использовании программного обеспечения Sunrav BookOffice.

Объём издания – 1 200 КБ.

Дата подписания к использованию: 19.05.2020

Корректурa – А.Ю. Дьяченко

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет» (ФГБОУ ВО «АлтГПУ»)

ул. Молодежная, 55, г. Барнаул, 656031

Тел. (385-2) 36-82-71, факс (385-2) 24-18-72

e-mail: rector@altspu.ru, <http://www.altspu.ru>

Об издании - 1, 2, 3.

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙ, РОССИЯ И СТРАНЫ СНГ В XX И XXI ВЕКАХ: ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ

В.Г. Дацышен. ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ В СИБИРИ

Т.И. Андреева. ПЛАНЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ОСВОЕНИЯ СЕМИРЕЧЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Д.А. Василенко. ТОРГОВЫЙ ОБОРОТ СЕМИПАЛАТИНСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ С ЗАПАДНЫМ КИТАЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Т.А. Шеметова, Я.С. Мальцева. К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН В 1918-1922 гг.

В.А. Концевая. КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Е.М. Гостюшева. ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В 1920–1930-е гг. В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Н.В. Дьяченко. ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В МОНГОЛИИ В 1920–1930-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИНТЕРНА)

В.А. Бармин. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЗВЕДКИ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ А.В. КОЛЧАКА В СИНЬЦЗЯНЕ В 1919-1920 гг.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Ю.А. Лысенко. ВВЕДЕНИЕ СИСТЕМЫ ОСОБЫХ СБОРОВ И ПОШЛИН В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

И.В. Анисимова. РАЗВИТИЕ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Е.Е. Камардина. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОДВОРЕНИЯ В ТУРКЕСТАН ПРАВОСЛАВНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Х.Д. Холиков. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАНАХ СНГ НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА И КАЗАХСТАНА В 1990-х – НАЧАЛЕ 2000-х гг.

В.С. Хан. О ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЙГУР Г. ТАШКЕНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ж.С. Аубакирова., А.Н. Алексеенко. ЧИСЛЕННОСТЬ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО КРАЯ (XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Умирзокова Шахноза Давронжон Кизи. ХУСИТЫ, АЛЬ-ХУТИ, АШ-ШАБАБ АЛЬ-МУМИНИН, АНСАР АЛЛАХ ИЛИ ВЕРУЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ?

Ю.Н. Цыряпкина. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ РОМАНОВ И ЕГО ВКЛАД В СОЗДАНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПОСЕЛКОВ В ТУРКЕСТАНЕ В 1880–1890-е ГОДЫ

О.О. Неверова. ПРАКТИКА РАННИХ И КРОВНОРОДСТВЕННЫХ БРАКОВ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНА: ПРИЧИНЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Е.С. Бахарева. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА ТАШКЕНТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ВОСТОК – ЗАПАД – РОССИЯ: КОНФЛИКТЫ И СОТРУДНИЧЕСТВО В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

В.Е. Сосульников. САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА КНДР: ПРОБЛЕМЫ, ЭФФЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

З.А. Набиева. О КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ А.Р. ЛУРИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДА (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ)

Д.О. Михнёв. ОСОБЕННОСТИ КОННИЦЫ ПАРФЯН. ВООРУЖЕНИЕ, ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ

Н.В. Кладова. РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1920-х гг. О СОСТОЯНИИ ЭКОНОМИКИ И ПОЛОЖЕНИИ СИБИРСКИХ РАБОЧИХ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

С.К. Ильин. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИВАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ХЕЗБОЛЛА» В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

И.А. Ерёмин. ГОРНОДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.Н. Головченко. ОДНА ИЗ СТРАТАГЕМ ПОЛИЭНА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ОДЕЖДЫ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

С.Н. Фаткулина. РОССИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ИРАН В ДОСОВЕТСКИЙ, СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

С.М. Рубцов. ЧУДОТВОРЦЫ ВОСТОКА И РИМСКАЯ АРМИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МАРКА АВРЕЛИЯ (161–180 гг. н. э.)

А.А. Калашиников. НАЕМНЫЙ ТРУД НА КОММЕРЧЕСКИХ ЛЕСОЗАГОТОВКАХ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1916–1917 гг.)

КИТАЙ, РОССИЯ И СТРАНЫ СНГ В XX И XXI ВЕКАХ: ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ

В.Г. Дацышен. ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ В СИБИРИ

Т.И. Андреева. ПЛАНЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ОСВОЕНИЯ СЕМИРЕЧЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Д.А. Василенко. ТОРГОВЫЙ ОБОРОТ СЕМИПАЛАТИНСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ С ЗАПАДНЫМ КИТАЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Т.А. Шеметова, Я.С. Мальцева. К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН В 1918-1922 гг.

В.А. Концевая. КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Е.М. Гостюшева. ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В 1920–1930-е гг. В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Н.В. Дьяченко. ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В МОНГОЛИИ В 1920–1930-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИНТЕРНА)

В.А. Бармин. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЗВЕДКИ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ А.В. КОЛЧАКА В СИНЬЦЗЯНЕ В 1919-1920 гг.

В.Г. Дацышен

Красноярский государственный педагогический университет (г. Красноярск)

ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ В СИБИРИ

С 1918 г. и до середины 1920-х гг. самой известной и влиятельной китайской организацией в Советской России был Союз китайских рабочих. В Сибири отделения Союза китайских рабочих появились сразу после победы Советской власти, в 1919-1920 гг.

Создание Томского отделения Союза китайских рабочих было обусловлено наличием китайских мигрантов в регионе. В самом городе Томске китайские мигранты жили постоянно, начиная со второй половины XIX в. Первые два китайских торговца прибыли в столицу Томской губернии уже в 1867 г. В начале XX в. численность китайцев в Томске, по утверждению историков, составляла несколько десятков человек. Во время Первой мировой войны численность китайских мигрантов в Томске постоянно увеличивалось, только в феврале 1917 г. вид на жительство в Томске получили 10 китайцев. 17 декабря 1919 г. власть в Томске захватили большевики. В 1920 г. Сибревком «насчитал» в Томской губернии 446 китайцев¹. Согласно советским статданным, в начале 1920-х гг. в России было учтено 9829 китайцев, из которых 506 человек проживали в Томской губернии².

Сразу же после установления своей власти в Сибири большевики попытались поставить под контроль местное китайское население. Для этого использовали уже хорошо зарекомендовавший себя в обеих столицах Союз китайских рабочих в России. В конце 1919 г. в освобожденном от колчаковцев Омске был создан Союз китайских рабочих в Сибири. Известный алтайский востоковед В.С. Бойко пишет: «Так, в Омске устав такого союза был зарегистрирован Сибирской миссией НКВД уже 12 декабря 1919 г. (руководитель - Тын Вин-фун), а в 1920 г. подобные организации существовали в Новониколаевске (пред. - Ин Юй-цуан), Томске (пред. - Ван-Син-юан) и ряде других сибирских городов»³. В первой половине 1920 г. отделения Союза китайских рабочих в Сибири были созданы во всех крупных городах Сибири, до Байкала. Например, «Устав Союза китайских рабочих г. Красноярска» был утвержден Сибирской миссией Народного комиссариата по иностранным делам 25 февраля 1920 г.

В Томске процесс создания местного отделения Союза китайских рабочих затянулся. Лишь 10 апреля 1920 г. в Сибирской Миссии Народного Комиссариата по Иностранным Делам был зарегистрирован «Устав Союза Китайских рабочих г. Томска». Документ состоял из 8 разделов разбитых на параграфы. В разделе «Цели Союза» говорилось: «1 Союз Китайских рабочих в г. Томске организуется в целях сплочения, защиты и оказания китайским рабочим поддержания в отношении их законных прав и интересов в Советской России и для содействия в нравственном и культурном развитии своих членов. 2. Считая одним из основных положений развития – ясное понимание своих классовых интересов и задач, союз уделяет развитию классового самосознания сугубое внимание... 4 В целях чисто материальной помощи своим членам союз вступает в нужных случаях в договоры и соглашения с соответствующими советскими учреждениями. 5 Союз обязан сноситься с местными Советскими

¹ Национальный состав населения Сибири // Жизнь Сибири. 1923. №9-10 (13-14). С. 61.

² Статистический ежегодник. 1922 и 1923 г. Вып.1. М., 1924. С. 54.

³ Бойко В.С. Китайские общины Западной Сибири в 1920-е - 1930-е годы: социально-политическая характеристика // Актуальные вопросы российско-китайских отношений: история и современность. Барнаул, 2000. С. 26.

властями по тем делам, которые имеют отношение к последней. 6 Все недоразумения и конфликты, возникающие между китайскими рабочими, могут улаживаться Союзом и его Исполнительным органом»¹. Далее в Уставе говорилось о координации действий с другими китайскими организациями. В разделе «Компетенция Президиума Исполкома и срок полномочий» указывалось: «1 Президиум Исполкома выполняет постановления последнего Союза, а также решает дела маловажного характера. 2 Важные дела решаются в присутствии не менее $\frac{3}{4}$ наличного состава Исполкома. 3. Председатель, его заместитель /товарища председателя/ и члены Исполкома избираются общим собранием на 6 месяцев. Президиум и члены Исполкома, если последние заняты делами получают установленное союзом содержание»². В части «Средства Союза» было установлено: «1 Средства Союза состояются из ежемесячных членских взносов, устанавливаемых общим собранием от устройства лекций, концертов, из добровольных пожертвований». В уставе регламентировались «Права и обязанности членов союза»: «1 Член Союза может быть исключен общим Собранием Союза за неуплату членского взноса в течении 2-х месяцев подряд, за неисполнение правил устава, за злоупотребление и за плохое поведение. 2...» и «Условия при добровольном выходе из Союза»: «1 При добровольном уходе из членов, выходящий получает обратно членский взнос с удержанием из них 5 % с суммы годового взноса, а в остальных случаях удерживается в пользу Союза 20 % годового взноса»³. Особый интерес представляет раздел Устава «Организация Союза». В нем говорилось: «1 В члены Союза принимаются только трудящиеся /живущие личным трудом/ - рабочие фабрик и заводов, ремесленных предприятий, а также и учащиеся. Несовершеннолетние /до 18 лет/ пользуются правом совещательного голоса. 2 Для устранения громоздкости собраний, а также для более спешного и планомерного осуществления своих задач, Союз избирает «Совет Союза». В Совет Союза делегируются по одному представителю от каждых 50 человек трудящихся. Фабрики, заводы и ремесленные предприятия с числом рабочих менее 50, но более 25 человек посылают одного представителя... Примечание: Совет Союза выделяется только в том случае, когда наличность членов последнего превышает 2500 человек. 3...»⁴. Заключительный раздел. «Исполнительные органы Союза», имел следующее содержание: «1 Для выполнения постановления Союза и в случае образования Совета Союза, избирается Исполнительный Комитет в составе не менее 11 человек. 2 Исполком избирает из своего состава президиум в составе председателя, его заместителя и секретаря. 1 Исполком для учета Китайских рабочих ведет регистрацию последних. 2 Союз обязан публичной отчетностью. 3 Для обревизирования отчетности выделяется Ревизионная комиссия. 4 Союз пользуется правами юридического лица. 5 Союз имеет печать с надписью «Союз китайских рабочих в Сибири. Томский исполнительный комитет»⁵. Оформлением учредительных документов Томского отделения Союза китайских рабочих занимался китайский подданный Ван-син-вин, живущий в центре г. Томска на улице. Обруб № 2. Он и стал, по всей вероятности, первым главой этой организации в Томске. Вскоре главой Томского отделения Союза стал Сун-юн-доу.

«Устав Союза Китайских рабочих г. Томска» нельзя назвать оригинальным документом. Утвержденный полутора месяцами раньше «Устав Союза китайских рабочих г. Красноярска» по содержанию совпадал с выше указанным документом. Да и пункты устава, регламентирующие деятельность организации численностью более 2500 чел., для китайцев Томска были явно лишними.

¹ ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

² ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 26. Л. 16об.

³ ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 26. Л. 16об.

⁴ (ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 26. Л. 17.

⁵ ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 26. Л. 17об.

Документы, раскрывающие численность Томского отделения Союза Китайских рабочих в Сибири, пока не выявлены. Имеется лишь документ за 1921 г. с указанием китайцев, записавшихся в школу грамоты во главе с председателем и секретарем этого Союза в Томске. Там перечислены 13 китайцев, включая кроме двух руководителей, еще пять «служащих» Союза китайских рабочих в Сибири. Можно предположить, что именно данное число приблизительно и отражает реальный состав Томского отделения Союза китайских рабочих. Тем более, в других документах о китайцах в Томске отсутствуют указания на принадлежность их к Союзу китайских рабочих или связях с этой организацией.

После создания Томского отделения Союза китайских рабочих завершился первый этап формирования Союза китайских рабочих в Сибири. 20 апреля 1920 г. в Омске состоялся съезд представителей китайских союзов, на котором был избран ЦИК СКРС.

Вступление в Союз китайских рабочих в Сибири фактически давало китайским мигрантам возможность «легализоваться» в России. Для примера можно привести документ, в котором было записано: «Дано сие удостоверение гражданину Лю-Чун-Сан, находящемуся в китайском гражданстве в том, что 11 декабря с.г. им сданы в Отдел Управления Минусинского Исполкома документы: 1. Удостоверение, выданное Красноярским исполкомом Союза Китайских рабочих в Сибири № 128 от 10 ноября 1921 года для заготовления Российского вида на жительство. Удостоверение сие заменяет удостоверение личности...»¹. Действительно, в Инструкции Наркоминдела за подписью Л.М. Карахана на имя советского лидера в Сибири Н.И. Смирнова от 17 марта 1920 г. говорилось: «Ввиду необходимости охраны интересов иностранных граждан, главным образом, восточных стран, регистрации их, желательно передать это дело в руки пролетарских организаций, вроде Союза китайских рабочих, которые должны работать под нашим контролем в непосредственном заведывании нашего уполномоченного в Иркутске Янсона и его агентов»².

Союз китайских рабочих в Томске не занимался активной работой по организации жизни китайских мигрантов. На это указывают материалы «Китайской трудовой кустарной артели «Тян-дзинь»» в Томске за 1920 г., в которых не упоминается местное отделение Союза китайских рабочих³. Среди национальных секций местной партийной организации в 1920 г. в Томске не было китайской секции. Среди комсомольцев из нацменов, направленных в 1924 г. в учебные заведения, по Томской области китайцев не фиксировалось.

В октябре 1921 г. Томский исполком Союза китайских рабочих выступил с инициативой открытия школы для китайских рабочих и попросил командировать учителя русского языка и выделить для школы мебель. Школа грамоты №5 при Томском Исполкоме Союза Китайских рабочих была открыта 15 ноября 1921 г. Во время открытия состоялось «собрание школьного коллектива учащихся школы грамоты №5». На этом собрании присутствовало 15 учащихся, учителя А.Н. Постникова и Ю.Д. Федоров и участковый инструктор организатор Е.С. Андреева. В протоколе собрания учащихся говорилось: «Постановили при открытой баллотировке: 1/ Единогласно избрать председателем школьного совета учительницу А.Н. Постникову, секретарем учителя Ю.Д. Федорова, товарищем председателя из учащихся т. Сун-юн-доу, члена совета учащегося Ли-фа-ху и почетным членом участкового инструктора Е.С. Андрееву. 2/ Заниматься постановили 5 дней в неделю исключая субботы в течении 3-х часов в день»⁴. В списке 15 чел. в том числе председатель Союза, секретарь Союза, 5 служащих Союза, 5 рабочих, матрос и две женщины – 26-летняя Прасковья Сун-юн-дою и 14-летняя Клавдия Сун-юн-дою. Возраст всех китайцев колебался от 42 до 25 лет. Все 15 человек были записаны как представители китайской национальности.

¹ ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 87. Л. 155.

² Дальневосточная политика Советской России (1920-1922). Сб. док. Новосибирск, 1996. С. 27.

³ ГАТО. Ф. Р-65. Оп. 1. Д. 120. Л. 4-15об.

⁴ ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 493. Л. 1.

Однако и это одно из немногих начинаний Томского исполкома Союза китайских рабочих реализовано не было. В томском архиве сохранился документ, датированный мартом 1922 г. и закрепленный печатью Томского исполнительного комитета Союза китайских рабочих в Сибири. В документе говорилось: «Настоящим школьный совет школы грамоты №5 при Томском союзе китайских рабочих доводит до сведения п/о шк. взр., что вновь произведя регистрацию учащихся из 15 человек всего оказалось 5 человек. Причина их выбытия из школы объясняется, что часть их разъехалась по разным местам Р.С.Ф.С.Р., некоторые изъявили нежелание посещать школу ввиду тяжелого материального положения. Причем школьный совет и правление союза Китайских рабочих просит сделать распоряжение о закрытии школы, так как при таком малом количестве учеников школа не может продолжать свою деятельность»¹.

Томское отделение Союза китайских рабочих не играло заметной роли в политической жизни Сибири по той причине, что сам Томск в 1920-х гг. окончательно утратил значение административно-политического центра Западной Сибири. В Омске, например, Союз китайских рабочих оставался заметным элементом в системе советско-китайских отношений. На это указывают события, связанные с «Воззванием из Омска от 23 февраля 1923 г. о происшествии 16 декабря 1922 года»².

Сам СКР в России уже к концу 1920 г. перестал играть важную роль, так как после ликвидации «Читинской пробки» его лидеры уехали из Москвы в Китай. Что касается руководителей Союза китайских рабочих в Сибири, то они к середине 1920-х гг. попали в оперативную разработку ОГПУ в качестве руководителей преступных китайских группировок и даже японских шпионов. Сибирские историки утверждают: «...Приговором народного суда... осужден на пять лет принудительных работ... несмотря на это Хао-Син-Лун в 1923 г. являлся действительным полномочным представителем Китайской республики в Москве и Председателем Союза китайских рабочих в Сибири... в 1922 г. в Омске Хау-Син-Лун при помощи членов братства организовал убийство соотечественника с целью присвоения его имущества»³. Новосибирский китаист Ю.А. Азаренко отмечает: «В октябре 1924 г. по всем губкомам Сибири было разослано постановление, в котором сообщалось, что власть в «Союзе китайских рабочих» захватили контрреволюционеры, истребившие коммунистов. «Союз» занимается экономическим и политическим шпионажем. Партийным органам рекомендовалось отказать в поддержке «Союзу» и вовлекать китайских рабочих в советские профсоюзы»⁴.

Окончательная нормализация советско-китайских отношений в 1924 г. сделала ненужной существование таких посредников в межгосударственных отношениях, как Союз китайских рабочих. Томское отделение Союза китайских рабочих в Сибири тихо умерло, не оставив заметных следов в истории города и региона.

¹ ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 493. Л. 1.

² ГАЗК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 81. Л. 583.

³ Василевский В.П., Сушко А.В. Деятельность органов ОГПУ по оперативной разработке Союза китайских рабочих в Омске // Вестник КемГУ. 2013. №2 (54). Т. 3. С. 27.

⁴ Азаренко Ю.А. События на КВЖД и сибирские коммунисты // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XVIII вв.: Материалы науч. конф. Вып. II. Новосибирск, 1997. С. 108.

Т.И. Андреева

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

ПЛАНЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ОСВОЕНИЯ СЕМИРЕЧЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В современный период вопросы истории модернизации различных секторов экономики, её институционального и инвестиционного обеспечения формируют круг интересов большого числа исследователей. Междисциплинарность данного тематического направления требует рассмотрения исторических, экономических, политологических и других аспектов общей проблемы развития региональных отраслевых комплексов. Условия модернизации и инновизации экономики Российской империи перелома XIX-XX вв. формировались под влиянием, с одной стороны, общемировых тенденций, которые определяли общий фон экономических трансформаций, а с другой – специфических условий протекания модернизационных процессов. Одной из важнейших задач любого цивилизованного государства является целенаправленная деятельность по управлению экономикой страны и в контексте буржуазной модернизации, трансформации феодально-аграрной страны в капиталистическую аграрно-индустриальную державу государство было не в праве оставлять вне сферы своего влияния такой могущественный фактор развития, каким являлось железнодорожное дело. Особенно велико значение железнодорожного транспорта для такой страны как Российская империя с её громадными пространствами, разнообразными природно-климатическими условиями, разными уровнями социально-экономического развития, традициями и обычаями народов.

Управление окраинами Российской империи неразрывно связано с решением проблемы сохранения территориальной и государственной целостности. Территориальная экспансия России на всех этапах её истории объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить надёжность границ государства. В то же время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь, политико-административное освоение новых территорий, а уже потом наступала очередь хозяйственного развития. Это было одно из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, присущих каждой стране на любом этапе её истории. К осени 1916 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же оно являло собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому состоянию, далеко неоднородных по этническому и конфессиональному составу населения. Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование хозяйственно-административной инфраструктуры¹.

Уровень развития технико-экономического потенциала Российской империи был во многом обусловлен масштабом и темпами железнодорожного строительства. Планово-проектный задел, ориентированный на расширение географии масштабной системы транспортных коммуникаций за счёт сооружения линий в районы перспективного хозяйственного освоения, формировался на

¹ Дамешек Л.М. Национальная и окраинная политика как фактор хозяйственного освоения сопредельных территорий империи (XVIII-начало XX века) / Л.М. Дамешек // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII-начала XX в.: Сборник материалов региональной научно-практической конференции, г. Новосибирск, 2007. - С. 35 - 36; Андреева Т.И. Причины формирования частной железнодорожной сети Азиатской России / Т.И. Андреева // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: материалы III Всероссийской научной конференции, г. Барнаул, 29 июня – 1 июля 2012 г. /под ред. Е.В. Демчик. – Барнаул, 2012. – С. 65-66.

протяжении многих лет. На рубеже XIX - XX вв. развитие транспортных связей с относительно изолированными восточными окраинами государства имело особо важное значение. Грандиозное строительство на средства казны Транссибирской, Среднеазиатской, (Закаспийской и Самарканд-Андижанской) и Оренбург-Ташкентской магистралей, соединивших Европейскую Россию с сибирскими, дальневосточными и центральноазиатскими окраинами империи, стало одним из самых успешных проектов в российской истории. Вместе с тем, практика магистрального железнодорожного строительства в Азиатской России показала, что по состоянию государственных финансов в ресурсах казны невозможно найти достаточных средств для формирования рельсовой сети.

Разработка проектов и предполагаемое сооружение железных дорог требовали привлечения крупных капиталов на длительное время. Использование средств частных предпринимателей к железнодорожному строительству в Азиатской России было неизбежно связано со значительной финансовой поддержкой со стороны государства, что было характерно не только для России. 10 июня 1905 г. был принят закон «О мерах к привлечению частных капиталов к делу железнодорожного строительства в России», согласно которому вновь возникавшим акционерным компаниям предоставлялись льготы в виде финансовой поддержки со стороны государства. Но незавершённая русско-японская война, революционные потрясения в стране, депрессия в области экономики отсрочили практическое применение этого закона. В Российской империи частное железнодорожное строительство возобновилось только с 1908 г.

По проектам развития железнодорожной сети в азиатской части страны в правительственные учреждения к 1909 г. поступили 11 предложений от различных групп предпринимателей, которые ходатайствовали о концессиях на право постройки линий на Алтае и в Семиречье¹. По итогам работы правительственной Особой междуправительственной комиссии в число приоритетных трасс, призванных соединить Сибирь и Туркестан, вошли проекты участков предстоящего строительства: северного (Барнаул-Семипалатинск), среднего (Семипалатинск-Верный), южного (Верный-Ташкент). Все эти предложения подвергались внимательному и квалифицированному изучению и обсуждению при участии чиновников министерств и ведомств, делегатов от заинтересованных городов и общественных учреждений, представителей предпринимательских кругов. Создание банковского синдиката, состоявшееся весной 1911 г. в Петербурге, для финансирования и организации частного железнодорожного освоения на Урале, в Сибири, на Кавказе и в Туркестане, обеспечивало практику соискательства и учредительства, покупки железнодорожных концессий и финансирования акционерных обществ. В состав синдиката вошли Азовско-Донской коммерческий банк, Русско-Азиатский, Учётно-Ссудный, Русский торгово-промышленный, Петербургский международный, Русский для внешней торговли, Сибирский торговый, Волжско-Камский, Петербургский частный коммерческий и три французских банка: Французское Генеральное общество, Французский кредитный банк и Парижско-Нидерландское общество².

На заседаниях II Департамента Государственного Совета многочисленные ходатайства со стороны общественных учреждений Западной Сибири и Туркестанского края о соединении среднеазиатских пространств с Великим Сибирским путём подтверждали идею формирования трёх участков соединения: 1. Северного или Алтайского головного участка - от точки примыкания к Сибирской железной дороге до г. Семипалатинска; 2. Среднего участка - от г. Семипалатинска до г. Верного; 3. Конечного участка - от г. Верного до примыкания к Ташкентской железной дороге в пределах Семиреченской области и Чимкентского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области. При этом, изучаемый проект фигурировал под названием Туркестано-Сибирская железная дорога протяжением 2.492 в. Строительная стоимость определялась, вместе с подвижным составом, в сумме 159 млн. руб. Причём дорога потребовала бы ежегодной приплаты на покрытие эксплуатационных расходов, на

¹ Азиатская Россия. – СПб., 1914. - С. 551.

² РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 992. Л. 202.

уплату процентов на строительный капитал в крупной сумме 12 млн. руб.¹ Ввиду неблагоприятных прогнозов финансовых результатов сооружения и эксплуатации предполагаемой дороги, обусловленных исключительной убыточностью среднего участка от Семипалатинска до Верного, проектируемого по безлюдным и бесплодным местам, Комиссия о новых железных дорогах предложила обсудить вопрос о том, насколько сооружение всех трёх участков Туркестано-Сибирской магистрали представляется необходимым с точки зрения интересов государственного хозяйства.

Во время обсуждения было принято во внимание, что намечаемое приближение Туркестанского края к Сибирской железной дороге имело целью, главным образом, открыть доступ сибирскому хлебу на внутренние рынки Туркестана. Но специальное экономическое обследование районов магистрали показало, что потребность Туркестана в хлебе может быть удовлетворена аграрным производством земледельческих районов Семиреченской области. Таким образом, для снабжения хлебом Туркестанского края достаточно сооружения конечного участка предполагаемой линии от Верного к одному из пунктов Ташкентской железной дороги. Комиссия также признала, что при таких условиях, постройка среднего звена от Семипалатинска до Верного не является необходимостью. В заключении особо отмечалось, что сооружение северного, Алтайского, и южного, Семиреченского, участков в виде питательных ветвей к Сибирской и Ташкентской железным дорогам является насущной и вполне назревшей государственной потребностью.

Приведённые предположения Комиссии о новых железных дорогах, в связи с разработкой общего плана железнодорожного строительства в Сибири и Туркестане, были подвергнуты рассмотрению в Совете министров Российской империи, на заседаниях которого была подчеркнута необходимость возведения новой магистральной Южно-Сибирской линии Оренбург-Орск-Семипалатинск распоряжением и на средства казны, а сооружение Алтайской и Семиреченской дорог предполагалось строить при посредстве частных акционерных предприятий. В дальнейшем, после окончания изысканий трассы, Совет министров 19 декабря 1913 г. решил проводить Южно-Сибирскую магистраль от Орска через Акмолинск до Семипалатинска протяжением 1.618 в., используя частно-акционерную форму строительства². Но 24 февраля 1917 г. в Устав общества Южно-Сибирской железной дороги была внесена поправка об изменении направления. Южно-Сибирскую магистраль планировалось вести от Акмолинска не на Семипалатинск, а от Акмолинска на Павлодар-Барнаул с ответвлениями на Семипалатинск и к Экибастузским каменноугольным копям. Новое протяжение линии определялось около 2.325 в.³ В это же время активно действовавшее по расширению своего предприятия акционерное общество Семиреченской железной дороги предлагало провести изыскания продолжения линий Менке-озеро Балхаш до соединения с Южно-Сибирской магистралью в соответствии с новым маршрутом трассы⁴. Направление Алтайской железной дороги протяжённостью около 750 в. определялось Уставом акционерного общества от 1912 г. линией Новониколаевск-Барнаул-Семипалатинск с веткой Алтайская-Бийск⁵.

В этом же, 1912, году был утверждён Устав акционерного общества Семиреченской линии, согласно которому предстояло возведение железнодорожного пути от станции Арысь Ташкентской железной дороги до города Пишпек Семиреченской области с ветвями на Токмак и Верный протяжённостью около 536 в.⁶ Основными акционерами общества стали крупнейшие петербургские банки – члены

¹ Обзор деятельности II Департамента Государственного Совета по рассмотрению дел о частном железнодорожном строительстве за время с 1906 по 1913 гг. – СПб., 1914. – С. 172.

² Финансовое обозрение - 1914, 1 июля.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 2077. Л. 264.

⁴ Туркестан - 1917, 27 февр.

⁵ ГАНО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

⁶ РГИА. Ф. 350. Оп. 48. Д. 567. Л. 3.

железнодорожного синдиката, созданного в 1911 г. Контроль за финансированием акционерного общества, во главе которого стояли известные предприниматели А.И. Путилов и А.А. Бунге, был возложен на Русско-Азиатский и Петербургский международный коммерческий банк. В результате работы путейских изыскательских партий основными станциями Семиреченской железной дороги были определены Арысь – место примыкания к Ташкентской железной дороге, Чимкент, Аулие-Ата, Машат, Тюлькубас, Кумарык, Коинда, Малдыбай, Пишпек, Токмак, Верный. Строительные работы на линии начались от станции Арысь накануне Первой мировой войны – 15 июля 1914 г. Средний темп проведения земляных работ, укладки и балластировки пути был очень медленным – примерно 4 в. в месяц. Основной причиной столь медленного ведения строительных работ являлась общая технико-экономическая отсталость региона и нараставшие диспропорции в народном хозяйстве, которые были вызваны военными условиями. Из намеченных 536 в. железнодорожного полотна к октябрю 1917 г. было отстроено только 237 в. от Арыси до станции Бурное. Несмотря на тяжелейшую ситуацию, связанную с нехваткой рабочих рук, срывов поставок путевого оснащения, подвижного состава, остановкой строительства, правление акционерного общества Семиреченской дороги стремилось к расширению предприятия за счёт проектирования и предполагаемого возведения новых железнодорожных линий¹. В 1915 г. проектно-изыскательская деятельность под руководством инженера П.В. Лемониуса осуществлялась по ряду направлений, но преобладающими были маршруты: 1. - от станции Токмак (Чу) до поселения Рыбачье у озера Иссык-Куль и 2. - от города Верного до Джаркента у границы с Китаем.

По результатам обследования к заседаниям правления общества Семиреченской железной дороги готовились экономические и пояснительные записки, в которых приводились обоснования для расширения района обслуживания транспортными услугами. По заключениям изыскателей долина реки Чу могла быть земледельческим оазисом. Причуйский край, охватывавший все притоки реки Чу, окрестности озера Иссык-Куль занимал площадь около 100 тыс. кв. в. в пределах Пржевальского и Пишпекского уездов. Население составляло 404 тыс. душ обоего пола, на одного русского приходилось 4 инородца: сарты и дунгане. По мнениям авторов записок занятия населения были представлены хлебопашеством, садоводством, огородничеством, табаководством, хмелеводством, пчеловодством. Разведение скота у оседлой части населения играло второстепенную роль, у кочевников главную. Промыслы носили кустарный характер и обслуживали только потребности местного населения. В то же самое время, на этой территории могла развиваться горнопромышленность. Геологические изыскания показали наличие золотоносных песков на реке Ак-Су, серебра по реке Кебин, впадающей в Чу, свинца в бассейне Большого Нарына, в долине реки Джумгалы и по реке Утур. Озабоченность изыскателей вызвало обстоятельство, что на пути из Пишпека в Нарын было обнаружено, что у Чарт-Карамыша часть медных месторождений стала разрабатываться китайцами, которых также привлекали залежи каменного угля. Торговые операции в районе расширения Семиреченской железной дороги от Токмака к Рыбачьему были обусловлены действиями скотогонных направлений в Фергану, из Токмака вывозили овощи и фрукты, спросом пользовались шкурки куниц, лисиц, барса и рыси. Из центральных районов России ввозили ткани, галантерейные товары. С начала XX в. активным спросом стали пользоваться сельскохозяйственные орудия и даже машины. По итогам изучения было определено, что ежегодный валовый доход по предполагаемой линии Токмак-Рыбачье может составить 438.963 руб., расход по эксплуатации 463.441 руб. Дефицит по эксплуатации определялся в 24. 478 руб.²

В это же время, летом 1915 г., осуществлялось проектно-изыскательское обследование района предполагаемой линии от города Верного до китайской границы по направлению к Джаркенту.

¹ Андреева Т.И. Деятельность акционерного общества Семиреченской железной дороги / Т.И. Андреева // Двенадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина.: Сборник научных статей под ред. В.А. Скубневского, Д.С. Боброва. – Барнаул, 2019. – С. 66-71.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 2083. Л.105, 121, 130, 146.

Изыскательская партия получила задание вести работы по двум вариантам: 1. – на Кульджу; 2. – приближенный к Джаркенту. При исполнении первого варианта предполагалось соединить Джаркент и Кульджу железнодорожной веткой. В составе этой изыскательской партии работали инженеры П. В. Лемониус, Машмеер, а также инженер Тинцер из Илийского отряда станицы Подгорной¹. При обосновании права на получение концессии по строительству линии от Верного к китайской границе, правление общества Семиреченской железной дороги прямо указывало, что Китай проявляет стремление соединить железнодорожным путём провинцию Или со срединным Китаем, а это вынуждает Россию, со стратегической точки зрения, принять меры для ускорения доставки войск в Семиречье. В район проектируемой линии попадали Верненский, Копальский и Джаркентский уезды площадью 165.407 кв. в. с населением 645, 3 тыс. душ обоего пола. Занятия населения были схожи с традиционными занятиями в районе линии Токмак-Рыбачье: хлебопашество, скотоводство, садоводство и огородничество, табаководство (особенно в Верненском районе), хлопководство, пчеловодство. Предметами ввоза из Европейской России были мануфактура, галантерея, железо, сталь, посуда, мебель, готовое платье, обувь, сахар, стеариновые свечи, керосин, сельхозорудия и сельхозмашины. При определении возможностей торгового оборота особое значение придавалось Верному как распределительному центру, из которого будут развозиться товары фабрично-заводской промышленности и местных кустарных промыслов. В сферу интересов железнодорожных предпринимателей также входило пионерное развитие горного дела. По инициативе агента по постройке Семиреченской железной дороги Васильева и джаркентского миллионера Юлдашева в 1914 г. в районе Кульджи производились исследования каменноугольных месторождений. При этом отмечалось, что залежи пластов весьма значительные, а качество сравнимо с качеством донецкого угля². По предварительным подсчётам валовый доход от эксплуатации предполагаемой линии от Верного к китайской границе определялся в 1.431.673 руб., расходы на эксплуатацию дороги – 1.471.555 руб., то есть дефицит по эксплуатации определялся в 39.877 руб.³ Исследования показали, что на первых порах эксплуатация новых линий Семиреченской дороги будет явно убыточной. Но это не останавливало предпринимателей, поскольку втягивание этих перспективных и стратегически важных районов Российской империи в орбиту действий капиталистического рынка предполагало в дальнейшем значительную прибыль. Итоги масштабных инженерных исследований под руководством П.В. Лемониуса в 1917 г. рассматривались и были рекомендованы для практического применения на заседании Инженерного Совета МПС при участии профессоров Ф.Ю. Левинсон-Лессинга, С.И. Дружинина, инженеров К.Н. Кашкина, Е.Ю. Подруцкого⁴. Акционерное общество Семиреченской дороги, также, как и другие железнодорожные предприниматели, действовало в контакте с Министерством путей сообщения. Под эгидой казённого Управления по сооружению железных дорог инженером-путейцем Н. Ефимовичем были организованы изыскания линии от трассы Семиреченской железной дороги к Спасскому заводу протяжением 815 в.⁵

Первый опыт железнодорожного освоения Семиречья складывался в русле общих социально-экономических перемен, происходивших в Российской империи в начале XX в. Сложились объективные предпосылки для формирования частного железнодорожного предпринимательства в условиях усиливавшейся интеграции окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство. Масштабный транспортный прорыв, обеспеченный возведением по инициативе и на средства государства Транссибирской, Среднеазиатской и Оренбург-Ташкентской магистралей, открывал перспективу начала железнодорожного освоения Семиречья, выразившегося в создании и развитии строительной и планомерно-проектной деятельности частных транспортно-производственных структур.

¹ ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2782. Л. 24

² Финансовое обозрение – 1914, 1 февр.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 2083. Л. 51, 56, 58, 78, 90.

⁴ РГИА. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1156. Л. 8.

⁵ РГИА. Ф. 274. Оп. 3/1, Д. 781. Л. 1, 9, 13.

*Д.А. Василенко**Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)*

ТОРГОВЫЙ ОБОРОТ СЕМИПАЛАТИНСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ С ЗАПАДНЫМ КИТАЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Одним из главных направлений торговли Степного края в XIX в. являлось развитие торговых отношений со среднеазиатскими ханствами, Китаем и другими государствами. Ключевую роль в развитии этих торговых направлений играло Семипалатинское Прииртышье, его административный, торговый и культурный центр – Семипалатинск.

Огромный район по течению Иртыша выше и ниже Семипалатинска назывался Прииртышье, или Семипалатинское Прииртышье. Некоторые караванные торговые дороги от Семипалатинска к ближайшей китайской таможне в Чугучаке проходили рядом по течению Иртыша, к тому же с конца XIX в. существовало регулярное сообщение по Иртышу из Семипалатинска до озера Зайсан, находящееся в непосредственной близости от Чугучака¹.

На рубеже конца XIX – начала XX в. Семипалатинск был крупным торгово-экономическим центром края и занимал одно из первых мест по торговым оборотам среди городов Степного генерал-губернаторства.²

Семипалатинское Прииртышье становится важным рынком сбыта как российских, так и китайских товаров, ввозимых из Западного Китая. Товарообмен через Синьцзян играл заметную роль в экономическом развитии Степного края. Так, в донесении начальника таможенного округа от 1848 г. указывается на успешно развивающуюся торговлю через семипалатинскую таможню³. Только Кульджинский договор 1851 г. положил начало регулярной торговле между Россией и Китаем на их границе со Степным краем. Непосредственная торговля с китайскими городами согласно торговому трактату от 1851 г. предоставлена только таможням: Семипалатинской, Петропавловской, Троицкой и Усть-Каменогорской⁴. С 1863 г. через Семипалатинскую таможню: в Чугучак дорога шла через Аягуз, в Кульджу, Кашгар. Привезенных товаров из Китая за 1850-ые годы составило примерно на 3693 рубля, отправленных в Китай на 2,3 мл. рублей.⁵

¹ Цыряпкина Ю.Н. Семипалатинское Прииртышье в торгово-экономических связях с Западным Китаем в середине XIX — начале XX вв. / Ю.Н. Цыряпкина // Электронный научно-образовательный журнал «История». -2019. - URL: <https://history.jes.su/s207987840002568-3-1/> (дата обращения: 15.12.2019).

² Коновалов А.П. Становление Семипалатинска как торгового центра Восточного Казахстана (конец XIX – начало XX вв.) / А.П. Коновалов, К.М. Капасова // Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции г. Тамбов 31 мая 2014 г./под. науч. ред. А.П. Коновалова. – Тамбов, 2014. – С =. 100

³ Донесение начальника Сибирского таможенного округа генерал-губернатору Западной Сибири о состоянии торговли через Семипалатинскую таможню// Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII — начало XX вв.): сборник документов. Управление архивами Восточно-Казахстанской области, Центр документации Новейшей истории Восточно-Казахстанской области / под. ред. А.А. Аубакирова. Семипалатинск, 2004. – С.214

⁴ Предписание вице-директора департамента внешней торговли Министерства финансов начальнику Коряковской таможенной заставы об открытии торговли в западнокитайских городах Кульдже и Чугучаке// Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII — начало XX вв.): сборник документов. Управление архивами Восточно-Казахстанской области, Центр документации Новейшей истории Восточно-Казахстанской области / под. ред. А.А. Аубакирова. - Семипалатинск, 2004. – С. 222

⁵ Земляничин И. Исторический очерк Семипалатинска и его торговля / И. Земляничин // Материалы для статистики Туркестанского края. Выпуск IV, г. Санкт-Петербург, 1876 г./ под ред. Н.А. Маева. -Санкт-Петербург,1876

В XIX в. торговля с Китаем развивалась столь интенсивно, что были дополнительно организованы Зайсанская и Катон-Карагайская таможни, Алкабекский таможенный переходный пункт. Главный торговый путь в Китай в пределах Семипалатинской области установился из Семипалатинска через Кокпекты на Алкабек и Зайсан, второстепенное значение имела дорога из Усть-Каменогорска на Катон-Карагай. Кроме этих путей большая часть товаров шла из Семипалатинска через Сергиопольский (Аягузский) уезд на Бахты и далее на Чугучак¹.

В 1880-х годах, помимо традиционных китайских товаров, в Степной край экспортируется разнообразная шерсть разного качества, рога маралов, байховые чай², кашгарский козий пух, отличного качества пушнина, ямбовое серебро³, несколько сотен пудов шелка специальных сортов.

По Петербургскому договору с Китаем 1881 г. с товаров, ввозимых в Китай русскими купцами и вывозимых оттуда, взимались пошлины по общему для иностранной торговли в Китае тарифу и по дополнительному тарифу 1862 г. для русской торговли. Беспшлинно допускались к ввозу и вывозу золото и серебро в слитках, иностранная монета, мука разных сортов, сало, сухари, мясо и зелень в консервах, сыр, масло коровье, конфеты, иностранная одежда, изделия ювелирные, изделия из серебра, духи и мыло всех сортов, древесный уголь, табак и сигары иностранные, вино, пиво, спиртные напитки, канцелярские припасы, ковровые изделия, ножевой товар, иностранные лекарственные предметы, стекло и хрусталь, рис, зерно всех родов. Не допускались к ввозу или вывозу и, в случае контрабандного провоза, подлежали конфискации: порох, артиллерийские снаряды, пушки, ружья, винтовки, пистолеты и всякое огнестрельное оружие, военные снаряды и припасы, соль, опиум, запрещен был также вывоз риса и китайской медной монеты⁴.

В число запрещенных товаров к вывозу в Китай, согласно Кульджинскому трактату 1851 г., включались золото и серебро в слитках и в порошке, золотые и серебряные иностранные и российские монеты, огнестрельное оружие и порох, опий, кредитные билеты российских и иных банковских кредитных учреждений, вино и водка. Несмотря на официальные запреты, существовала и нелегальная торговля запрещенными товарами. В 1890-е гг. вдоль русско-китайской границы участились случаи контрабанды китайской водки «джун-джун», которая поступала подпольно без уплаты акцизных сборов, а также «китайский спирт «джун-джун», крепостью от 45 до 60 %, почти не очищенный, является безусловно вредным для здоровья напитком»⁵.

¹ Рамазанова Ф.С. Семипалатинск в системе торгово-экономических отношений Казахстана, России и Китая в XVIII-XIX вв. / Ф.С. Рамазанова, Г.М. Байпеисова // Востокведные исследования на Алтае. -2014. -№8. - С.75

² Сообщение департамента внешней торговли министерства финансов о ценах на китайские байховые чай, привозимые из Чугучака // Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII — начало XX вв.): сборник документов. Управление архивами Восточно-Казахстанской области, Центр документации Новейшей истории Восточно-Казахстанской области / под. ред. А.А. Аубакирова. - Семипалатинск, 2004. – С.132.

³ Из приложения к всеподданнейшему отчету Семипалатинского военного губернатора - О внешнеторговых связях с Китаем // Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII — начало XX вв.): сборник документов. Управление архивами Восточно-Казахстанской области, Центр документации Новейшей истории Восточно-Казахстанской области / под. ред. А. А. Аубакирова. - Семипалатинск, 2004. – 133 с.

⁴ Из объявления департамента внешней торговли купечеству об открытии торговли в Кульже и Чугучаке // Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII — начало XX вв.): сборник документов. Управление архивами Восточно-Казахстанской области, Центр документации Новейшей истории Восточно-Казахстанской области / под. ред. А. А. Аубакирова. - Семипалатинск, 2004. – С. 131.

⁵ Цыряпкина Ю.Н. Семипалатинское Прииртышье в торгово-экономических связях с Западным Китаем в середине XIX — начале XX вв. / Ю.Н. Цыряпкина // Электронный научно-образовательный журнал «История». -2019. - URL: <https://history.jes.su/s207987840002568-3-1/> (дата обращения: 15.12.2019).

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, отмечался торговый бум в отношениях с Западным Китаем: только за 1909-1913 годы по одному Чугучаку торговый оборот составил свыше 23,9 млн. рублей, торговый экспорт России составил 12,5 млн. рублей, импорт - 11,4 млн. рублей¹.

Первая мировая война, последующие Февральская, Октябрьская революции в России, гражданская война и экономическая разруха первых лет Советской власти вызвали катастрофический упадок как внешней, так и внутренней торговли. Однако, постепенно, под контролем Советского государства торговля начала восстанавливаться на принципиально новой основе, путем национализации ее структуры и централизации управления.

В первую очередь застой в торговле заставил правительство расширять рынки сбыта и решать вопросы, касающиеся закупки товара. Внешторг направил свою политику на торговые связи с Чугучакским и Урумчинским рынками. Советская Россия была заинтересована во ввозе из Китая следующих товаров: шерсть, рис, хлопчатобумажные изделия, сахарный песок, сухофрукты, крупный рогатый скот. Хороший сбыт в Китае имели следующие товары: разное железо, оконное стекло, гвозди, рога, керосин, спички, дерево, крупная чугунная посуда, галантерея, проволока, эмалированная посуда².

В это время правительство сталкивается с такой проблемой, как торговля русскими купцами опиумом, в масштабах, превышающих легальный ввоз опиума в страну. В дореволюционный и постреволюционный период, по крайней мере до конца 20-х гг. XX в., опиум наряду с золотом, серебром, сайговыми рогами стал не только основной валютой в расчетах за товары из Синьцзяна, но и одной из основных причин, способствовавших активному развитию контрабанды с этой провинцией. Известно, что опиум в указанный период был «предметом торга» в выстраивании политических отношений с центральными и местными китайскими властями, неоднократно становился препятствием в российско-китайских переговорах об установлении дипломатических и торгово-экономических отношений. Центральная власть Китая требовала прекратить поставки опиума в страну, но провинциальные власти с этим решением не были согласны. Отдел Внешторга в апреле 1920 г. ужесточил борьбу с контрабандой в российской приграничной зоне, в рамках которой была задержана партия опиума, принадлежавшая кульджинским купцам, в результате «переписка с Китаем почти прекратилась, а без того слабая торговля замерла». Решить проблему контрабанды опиума удалось только к концу 20-х гг. XX в. уже после создания СССР³.

После Октябрьской революции началось административно-территориальное размежевание региона. В 1920 г. была образована Казахская АССР, в состав которой вошла Семипалатинская область с пограничными уездами Зайсанским, Каркаралинским и др., задействованными в торговле с Китаем⁴.

В 1920-х годах торговля пограничных регионов КазАССР с Западным Китаем, хотя и не достигла

¹ Из донесения императорского российского консула в Чугучаке о русско-китайской торговле в Тарбагатайском округе в 1909-1913 гг. // Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII — начало XX вв.): сборник документов. Управление архивами Восточно-Казахстанской области, Центр документации Новейшей истории Восточно-Казахстанской области / под. ред. А.А. Аубакирова. - Семипалатинск, 2004. - С. 136.

² Из докладной записки директора угучакского агента Сибвнешторга о русско-китайской торговле и ее перспективах // Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII — начало XX вв.): сборник документов. Управление архивами Восточно-Казахстанской области, Центр документации Новейшей истории Восточно-Казахстанской области / под. ред. А. А. Аубакирова. - Семипалатинск, 2004. - С.146

³ Шеметова Т.А. О влиянии опиумного вопроса на российско-Синьцзянские торгово-экономические отношения в 1914-1920-е гг. / Т.А. Шеметова // Вестник Томского государственного университета. -2015. -№396. -С.108-110. - URL: http://journals.tsu.ru/uploads/import/1281/files/396_108.pdf (дата обращения 22.12.2019)

⁴ Гужвенко Ю.Н. Восточный Казахстан: этносоциальные отношения в 1990-е – начале 2000-х годов: монография / Ю.Н. Гужвенко. – Москва: издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. – С.32.

довоенного уровня 1909-1913 гг., но, в целом, она приняла прежний характер обмена китайского сырья на советские фабричные изделия. Торговые отношения с Китаем сильно тормозили госпошлины на ввозимые товары в размере 25%, что способствовало росту контрабандной торговли. Из крупных торговых организаций, действующих в Западном Китае, выделялась торгово-импортная контора Казгосторга¹.

Во второй половине 1920-х годов XX века экспорт в Западный Китай достиг 1,4 млн. рублей, импорт, в основном, сырьевой - 2,4 млн. рублей, серебра вывезено на сумму более 388 тыс. рублей². Основная масса экспортно-импортных операций шла через Семипалатинский таможенный округ.

В 1924-1925 операционном году в районе Чугучака внешнеторговая деятельность приобретает характер бартерно-валютного обмена, то есть при получении сырья от китайских купцов им одновременно выдавались эквивалентные товары и валюта.

В советский период страна столкнулась в полной мере с контрабандным вывозом товаров Западный Китай. Главным образом контрабандным путем. Экспортировались следующие товары: опий, маральи сайгачьи рога, железо, выделанная кожа, пушнина, продукты питания, золото и серебро. Предметами импорта выступали чай, мята, благовония, хлопчатобумажная продукция, джун-джун, скот, кожа, шерсть. Тем не менее за 1925 г. товарооборот выразился в сумме 3,7 млн. рублей, за этот же период задержано контрабанды 11 тыс. рублей, что составило лишь значительный процент контрабандной продукции.

Отсутствие торгового договора между СССР и Западным Китаем, примитивность путей сообщения и не налаженность транспортных сообщений тормозило развитие торговых отношений. Но несмотря на все это, торговля с Западным Китаем в 1925-1926 гг. перешагнула за пределы довоенного уровня 1913 г. Некоторые округа, такие как Тарбагадайский и Урумчинский сохранили довоенный оборот, Или-Кульджинский увеличил товарооборот в 1,5 раза, но тем временем Кашгарский уменьшил почти в половину.

Семипалатинское Прииртышье традиционно являлось торговым центром казахской степи. Внеся огромную лепту в торговые связи, как для Российской империи, так и для территории нынешнего Казахстана, Семипалатинск оказался одним из связующих звеньев в торгово-экономических отношениях с территорией Западного Китая. Город сохранил свою торговую специализацию с Западным Китаем в 1920-е годы. Ввозимые товары, такие как крупный рогатый скот, шерсть, чай, ткани, сладости и т.д. снабжали внутренний рынок Российской Империи и СССР. Но и не малое место имел экспорт для денежного оборота страны.

¹ Из докладной записки директора угучакского агента Сибвнешторга о русско-китайской торговле и ее перспективах // Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII — начало XX вв.): сборник документов. Управление архивами Восточно-Казахстанской области, Центр документации Новейшей истории Восточно-Казахстанской области / под. ред. А. А. Аубакирова. - Семипалатинск, 2004. - С.148

² Из докладной записки уполномоченного Наркомвнешторга СССР о состоянии и перспективах торговых отношений с Западным Китаем // Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII — начало XX вв.): сборник документов. Управление архивами Восточно-Казахстанской области, Центр документации Новейшей истории Восточно-Казахстанской области / под. ред. А.А. Аубакирова. - Семипалатинск, 2004. - С. 180.

Т.А. Шеметова, Я.С. Мальцева

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН В 1918-1922 гг.

Вопрос о роли российского серебра в стабилизации Синьцзянской валюты, расширении торговли с центральным Китаем, а также, как одной из причин медленного роста товарооборота Советской России с Китайской провинцией Синьцзян, до настоящего времени дискутируется среди современных исследователей. Однако следует отметить, что эта проблема возникла еще в начале XX века.

После Октябрьской революции взаимоотношения Советской России с китайской провинцией Синьцзян складывались неоднозначно. Этому способствовал ряд известных факторов: политика «нейтралитета» провозглашенная дущюнем (губернатором) провинции, непоследовательные политические шаги со стороны большевистских властей, действия третьих сил. В результате, до начала 20-х годов XX века российско-синьцзянские отношения так и не были официально оформлены. Однако сложная социально-экономическая ситуация, сложившаяся в рассматриваемый период, как в Советской России, так и Синьцзянской провинции, подтолкнула обе стороны к уступкам по широкому кругу спорных вопросов и увеличению торговых сделок (не торгово-экономических отношений) в новом формате. Оплату, за приобретаемые в Синьцзяне товары, торговые представители Советской России осуществляли за серебро, золото, драгоценные камни или валютные товары (опий, саговые рога и т.п.).

Сделки такого рода оказались для китайцев исключительно выгодными, однако не привели к значительному росту объемов экспортно-импортных операций между сторонами. Согласно данным, опубликованным в Бюллетене Представительства НКВТ в Средней Азии №1 за 1922 год, товарооборот между РСФСР и Западным Китаем в 1920-1921 гг., составил:

	1920 г.	1921 г.
1. Экспорт	88 пудов	409 пудов
2. Импорт	12918 пудов	2748 пудов
	545 голов скота	

Для сравнения, в 1913 году российские купцы вывезли из Синьцзяна около 322208 пудов, т.е. на 306542 пуда больше, чем в 1920-1921 гг.¹

Представленные цифры не являются окончательными, так как получены путем суммирования отдельных данных бюллетеня, но показательны в плане динамики развития российско-синьцзянских торгово-экономических отношений в рассматриваемый период.

Отсутствие у России постоянной торговой деятельности в Синьцзяне компенсировалось эпизодическими закупками, жизненных припасов, скота и др. за звонкую монету. В своем докладе в Урумчинское Отделение Русско-Азиатского банка за ноябрь 1921 года, российский скотопромышленник Нигматулин с восторгом писал: «В этом году «Внешторг» в Чугучаке купил у местных купцов 170 тысяч баранов и несколько тысяч быков на чистое серебро (Лондонские слитки

¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 137.

серебра в 2,5 пуда и мелкая разная монета) и купцы получили громадные барыши».¹ Закупки товаров в провинции на валюту, были вызваны необходимостью, и находились в прямой связи с общим упадком российской фабричной продукции. По данным, опубликованным в отчете уполномоченного НКВТ в отделение Госторга в Средней Азии Б.В. Лаврова: «...выработка бумажной пряжи в 1920 и 1921 годах составляла лишь 6% довоенного производства. В 1921-1922 годах эта выработка поднялась до 17%. Выработка ниток с 10%-12% в 1920 и 1921 годах поднялась до 23% и т.д.».² Вместе с тем, этими закупками за валюту, Россия, по мнению референта Е.К. Тегера: «создавала пагубную конъюнктуру для восстановления нормальных торговых отношений с Западным Китаем».³

Кроме того, в рассматриваемый отрезок времени Советское государство стало ввозить из Синьцзянской провинции изделия, которые в довоенное время в основном служили предметом российского экспорта. Например, в первой половине 1922 года было импортировано 467 пудов металлов и изделий из них, а традиционный импортный товар – хлопок, в течение 1921-1922 гг., не ввозился.

Из общей суммы экспорта жизненных припасов за 1921 год в 1138558 пудов по всей среднеазиатской границе – 111076 пудов приходилось на вывоз соли малоценного товара по меркам того времени.

Новая экономическая ситуация, в сравнении с довоенным временем, была истолкована китайцами как возрождение национальной торговли. «Сбывая непрерывно свое сырье и скот в РСФСР в обмен на серебро, китайская провинция не нуждается ни в каком договоре» - писал в наркомат Представитель НКВТ в Средней Азии Б.В. Лавров.⁴ С его мнением был солидарен представитель НКВТ в Западном Китае – Ефимов. В своем докладе он прямо указывал, что «ввозимое серебро и золото в Синьцзян, укрепляет финансы этой провинции и улучшает денежное положение Кульджинского рынка».⁵ С альтернативной точкой зрения по данному вопросу выступал Управляющий Кульджинским Отделением Джетысуйской конторы Госторга Н.В. Тверитин. Признавая факт поставок Россией серебра на Синьцзянский рынок, он предлагал считать его не в качестве денежной единицы, а как «товар, выбрасываемый на него периодически, и то лишь Россией, который раскупается местными менялами и уходит вглубь страны, в Урумчи и на Восток».⁶ Отчасти можно согласиться и с позицией Б.В. Лаврова и мнением по данному вопросу Н.В. Тверитина.

Китайская денежная единица в рассматриваемый период времени действительно поддерживалась именно русским серебром, так как изолированность от Центрального Китая привела к тому, что туда вывозилась вместо сырья исключительно серебряная и золотая валюта. Без русского серебра тецза китайской провинции стояла бы на крайне низком уровне. Такой вывод можно сделать, проанализировав состояние финансовой системы Синьцзяна сложившейся в 1918-1922 годах.

Синьцзян подобно всем провинциям Китая, пользовался правом эмиссии денежных знаков, причем основным денежным знаком являлся урумчинский лан, равный, по номинальной стоимости одному таэлю, или 400 медным денежкам, называемым чохами.⁷

¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 138.

² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 504. Л. 3.

³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 138.

⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 139.

⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 286. Л. 45об.

⁶ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 286. Л. 45.

⁷ Денежное обращение в Синьцзяне // Торговля СССР с Востоком. – 1930. – № 1. С. 113-118.

В революционный период были случаи, когда курс кредитной ланы стоял не только наравне с серебром, но даже ценился и выше в виду портативности кредиток. После Синьхайской революции в Китае, в Синьцзян перестали поступать субсидии из Центра, что привело к недостатку денежных знаков, которое в довоенный период компенсировалось наличием российских кредитных билетов, золотой и серебряной валютой. Однако с началом мировой войны, с рынков провинции исчезли золото и серебро, а после российской революции стал обесцениваться и пропадать русский рубль. Вышеперечисленные обстоятельства заставили Синьцзянскую администрацию усилить денежную эмиссию.¹ В период с 1912-1922 год в Урумчи было выпущено около 20900000 тыс. лан, причем с 1918-1922 – 11200000 лан (1912-1913 гг. – 4500000 лан, 1914-1917 – 5200000 лан).

Кроме того, в Или были запущены тецзы, равные 1/3 урумчинской ланы, всего на сумму 2000000 лан.

Если считать, что за это время было изъято из обращения путем уничтожения, внесения в казначейство старых бумажек и естественной утери, а всего до 3000000 лан, то в Синьцзяне находилось в обращении до 20000000 лан, курс которых с каждой эмиссией соответственно снижался. В 1912 году курс в отношении ланы держался 1,03 – 1,10 фунтов, в 1919 году он был уже 1,80 – 2,00. В последующие три года курс ланы еще более понизился и в 1921 году составлял 3,00, а в 1922 году 4,30 фунта за одну серебряную лану. Отмечалось падение кредитного лана и в отношении чохов, от 160 до 80 чохов за кредитку. В 1922 году увеличилось поступление серебра из России за продаваемые ей товары. С одной стороны это позволило администрации Синьцзяна выпустить около 5000000 серебряных лан для поддержания курса. С другой, укрепить кредитный лан до 3,50 фунтов.² Вместе с тем нужно отметить, что запас звонкой монеты, обеспечивающий эмиссию, был не велик. Высшее чиновничество Синьцзяна, переводило практически все свои сбережения в серебро, золото или другие ценности и вывозило их в центральные области Китая. По сведениям начальника гарнизона в г. Ланчжоу (Ганьсуйской провинции), направленных Пекинскому правительству, им был конфискован «... обоз ценностей (серебра, золота и др.) 35 подвод, отправленных Синьцзянским дуцзюнем в Тяньцзинь».³ Из Кашгарии серебро уходило в Индию. Что позволяет предположить, что кредитные билеты урумчинских лан были слабо обеспечены, но на определенном этапе времени серебро, поступавшее из Советской России, действительно способствовало укреплению местной валюты и активизировало торговые отношения Западного и Восточного Китая. При этом, получая серебро при отсутствии официального торгового договора и, следовательно, без каких-либо обязательств со своей стороны, Синьцзян не имел стимулов для налаживания с РСФСР прочных политических отношений. Уполномоченный НКВД Казанский писал в своем докладе: «Программа китайцев ясна: это недопущение наших закупочных органов вглубь рынка, стремление держать нас на границе и путем опеки монополистов и изоляции от остального коммерческого мира. Нашу потребность в сырье использовать на предмет извлечения валюты и валютного товара для поддержания торговли с Востоком».⁴

Торговля с Востоком в рассматриваемый период достигла вполне заметных результатов, приток российского серебра сыграл положительную роль в смене китайцами приоритетов в торговле с Западом на Восток, в сторону Пекина, Шанхая и Тяньцзина. Тем более, что рынки собственно Китая в это время, оказались, «затоварены» мануфактурой, которой не хватало в Синьцзяне. Это обстоятельство

¹ Ефимов, Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая: монография / Г. В. Ефимов. – Москва: Госполитиздат, 1951. С. 176.

² РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 14. Л. 158.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 110. Оп. 7. Д. 45. Л. 62.

⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 141.

способствовало сближению центра с окраиной, истощившей запасы русских фабрикатов. Сложившееся положение впервые позволило, несмотря на дороговизну фрахта, транспортировать из Синьцзянской провинции сырье выюком до ближайшей железнодорожной станции Калган, стоящей в 2500 верстах от Урумчи, административного центра Западного Китая. Сырье из Синьцзянской провинции нашло сбыт на рынках Востока. В июне 1922 года в заметке «Нортс Чайна-Дейли-Ньюс» отмечалось, что «...в 1921 году в значительном числе отраслей импортной торговли наличные запасы товаров на складах Шанхая и Тяньцзиня и других важных центров были исключительно велики и торговля шла плохо».¹

Дешевизна импортных товаров на рынках восточного Китая и высокая цена на них на рынках Синьцзяна, при обесценивании сырья, стали теми факторами, которые способствовали налаживанию более тесных экономических отношений Центра с окраиной. Именно с этого времени на рынки Синьцзянской провинции стали поступать товары европейской и американской индустрии, а отсутствие политического и торгового договоров между Советской Россией и Китаем, избавляло его рынок от конкуренции российских товаров, главным образом мануфактуры. Между тем, значительный приток серебра из России в Синьцзян остановил катастрофическое падение курса тецзы и дал возможность купцам, без сложных операций с сырьем, не теряя на фрахте, закупать на звонкую монету импортные товары Шанхая и Тяньцзиня.

Таким образом, поступление серебра из Советской России сыграло позитивную роль в стабилизации финансового рынка китайской провинции Синьцзян и способствовало развитию торговых отношений с собственно Китаем.

¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 10. Д. 282. Л. 139.

В.А. Концевая

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В связи со сложным социально-экономическим положением и особыми геополитическими условиями Китая в XIX в. появились благоприятные условия для миграции китайцев в Российскую империю. До настоящего времени нет точных данных о количестве китайцев на российском Дальнем Востоке, их хозяйственной деятельности, проблем адаптации, отсутствие правового статуса и их влияние на развитие экономики рассматриваемого региона. В последнее время возросли миграционные потоки из Китая в Россию. Однако правительству так и не удалось окончательно сформировать правовую базу для урегулирования данной проблемы, что сохраняет условия для возникновения конфликтов на национальной, конфессиональной и других почв.

Именно поэтому изучение процесса формирования и развития миграционных процессов на Дальний Восток, анализ государственной политики на разных этапах, теоретическое осмысление сущности и специфики исторического опыта развития российско-китайских отношений, а также влияние китайских мигрантов на освоение региона в конце XIX – начале XX в. необходимы для выработки практических рекомендаций для снижения остроты сложившейся ситуации.

К концу XIX в. Цинская империя окончательно превратилась в полуколонию иностранных государств, что негативным образом сказалось на социально-экономическом и политическом развитии. Все дело в том, что навязанные Китаю неравноправные договоры изменили приоритеты в отраслях сельского хозяйства. На первый план вышли технические культуры, которые были востребованы на мировом рынке и уменьшилось количество посевных площадей, засеваемых пшеницей, рисом и другими злаками. Ирригационные сооружения в виде дамб, плотин и отводных каналов приходили в ветхость, разрушались и не выполняли своих функций орошения и защиты от стихийных бедствий, особенно в долинах Янцзы. В связи с этим на больших площадях увеличивалась эрозия почвы, что приводило к падению урожайности зерновых в большинстве провинций. Эти факторы все больше обостряли продовольственную проблему в стране. Кроме того, в силу дисбаланса во внешней торговле (импорт преобладал экспортом, происходил отток серебра) китайская казна недополучала поступлений. Поэтому, чтобы возместить расходы государству было необходимо все чаще прибегать к иностранным займам и повышению налогов внутри страны, что вело к обострению социальной ситуации в деревне.

Крестьяне, которые составляли абсолютное большинство в конце XIX в. из-за малоземелья и безземелья, повышения податей и налогов, крепостной зависимости, формировали значительную часть мигрантов, переселяющихся за границу или в город. Зависимость Китая проявилась не только в сельском хозяйстве, но и в национально-промышленном производстве, так как условий для развития собственной буржуазии и накопления капитала не было, то промышленность, в основном, была создана иностранцами, с использованием своей рабочей силы. В результате, в государстве отмечался рост избыточных рабочих рук, обострение социальной напряженности и, как одно из следствий, усиление потока миграции в другие государства, одним из которых была Российская империя. Помимо кризиса во всех сферах экономики и демографических особенностей, миграция на территорию Дальнего Востока оказалась возможной благодаря улучшению дипломатических отношений между государствами. Договоры второй половины XIX в. разрешили спорные территориальные вопросы, экономические вопросы, связанные с торговлей, привели к созданию условий для миграции китайского населения, больше всего в Российскую империю. Российско-китайская сухопутная граница в конце XIX в. была самой протяженной и, как правило, слабо охраняемой, а ее приграничные территории были малозаселенным. Поэтому они оказались привлекательной для огромной массы людей, «ищущей» лучшие условия для жизни.

Как следует из документов, в дальневосточных губерниях Российской губернии на 1 квадратный километр приходилось 0,34 человека¹, в то же время в Китайском государстве, на 1 квадратный километр приходилось 779.754.611 человек².

Первые документированные сведения о числе китайцев на Дальнем Востоке крайне противоречивы. Так как правительство не видело в миграциях китайского населения опасности для развития государства. По данным главного управления Восточной Сибири, на территорию всего генерал-губернаторства в 1819-1823 гг. прибыло 11 подданных Цинской империи, в 1824-1828 гг. – 6 (маленькое количество переселенцев обусловлено было тем, что в Китайском государстве в 20-х гг. XIX в. вспыхивают восстания крестьян и горожан против цинского правительства), а в 1858-1860 гг. на территории Амурской и Приморской областей находилось 6300 оседлых и 2-3 тысячи бродячих китайцев. Наибольшее число китайцев оседало в приграничных областях Дальнего Востока России, прежде всего, в Приморской и Амурской³.

Значительное число китайских мигрантов традиционно проживало в Благовещенске, что подтверждают данные таблицы 1.

Таблица 1

Численность китайцев, получивших билет на проживание в Благовещенске в конце XIX – начале XX вв⁴.

Годы	1896	1897	1898	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Численность китайцев	2856	3148	4008	3192	3176	3340	7097	10135	6822

Такой наплыв мигрантов в Благовещенске объяснялся его расположением вблизи российско-китайской границы, а также тем, что данный город был одним из самых экономически развитых на Дальнем Востоке того периода.

Также интересны данные о количестве переселенцев из Китая во всем регионе. В основном они селились чаще всего в городах, находившихся вблизи границ, что давало им ряд преимуществ: в городах, с большей вероятностью, можно было найти работу, а близость границы – возможность вернуться на историческую родину или перевезти на новое место жительства всю семью.

Таблица 2

Численность китайцев, проживающих на территории российского Дальнего Востока в начале XX в⁵.

Города	Владивосток	Уссурийск	Хабаровск	Благовещенск	Николаевск-на-Амуре	Всего
Численность на момент 1912 г.	70 тыс.	10 тыс.	10 тыс.	20 тыс.	3 тыс.	ок. 200 тыс.

¹ Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения / разработано Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по данным первой всеобщей переписи 1897 г. – Санкт-Петербург : типография князя В. П. Мещерского, 1902. – С. 5.

² Путята. Китай: Географический очерк. Население. Государственный бюджет и внешняя торговля. Вооруженные силы. Русско-китайская граница. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Выпуск 59. – Санкт-Петербург, 1895. – С. 38.

³ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.) / О.А. Тимофеев. Благовещенск, 2003. URL: http://www.igpi.ru/center/lib/hist_tradit/east/china/timofeev1.html#_ftn269 (дата обращения 30.03.2019).

⁴ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.) / О.А. Тимофеев. Благовещенск, 2003. URL: http://www.igpi.ru/center/lib/hist_tradit/east/china/timofeev1.html#_ftn269 (дата обращения 30.03.2019).

⁵ Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1858-1939 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук / Залеская Ольга Владимировна. – Благовещенск, 2009. URL: <http://pora.zavantag.com/stati/zalesskaya-olega-vladimirovna-kitajskie-migranti-na-dalenen-vo/stranica-1.html> (дата обращения 25.09.2019).

Следует отметить, что переселение китайцев на российском Дальнем Востоке, поощрялось цинским правительством, так как с одной стороны, данные процессы снижали уровень социальной напряженности в государстве, а с другой, для Срединной империи открывалась перспектива возможного присоединения российского Дальнего Востока к своему государству, ввиду заселения региона китайцами.

Переселенцы после их миграции в Россию старались не менять вид деятельности и заниматься тем же делом, что и на их исторической Родине. В социальном плане мигрантов можно классифицировать по следующим группам: торговцы; кустари, ремесленники и промышленники; рабочие; земледельцы; промысловики; контрабандисты и хунхузы.

Земледелием занималось около 33% (ок. 10,6 тыс. человек) китайского населения Амурской области и 11,5% (9 дворов) в Приморской области. Это была часть оседлого китайского населения¹.

В основном мигранты арендовали землю у русских казаков и крестьян, которые в начале XX в. предпочитали «отправлялся куда-нибудь на заработки», предоставляя китайцу распоряжаться землей по своему усмотрению. Китайцев, имеющих земельные участки в собственности было мало (во всем Приморском крае всего 12 человек), так как в 1892 г. была запрещена «покупка иностранцами недвижимой собственности»².

«Китаец сразу начинал строить фанзы, выписывал своих родственников из Китая, нанимал рабочих и начинал хозяйничать на земле». Таким образом, китайцы по существу становились собственниками земли, а не арендаторами, а «русский владел землей только номинально»³. В начале XX в. в Приморской области из всех земель только 17,4% было у русского населения, а 27,7% – у китайского. Как правило, китайские мигранты старались брать в аренду большие участки земли, а затем сдавали своим соотечественникам в субаренду.

Начиная с 80-х гг. XIX в. в связи с увеличением числа крестьян-переселенцев из европейской части России власти начали выселять китайских крестьян с самовольно занятых ими земель.

Земля, китайскими мигрантами, использовалась для выращивания овощей, злаковых культур, которые в последствии продавались местному населению. По данным источников, под Владивостоком насчитывалось 44 огородные фанзы, на которых работало около 240 китайцев. По существу, 1 «китайский огородник» обеспечивал продовольствием 25-26 жителей города⁴. Благодаря китайцам получило распространение на Дальнем Востоке грядковое земледелие. Таким образом можно утверждать, что китайские мигранты играли важную роль в обеспечении края продуктами питания.

Кроме того, мигранты использовали земли под засев их маком для производства ханшина и опиума. В российском законодательстве не было статьи, запрещающей их производство, было лишь ограничение ввоза и вывоза из страны, также разрешалось продавать в аптеках только по рецептам врачей. Начиная с 70-х гг. XIX в. отмечалось увеличение объемов производимого опиума, вывоз которого к 1897 г. составил 200 пудов⁵.

¹ Романова Г.Н. Предпринимательство, земледелие и промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) / Г. Н. Романова // Проблема Дальнего Востока – 2013. – №6. – С. 123.

² Граве В.В. Китайцы, корейцы, японцы в Приамурье: Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции / В. В. Граве. – Санкт-Петербург, 1912. – Выпуск 11. – С. 45.

³ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический / В. К. Арсеньев. – Хабаровск, 1914. – С. 69-70.

⁴ Романова Г.Н. Предпринимательство, земледелие и промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) / Г. Н. Романова // Проблема Дальнего Востока – 2013. – №6. – С. 123.

⁵ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический / В. К. Арсеньев. – Хабаровск, 1914. – С. 141.

В целом, несмотря на негативные моменты, нужно признать, что китайские мигранты положительно влияли на развитие сельского хозяйства в регионе.

Второй социально-экономической группой, мигрировавшей из Китая в Россию, были рабочие, востребованность которых в Приамурском генерал-губернаторстве началась на рубеже 80-х и 90-х гг. XIX в. До этого времени русские золотопромышленники считали их труд малоэффективным. Соотношение русских и китайских рабочих на приисках Амурской области постепенно менялось в пользу последних. Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков еще в июне 1865 г. направил в Министерство финансов представление о разрешении на привлечение к работам китайских старателей. Министр, в свою очередь, в докладе правительству счел необходимым отметить, что подобная мера «может принести значительную пользу, как потому, что она будет служить верным обеспечением на случай чрезмерного возвышения заработной платы, так и потому, что рабочее население из китайцев отличается вообще трудолюбием, спокойствием и особым тщанием в производстве подобных золотому промыслу работ¹». В начале XX в. труд мигрантов был востребованным. К 1910 г. китайцы составили свыше 80% всего контингента старателей.

Китайцы, проживавшие в городах, в основном работали чернорабочими, либо открывали ремесленные мастерские и торговые лавки. Мигранты также привлекались в качестве матросов, портовых и судовых рабочих, участвовали в содержании водных путей Амурского бассейна, были заняты в строительных работах, кирпичном производстве, на обжиге извести и в других сферах.

Они обычно выполняли неквалифицированную работу. Их можно было встретить в качестве домашней прислуги, дворников, старателей и т. д. Китайцы работали за меньшую оплату, чем российское население, поэтому создавали большую конкуренцию для русских. Так, заработная плата местного рабочего была в 1,5 - 2 раза выше, чем у китайского мигранта². Что приводило к тому, что работодатели отдавали предпочтение китайским рабочим, нежели российским.

Таким образом, большую роль в развитии промышленного развития российского Дальнего Востока играли китайские мигранты, труд которых оказался выгодным и необходимым для региона.

Помимо рабочих в развитии промышленного производства российского Дальнего Востока важную роль играли китайские предприниматели. Большинство частных предприятий находилось в крупных городах. По данным 1881 г., во Владивостоке китайцы владели тремя столярными, двумя кузнечными, пятью портняжными мастерскими, двумя булочными. В 1895 г. в Приморской области действовало семь подобных заводов: пять — во Владивостоке, один — в Хабаровске и один в с. Никольском, принадлежавшем русскому купцу. На них было произведено 20 тыс. ведер пива на сумму 160 тыс. руб. В 1896 г. из 13 предприятий в Приморской и Амурской областях четыре (30,8%) принадлежали россиянам, три — европейским предпринимателям и шесть — китайским³. Согласно статистическим данным 1904 г., в Приморской области было зарегистрировано 558 различных предприятий, 84 из которых принадлежало китайским подданным, т. е. удельный вес китайских предприятий составлял 15,2%. 94,1% принадлежавших китайцам заведений функционировало в городах и только 5 (5,9%) из них располагалось вне города. Главным центром китайской деловой активности являлся Владивосток, где действовало 53 китайских предприятия (или 63,2% зарегистрированных китайских заведений); в Никольске-Уссурийском функционировало 19 предприятий (22,7%) в Хабаровске — 7 (8,2%). Китайская диаспора занимала в ремесленно-промышленном секторе экономики третью позицию, уступая российским (60%) и японским (19%) подданным⁴.

¹ Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX – нач. XX вв.) / О. А. Тимофеев. Благовещенск, 2003. URL: http://www.igpi.ru/center/lib/hist_tradit/east/china/timofeev1.html#_ftn269 (дата обращения 30.03.2019).

² Граве В.В. Китайцы, корейцы, японцы в Приамурье: Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции / В. В. Граве. – Санкт-Петербург, 1912. – Выпуск 11. – С. 47.

³ Там же С. 47.

⁴ Романова Г.Н. Предпринимательство, земледелие и промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) / Г. Н. Романова // Проблема Дальнего Востока – 2013. – №6. – С. 120-121.

Китайские предприятия на территории российского Дальнего Востока в 1904 г.

Количество предприятий	Всего	Владивосток	Никольск-Уссурийский	Хабаровск	Другие города
Количество предприятий в шт.	84	53	19	7	5
Количество предприятий в процентах	100 %	63,2 %	22,7 %	8,2 %	5,9 %

К началу XX в. китайцам и японцам принадлежало около 85% ремесленно-промышленных заведений, 95% прислуги приходилось на долю китайцев, 90% городской мелочной торговли находилось в руках китайцев. Что создавало трудности русскому населению данного края, так как товары китайские товары были дешевле, их было в большом количестве, а также в легкой доступности.

Особое место в производстве занимало так называемое ханшинное производство. «Ханшин» или «Суля» – китайская водка (крепость 50-60 градусов) была распространена в Южно-Уссурийском крае. В 1887 г. там действовало 143 ханшинных завода, в 1906 г. – уже 204. В 1887 г. производилось по 16 бутылок китайской водки на душу населения в год¹. Широкое распространение ханшина на российском Дальнем Востоке отрицательно влияло на развитие российского винокуренного производства. Из-за того, что ханшин был дешевым и его можно было легко приобрести. Поэтому государство и русские промышленники теряли важные статьи дохода.

Таким образом, промышленность на российском Дальнем Востоке развивалась в конце XIX – начале XX в. благодаря китайским подданным. Причем были как рабочие, работавшие на предприятиях, так и промышленники. Наплыв дешевой рабочей силы в данные регионы осложнял трудоустройство русского населения, вынуждая их переселяться ближе к центру Российской империи.

Еще одной отраслью экономики российского Дальнего Востока, где были задействованы китайские мигранты, являлась торговля, которая особенно активно начала развиваться с 70-х гг. XIX в. К 1897 г. в этой области экономики было задействовано 1106 русских и 1076 китайских торговцев. В сравнении с общим количеством переселенцев из Китая (на тот период они составляли ок. 100 тыс. человек), можно говорить о том, что китайские мигранты были задействованы в меньшей степени. Тем не менее они были представлены крупными фирмами и мелкорозничной торговлей. Самыми известными из крупных купцов были Хуа Чантай, Тун Юнли и Юн Хоцянь². Мелким купцам приходилось сложнее, они не могли конкурировать на местном рынке (незнание языка, отсутствие правовой основы для занятия торговли и т.д. – В. К.), поэтому они использовали неофициальные способы ведения торговли (торговля без лицензий, продажа контрабандных товаров).

Были среди мигрантов и те, которые не смогли найти работу, заняться предпринимательской деятельностью, поэтому они стали объединяться в банды, так называемых, хунхузов³. Хунхузы существовали тем, что совершали нападения на КВЖД, приграничные территории Приамурья и Приморья. Тем самым увеличивая криминогенную обстановку и социальную напряженность среди населения дальневосточного региона.

¹ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический / В. К. Арсеньев. – Хабаровск, 1914. – С. 131–137

² Граве В.В. Китайцы, корейцы, японцы в Приамурье: Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции / В. В. Граве. – Санкт-Петербург, 1912. – Выпуск 11. – С. 343.

³ Хунхузы – китайское криминализованное население или бандиты.

Таким образом, в результате своей деятельности китайские мигранты, с одной стороны, способствовали развитию экономики российского Дальнего Востока, с другой, они создавали конкуренцию на рынке труда местному населению, что способствовало его оттоку в центральные регионы России. В свою очередь, уменьшение русского населения создавало опасность «ползучей ассимиляции» китайцами жителей этих областей. Поэтому российское правительство вынуждено было каким-то образом регулировать процесс миграции китайского населения.

*Е.М. Гостюшева**Лицей № 1 (г. Горно-Алтайск)*

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В 1920-1930-е гг. В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

Историческое краеведение как часть общероссийского исторического познавательного процесса претерпевает кардинальные изменения вместе с политическими преобразованиями всей общественной жизни страны после 1917 г. Трансформация научного познания в первые годы советской власти и влияние общероссийских тенденций на историческое краеведение не является достаточно разработанной темой. Советские авторы в большей степени отдавали предпочтение анализу дореволюционной исторической мысли, немного историографических работ в это время вообще посвящено советской исторической науке.¹ Переход к марксистско-ленинскому пониманию исторического процесса, смена предмета и метода исследования после событий 1917 г. исследователями воспринималось как нечто закономерное не требующее дополнительного рассмотрения и анализа.² Историографические исследования советского времени являются отражением своей эпохи, сосредоточенных в рамках определенных методологических принципов и идеологических установок.

Современные авторы, анализируя историографию советского периода подробно рассматривают смену научной парадигмы, связывая процессы в академической среде с общественно-политической жизнью в стране и партийной борьбой в высших административных кругах. Исследователи обращают внимание на более глубокое изучение природы и целей исторического познавательного процесса первых лет советской власти, выделяя отличительные особенности исторической науки этого периода.³

Помимо общих учебных пособий и монографий, посвященных истории и оценке советской исторической науки, в современной историографии можно выделить и работы, в которых рассматривается отдельно период становления марксистско-ленинской методологии.⁴ Для исследователей характерен отход от резко отрицательной критики советской исторической науки в целом и 1920-х гг. в частности, свойственное для ученых 1990-х гг.⁵

¹ Котова, В.Н. Историография истории СССР. 1917–1934. Киев, 1966.; Историография истории СССР (эпоха социализма)» / под редакцией И.И. Минца. М., 1982.; Очерки по истории исторической науки в СССР. Т. 3. Москва, 1966.

² Рубинштейн Н.Л. Русская историография Москва, 1941.

³ Наумова Г. Р., Шикло А.Е. Историография истории России. Москва, 2007.; Корзун, В.П. Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005.; Современная российская историография новейшей истории России и истории СССР: Учебно-справочное пособие / Под ред. В.И. Меньковского. Мн.: РИВШ, 2006.; Историография истории России: учеб. пособие для бакалавров /Под ред. А.А. Чернобаева. 2-е изд., Москва, 2015.

⁴ Тихонов, В.В. Историческая наука в 1920-е годы: историографические заметки // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30 (321). История. Вып. 57. С. 101–108.; Сидоров, А.В. Принцип научности в марксистской историографии 20-х гг. // Государственное управление. Электронный ежегодник. 2012. Вып. 30 [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.knigi-x.ru/22meditsina/67355-1-gosudarstvennoe-upravlenie-elektronniy-vestnik-vipusk-fevral-2012-nikonorova-upravlenie-kach.php>; Долгова, Е.А. Споры о методе в российской исторической науке в 1920-е годы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2013. № 1. С. 166–172.

⁵ Дмитриев, А.С. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история Академии: случай А.Н. Шебунина // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 20–26.; Историческая наука в 20–30-е годы. «Круглый стол» научного совета по историографии и источниковедению // История и историки. Москва: Наука, 1990. С. 64–105.; Советская историография. Москва, 1996.; Россия в XX в. Судьбы исторической науки. Москва, 1996.; Историческая наука России в XX веке. / Отв. ред. Г.Д. Алексеева. М., 1997.

Сибирское краеведение представлено в большей степени отдельными научными работами и энциклопедическими статьями о научной, просветительской, музейной деятельности общественных организаций на территории Сибири в первые годы советской власти.¹

Трансформация методологии истории в первые годы советской власти проходила по нескольким направлениям. Первое десятилетие – это время широкого демократизма, глубокого понимания процесса развития науки, ее взаимосвязи с практикой строительства коммунизма. В.И. Ленин понимал стоящие перед наукой советского общества задачи, ее социальные функции, особенности развития в условиях переходного периода, трудности формирования марксистских кадров. Большое значение он придавал проблеме использования духовного наследства «буржуазной» культуры. На практике реализация этой задачи привела к привлечению к строительству социалистических социальных институтов, подготовке педагогических кадров «буржуазных» специалистов через «данные своей науки». Эти установки и были положены в основу партийного руководства наукой, в том числе исторической.²

Сохранив в целостности Российскую Академию наук, партия и государство сосредоточили свои усилия на организации новых центров (марксистских по духу), призванных решать задачи социалистического переустройства общественной жизни. Были созданы Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) В.И. Ленина, Институт Маркса и Энгельса, Истпарт, ряд учреждений переходного характера для совместной работы «буржуазных» ученых и ученых нового социалистического государства, которые могли бы способствовать взаимообогащению общественных и научных интересов и той и другой категории исследователей. На практике возобладала идея борьбы, конфронтации, а не союза с «буржуазными» историками, лояльно настроенными к Советской власти, что привело к отказу от демократических традиций в научной среде.³

Переломным моментом становится 1928–1929 гг., когда в обществе, в партии и как следствие в исторической науке развиваются весьма сложные процессы. Архивные свидетельства указывают на тесную связь поворота в отношении к историкам старой школы, наметившегося с 1928 г. (так называемое шахтинское дело), с разворачивающейся внутрипартийной борьбой с «правым уклоном» и враждебным отношением к буржуазным специалистам. Наиболее яркое выражение эта политика получила в выступлениях Сталина на пленумах ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг., на конференции аграрников-марксистов (1929 г.) и т.д. В них содержались положения о якобы неизбежном усилении классовой борьбы по мере развертывания строительства социализма, о необходимости скорейшего преодоления отставания теоретической работы от практики социалистического строительства и в связи с этим о необходимости «непримиримой борьбы с буржуазными теориями». Эти установки надолго определили основные процессы в советской исторической науке.⁴

¹ Скалабан, И.А. Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества в последней четверти XIX - начале XX вв., 1877-1919 гг. Автореферат на соискание ученой степени канд. истор. наук. Новосибирск, 1994.; Шиловский, М.В. Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири // Земля тюменская. 2004. Вып. 17. С. 32–42.; Кабанов, К.А. Краеведческое движение в Западной Сибири: от рассвета к разгрому (1917–1930) // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы. Иркутск, 2000. Ч. 1. С. 149–153.; Левченко, А.О. Краеведческая и выставочная деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества (1851-1931): автореферат на соискание ученой степени канд. истор. наук. Иркутск, 2005.; Арсеньева, Л.Г. Деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества по изучению монгольских народов (середина XIX – первая четверть XX в.): автореферат на соискание ученой степени канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2015.

² Ленин, В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. Москва, 1981.

³ Историческая наука в 20–30-е годы. «Крупный стол» научного совета по историографии и источниковедению // История и историки. Москва: Наука, 1990. С. 64–105.

⁴ Историческая наука в 20–30-е годы. «Крупный стол» научного совета по историографии и источниковедению // История и историки. Москва: Наука, 1990. С. 64–105.

Закрываются научные центры. В 1928 г. по инициативе Покровского была закрыта РАНИОН, свертывается работа Истпарта и его филиалов. В 1930-м г. происходит арест историков старой школы: С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина, М.К. Любавского, Ю.В. Готье, Д.Н. Егорова, и ряд других. В результате закрытия Коммунистической академии в 1935 г., репрессий историков-марксистов в 1927–1938 гг. историческая наука была в значительной мере разгромлена. Аресты отлучили от науки на годы крупных ученых и способствовали складыванию в научной среде атмосферы страха.¹ Хотя в стране и значительно расширено историческое образование и подготовка историков, научно-исследовательская работа была ограничена. Изучение прошлого страны велось под углом зрения тех процессов, которые происходили как внутри научного сообщества, так и в обществе. В наиболее концентрированном виде это проявилось в письме Сталина в журнал «Пролетарская революция» (1931 г.). Анализ письма, обстоятельств его появления и научной ситуации не оставляет сомнения в том, что под контроль взята вся историческая наука, научные центры, журналы. Навязывалось субъективное понимание важнейших моментов истории, подвергалась критике любая методологическая оппозиция в осмыслении сущности исторического процесса. Возобладавшая практика преследования плюрализма идей была распространена и на людей, что нанесло невосполнимый урон развитию не только науки, но общественного сознания, морали. Решающими стали тенденции бюрократизации науки, полного подчинения ее политическим интересам, значительного сужения предметной области. Научный процесс постепенно становится заданным и управляемым партийным и государственным руководством страны. Высказывания В.И. Ленина, И.В. Сталина, К. Маркса, Ф. Энгельса, документы партийных форумов составляли неперемное обрамление работ по истории.² Помещение цитат классиков марксизма-ленинизма во вступительную и заключительную части исследования и корреляция с ними авторских выводов придавали им обоим статус критерия истины, доказательства научности проведенной работы.³ Здесь проявился характерный для всей советской историографии прием, идти в русле идеи классика марксизма, экстраполируя ее на свою работу. Ленинская цитата была отправной точкой исследования, ее стимулом, в ней же заключалось и заданность проблемного поля исследователя.

Схожие тенденции трансформации исторического познания, смены предмета исследования проявились и в историческом краеведении. Первые годы советской власти отмечены подъемом краеведческой работы, центральное бюро краеведения возглавлял академик С. Ф. Ольденбург и взаимосвязь краеведения с «большой наукой» была плодотворной. Активно взаимодействовали краеведческие организации с музеями и архивами. Многие дореволюционные общественные и научные организации Сибири, не прекратившие свою деятельность во время войны и революции, становятся в «провинции» не только важнейшими очагами культуры, приобщавшими к ней и городскую и сельскую молодежь, но и соорганизаторами планирования социалистического строительства.

В январе 1919 г. на съезде в Томске представителей общественных и научных организаций принимается решение о создании Института изучения Сибири (ИИС). В составе ИИС намечалось открыть и историко-этнографический отдел. Программа института предполагала создание Сибирского областного музея, книгохранилища, архива, сосредотачивающим материалы региональных управлений, в частности переселенческого, железнодорожного и др.⁴ Историческое краеведение

¹ Там же.

² Сидорова, Л.А. «Руководящая цитата» в советской исторической науке середины XX в. // История и историки: историографический вестник. Москва, 2006. С. 135.

³ Сидорова, Л.А. «Руководящая цитата» в советской исторической науке середины XX в. // История и историки: историографический вестник. Москва, 2006. С. 137.

⁴ Труды съезда по организации Института исследования Сибири / изд. под набл. Б.П. Вейнберга. Томск, 1919. С. 1.

планировалось сосредоточить в рамках историко-этнографического отдела, объединить и координировать краеведческую работу в регионе среди общественных организации, бездеятельность которых объяснялась отсутствием работников и средств.¹ В рамках этого направления в 1919 г. в только что открывшемся Иркутском университете профессор Б.Э. Петри создает студенческий научный кружок «Народоведение», который в 1922 г. подготовил материалы для первого номера журнала «Сибирская живая старина».² В декабре 1921 г. в Москве проходит Первая Всероссийская конференция научных обществ по краеведению, на основе решений которой в январе 1922 г. создается Центральное бюро краеведения (ЦБК). В Сибири открывается 7 новых музеев, в том числе Томский и Новониколаевский, существенно расширяется сфера деятельности уже существующих. Начинается создание специализированных общественных краеведческих организаций: филиал по исследованиям Сибири в Новониколаевске (1921), кафедра прибайкаловедения при Прибайкальском народном университете в Верхнеудинске (1921), Общество изучения Тобольского края (1922), Тюменское общество изучения местного края (1924) и т.д.³ К марту 1923 г. в Сибири работало 28 обществ и 36 музеев, занимавшихся краеведческой работой.⁴

С 1924 г. во всех губернских и окружных городах региона создаются краеведческие общества. В 1925 г. в Новониколаевске организуется Сибирское научно-исследовательское общество, переименованное в Общество изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС), при котором начинается издание журнала «Сибиреведение». В том же году в Иркутске проходит Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд, а в 1926 г. в Новосибирске проводится Первый научно-исследовательский съезд Сибири. В русле этой деятельности началась подготовка издания Сибирской советской энциклопедии. К 1930 г. Ассоциация краеведческих организаций Сибири объединяла 18 обществ краеведения, 18 музеев и 4 отдела РГО.⁵

На страницах печати и в залах заседания между новыми «марксистскими» исследователями и «старыми» краеведами развернулись не шуточные споры, а порой и открытая конфронтация. Одним из центральных вопросов, вызвавшим бурные обсуждения в Западно-Сибирском отделении РГО в это время стал вопрос о его деятельности и вкладе в общественную, научную, просветительскую жизнь региона в предшествующий период. Представители новой формации обвиняли старые отделы в академизме, увлечении чистой наукой, отрыве от практических нужд края, привлечении в основном заезжих исследователей, оторванности от работы широких масс населения края, в отсутствии системности и плановости. На защиту ЗСО ИРГО стали известные региональные исследователи В.Ф. Семенов, П.К. Казаринов, С.П. Швецов, В.И. Николаев. В работе «Очерке 50-летней деятельности ЗСО ИРГО» В.Ф. Семенов проследил всю хронику событий общества, охарактеризовал исследовательскую, научную и популяризаторскую деятельности, собрал библиографический, справочный материал и дал высокую оценку научной значимости работ ЗСО ИРГО и его членов. П.К. Казаринов на совещаниях краеведов указывал на то положительное, что можно извлечь из опыта работы ЗСО ИРГО: кооперация исследовательского труда, постоянный состав членов, позволявшие краеведению развиваться относительно гармонично. В.И. Николаев и С.П. Швецов отметили большой вклад ссыльных в деятельности ЗСО ИРГО, активно занимающихся исследовательской деятельностью, посвященных

¹ Там же, С. 107.

² Шиловский, М.В. Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири // Земля тюменская. 2004. Вып. 17. С. 36.

³ Шиловский, М.В. Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири // Земля тюменская. 2004. Вып. 17. С. 40.

⁴ Кабанов, К.А. Краеведческое движение в Западной Сибири: от рассвета к разгрому (1917–1930) // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы. Иркутск, 2000. Ч. 1. С. 149

⁵ Там же, С. 153.

жизни обычного человека, его хозяйственно-экономической деятельности, остановились на работе С.Л. Чудновского, Н.Е. Петропавловского, С.П. и М.В. Швецовых, К.Л. Чермак, К.Р. Кочаровского и др.

К концу 1930-х гг. отрицался всякий позитивный опыт дореволюционных исследований. Деятельность ИРГО, создавшего свои отделы и подотделы в процессе экономической и «завоевательной экспансии русского капитализма», явилась «жупией зарубежных географических обществ, изучающих колонии», участие в научной деятельности отделов ИРГО ссыльных лишний раз доказывает буржуазный характер этого движения, а стремление привлечь к деятельности в отделах широкие слои населения – «обработка трудящейся масс».¹

Возможно, расцвет краеведения в 1920-х гг. – это попытка вновь созданного Наркомпроса РСФСР приобщить научные и общественные организации региона к хозяйственным нуждам страны и широкой, в духе социалистического строительства, просветительской работе, внести в старую организацию изменения в духе нового времени. Но чем сильнее общественные научные организации включались в процесс социалистического строительства, тем больше их деятельность приобретала определенную заданную направленность, управляемую административными, партийными структурами. В дальнейшем под лозунгами преодоления корпоративности, элитарности и аполитичности стали закрываться как многочисленные научные общества с богатым дореволюционным прошлым и традициями, так и созданные в годы советской власти.

В 1931 г. Западно-Сибирский РГО отдел был ликвидирован как самостоятельная организация и слит с Омским обществом исследования Сибири и Омским обществом краеведения. Его председатель В.Ф. Семенов, в течение 10 месяцев находившийся в особом отделе ГПУ по Западно-Сибирскому краю, доказывал следователю отсутствие в рядах ЗСО организованной «контрреволюционной группы» и объяснял, что выступления Географического отдела о возвращении ему дома, построенного с огромным трудом в конце XIX в., не выходят за рамки закона, и их вряд ли можно считать «антисоветскими».²

Восточно-Сибирский отдел РГО был переименован в 1930 г. в Восточно-Сибирское краеведческое, в 1931 г. – в Общество изучения Восточно-Сибирского края. Из-за отсутствия средств с 1931 г. перестали издаваться «Известия отдела» (с № 58), а в 1936 г. была упразднена штатная единица (финансируемая государством), столь важная для координации действий и организационной работы. Значительно реже стали проводиться экспедиции, хотя члены общества по-прежнему участвовали в различного рода географических конференциях.

Таким образом, 1920 – начало 1930-х гг. для исторической науки и сибирского краеведения являются переходными. Это время поиска новых форм и методов работы при сохранении опыта дореволюционной науки. Это – новый тип характера связи науки и практики, это то, что у Энгельса выглядит как выражение общественных потребностей, которые предъявляет эпоха к науке, новый тип связей с социальной практикой. Он был особенно многогранен в начале 1920-х гг. Это изучение и использование опыта прошлого, участие историков в идейной борьбе, пропаганда исторических знаний, образование и повышение культурного уровня народа, воспитание советского патриотизма, интернационализма, дружбы народов, исторического оптимизма, без которого не может жить ни один народ. Значительно возрастает и расширяется организационная структура исторической науки и система профессионального образования. Создаются кафедры истории в высших учебных заведениях. Учреждаются институты истории при научных центрах и независимо от них, появляются периодические исторические журналы и многочисленные научные сообщества, которые на

¹ Скалабан, И.А. Западно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества в последней четверти XIX - начале XX вв., 1877-1919 гг. Автореферат на соискание ученой степени канд. истор. наук. Новосибирск, 1994. С. 7.

² Там же.

протяжении 1920-х гг. не раз подвергалась реформированию. И хотя в 1928–1930 гг. перерегистрация обществ привела к ликвидации большей части из них, в том числе и марксистских; оставшиеся были переименованы, либо объединены с другими, наиболее крупные превращены во всероссийские и всесоюзные и т.д. Подавляющая часть научных организаций была закрыта, чему в немалой степени способствовали политические процессы этого времени, выведшие из общественной деятельности наиболее активных представителей науки.

В едином комплексе как на всесоюзном так и на региональном уровнях претерпевают изменения проблематика исследования, методология и понимание предмета, метода и задач исторического исследования. Меняются формы, уровни и способы восприятия прошлого, переосмысливаются произведения выдающихся отечественных и зарубежных историков. При этом, краеведческие исследования историко-культурной проблематики продолжали оставаться одним из ведущих направлений, но, в отличие от дореволюционного периода, сфера интересов краеведов значительно расширилась в сторону изучения политической ссылки, общественного движения, гражданской войны 1918–1920 гг. и партизанского движения.¹ В Сибири, как и в целом по стране историческое краеведение отошло на второй план, уступив место производственному. К тому же, «начавшаяся в конце 1920-х годов кампания по борьбе с идеологическими врагами в краеведческой среде, все большая идеологизация и социологизация истории»², привела к серьезным последствиям для развития отечественного краеведения, прервав традиции исторических исследований и музейного изучения материальной культуры прошлого.

¹ Партизанское движение в Сибири. Т. 1: Приенисейский край. М.; Л. 1925.; Повстанческое движение на Алтае. Новосибирск, 1935.; Партизанское движение в Западной Сибири в 1918–1919 гг. Партизанская армия Мамонтова и Громова. Сб. документов / Подготовил к печати К. Селезнев. Новосибирск, 1936.; Тасеевский партизанский район в 1919 г. // Красный архив. 1937. Т. 6. С. 102–137.; Божко Ф. Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1930.; Бочагов А.К., Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917–1919 гг. Кызыл-Орда, 1927.

² Шиловский, М.В. Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири // Земля тюменская. 2004. Вып. 17. С. 32.

Н.В. Дьяченко

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В МОНГОЛИИ В 1920-1930-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИНТЕРНА)

В управлении всех, создаваемых в Монголии с начала 1920-х гг. политических и хозяйственных структур, принимали участие советские представители. Они являлись сотрудниками Монценкупа, Проммонголстроя, представитель СССР был финансовым советником и председателем Монголбанка. Кроме того, в Монголии работали совместные и советские предприятия: акционерное общество оптовой торговли Монгсовбунэр, Монголтранс, Монгшерсть, Совмонгтваторг, Стормонг, Скотимпорт, Союзнефтеэкспорт. Массовый характер командирование советских граждан в МНР приобрело в 1960-е – первой половине 80-е гг.¹, однако основные методы работы формировались в период раннего социализма.

Роль советских инструкторов в построении основ будущего демократического государства затрагивается в обобщающих публикациях 1990-х – начала 2000-х гг., посвященных истории Монголии и советско-монгольским отношениям. В работах С.К. Рощина исследуются основные этапы политической борьбы за обеспечение национальной независимости Монголии в 20-30-е гг. XX в. Автор первым ввел в научный оборот материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) раскрывающие противоречия между устремлениями монгольских демократов и интернационалистскими принципами Коминтерна.² Анализ политической трансформации Монголии в форме социалистической модернизации представлен в исследованиях В.А. Родионова.³ История создания «русского квартала» в Улан-Баторе, формирование инфраструктуры города советскими специалистами рассматриваются в работах А.В. Михалёва.⁴

В 2012 г. усилиями сотрудников РГАСПИ и Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН впервые была осуществлена публикация на русском языке 243 документов, освещающих историю отношений между Коминтерном и МНРП, роль руководящих органов ИККИ и уполномоченных Коминтерна в Монголии в политической жизни Монгольской Народной Республики в 1919–1934 гг., что открыло для исследователей новые возможности в изучении проблемы советско-монгольских отношений.⁵

¹ Дьяченко, Н.В. «Советские войска» в Монголии во второй половине 1960-х – 80-е гг. (по воспоминаниям советских военных) / Н.В. Дьяченко // Олон улсын Монголч Эрдэмтнийн Х их хурлын илтгэлүүд. I боть. Түүхийн Өмнөх үе болон түүхэн үеийн монгол ба гадаад ертөнц (Доклады X международного конгресса монголоведов. I том. Монголия в доисторический и исторический периоды и внешний мир). – Улаанбаатар, 2012. – С. 217–222.

² Рощин, С.К. Политическая история Монголии (1921–1940). / С.К. Рощин. – Москва : ИВ РАН, 1999. – 327 с.

³ Родионов, В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI в. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 226 с.

⁴ Михалёв, А.В. «Русский квартал» Улан-Батора: коллективная память и классификационные практики / А. В. Михалёв // Вестник Евразии. – 2008. – № 2. – С. 6–28.

⁵ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. I (1919–1929). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 527 с.; Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Часть II (1930–1934). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 480 с.

Однако проблемы взаимоотношений советских специалистов и монгольских служащих, складывающиеся в практической деятельности, требуют отдельного исследования, поскольку не только иллюстрируют весь комплекс противоречий межгосударственных отношений, но и раскрывают трудности с которыми была сопряжена модернизация молодого государства.

Вопросами кадровой политикой в Монголии занимались преимущественно две советские структуры: Восточный отдел ИККИ (1920 – 1926 гг.; Восточный секретариат (март 1926 – 1935 гг.) и специальные комиссии при Политбюро ЦК ВКП(б). В данном исследовании на основе анализа протоколов заседаний Восточного Секретариата Коминтерна, докладов представителей МНРП в Восточный секретариат, активной личной переписки сотрудников Коминтерна и монгольского руководства, текстов выступлений на съездах МНРП, постановлений ЦК МНРП, отчетов уполномоченных Коминтерна в Монголии рассматривается комплекс проблем кадровой политики.

Характерной чертой периода являлись многочисленные разногласия между советскими представителями Коминтерна и НКВД, связанные с их активным вмешательством в работу советских специалистов. Каждая из структур по-своему видела задачи стоящие перед инструкторами: Коминтерн настаивал на обязанности заниматься политической деятельностью, вне зависимости от непосредственных полномочий, обязательном вступлении в ряды партии, полпред и дипломатические представители настаивали на высоком профессиональном уровне.

Данный конфликт отражен в Стенограммах совещаний в Восточном секретариате ИККИ по монгольскому вопросу. 1929 г. на одном из совещаний помощник уполномоченного Коминтерна, представитель бурятской национальной интеллигенции Ф.Р. Коняев заявил: «Наш инструктор в то же время является политическим работником. А что говорят наши наверху сидящие товарищи (имеется в виду НКВД. – Н.Д)? Но что вы лезете в политику, когда вы начинаете творить политику, то получается мешанина». ¹ Автор приходит к выводу, что «нужно направить инструктаж и поставить его в такие условия, чтобы они были не только спецами, но и политическими работниками». ² В ходе обсуждений равнодушных к политическим событиям специалистов называют «наемниками». В отсутствии должной политической пропаганды видели неудачи первых советских медицинских экспедиций. В Коминтерне считали, что только врачи-коммунисты могли вытеснить авторитетного конкурента – тибетскую медицину: «врач должен быть еще и пропагандистом». ³

Поиск правых элементов, или как их чаще называли «белогвардейцев» - одно из ключевых направлений политики ИИКИ среди советских инструкторов. В письме Дальневосточного секретариата ИККИ ЦК МНРП с разъяснением январской (1927 г.) резолюции ИККИ по монгольскому вопросу отмечается, что «... особенно теперь партия должна тщательно проверить, кто работает под видом инструкторов и так называемых специалистов. Если инструкторов СССР мы можем в случае их неправильных действий всегда призвать к порядку, отозвать и т. д., совершенно другое дело с белогвардейскими элементами, примазавшимися к монгольским учреждениям». ⁴ Советское руководство регулярно организовывало кадровые проверки инструкторов в МНР. Резолюция Политбюро от 5 января 1928 г. по монгольскому вопросу обязывала «подкомиссию обеспечить действительную чистку экономических организаций СССР, оперировавших в Монголии, наказывая за

¹ 7 января 1929 г. Стенограмма совещания в Восточном секретариате ИККИ по монгольскому вопросу // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. I (1919–1929). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 430.

² Там же, С. 431.

³ 9 января 1929 г. "Протокол заседания комиссии по выяснению вопросов помощи Монголии" // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. I (1919–1929). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 439.

⁴ Письмо Дальневосточного секретариата ИККИ ЦК МНРП с разъяснением январской (1927 г.) резолюции ИККИ по монгольскому вопросу и необходимости укрепления единства и сплоченности МНРП... // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. I (1919–1929). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 211.

всякое проявление колонизаторских тенденций...».¹ В 1929 г. проверкой работы советских учреждений и предприятий в Монголии занялась иностранная комиссия НК РКИ (Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции).

Работе советских инструкторов отводится значительное место в докладах представителей ЦК МНРП в Восточный секретариат ИККИ. В разделе «Относительно инструкторов» доклада представителей ЦК МНРП Гэлэк-Сэнгэ и Дугарджапа от 1927 г. отразилось характерное для этого периода стремление к кадровой замене: «В данное время расходы по содержанию инструкторов превышают более 1 млн. дол., что не может не отразиться чувствительно на госбюжете, поэтому, вполне естественно, мы стремимся к замене приглашенных инструкторов по мере выдвижения подготовленных работников из среды самих монголов».² С.К. Рошин проводит другой отрывок из этого письма: «... Нам инструкторы необходимы. Но некоторые инструкторы ведут себя на работе халатно, недобросовестно. Утвержденные договора с представителями хозорганов нарушаются самовольно одной стороной...».³

В ответном письме, подписанном заведующим ДВС ИККИ Ф.Ф. Петровым (Раскольниковым), председателю ЦК МНРП Ц. Дамба-Дорджи от 20 января 1928 г. было отмечено: «После доклада т.т. Гелук сенге и Дугуржапа мы приняли меры к снятию нескольких, не соответствовавших своему назначению инструкторов. Сейчас крайне важно очистить и укрепить помогающий монгольскому государственному строительству советский инструктаж.... Но всячески противодействуйте общей кампании травли и выживания из Монголии советских инструкторов со стороны консервативного чиновничества, поддерживаемого правыми элементами вашей партии».⁴

В целом, заявления монгольской стороны сводились к готовности приглашать советских инструкторов – эрудированных, компетентных, опытных, но не случайных людей, не знающих обстановку и злоупотребляющих полномочиями. Говоря о проблемах в этом вопросе, уполномоченный Коминтерна М.И. Амагаев писал наркому иностранных дел Г.В. Чичерину 14 апреля 1926 г.: «... наши инструкторы недостаточно ясно понимают своеобразные условия в Монголии, не проявляют необходимой гибкости и выдержки, применяют неправильные методы – давление, командование и пр. Отсюда проявление ультранационалистических настроений».⁵

С приходом к власти в Монголии «левых» (после решающего VII съезда МНРП 1928 г.) с 1929 г. начинается рост числа прибывших советских инструкторов и специалистов. Важной проблемой было установление соотношения полномочий советского инструктора и монгольского специалиста. В ходе совещания по вопросу единства МНРП 1931 г. с участием П. Гэндэна, Г. Дэмида, У. Бадархо и др. был сделан следующий вывод: «Мы не должны всегда выпячивать советников, а смотреть, как научились наши работники от своих советников». С другой стороны, монгольское правительство в обращениях к советскому руководству постоянно подчеркивало растущую необходимость в специалистах, особенно для хозяйственных структур.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 119. Л. 10.

² 24 мая 1927 г. Доклад представителей ЦК МНРП Гэлэк-Сэнгэ и Дугарджапа в Восточный секретариат ИККИ по поводу его резолюции от 17 января 1927 г. // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. I (1919–1929). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 189.

³ Рошин, С.К. Политическая история Монголии (1921–1940). / С.К. Рошин. – Москва : ИВ РАН, 1999. С. 150.

⁴ Письмо Ф. Ф. Петрова (Расколькова) председателю ЦК МНРП Ц. Дамба-Дорджи по вопросам внешней и внутренней политики МНРП и внутрипартийной борьбы в МНРП // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. I (1919–1929). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 299.

⁵ Рошин, С.К. Политическая история Монголии (1921–1940). / С.К. Рошин. – Москва : ИВ РАН, 1999. С. 147.

Отношение к советским инструкторам стало причиной конфликтов в монгольском руководстве. Во второй половине 1931 г. руководители ЦК обвинили премьер-министра Жигжиджава в чрезмерном внимании к инструкциям советских специалистов и пренебрежении интересами страны. Жигжитжав рассказывал члену Президиума ЦИК СССР С.Е. Чуцкаеву в ходе беседы в Иркутске в феврале 1931 г.: «Гендун обвинял в том, что я слишком доверяю советским инструкторам. Если сто монголов, говорил он, будут высказывать единое мнение, а один советский инструктор выскажется против, то ты будешь поддерживать инструктора. Возлагать слишком большое доверие к советскому инструктажу, по мнению Гендуна, неправильно. Монголам, особенно из руководящей группы, следует работать самостоятельно».¹ По мнению премьер-министра в Монголии наблюдалась значительная нехватка советских инструкторов: «Самый слабый участок работы – Министерство просвещения, но там почти и нет советских инструкторов. ... Улучшается работа и Министерства здравоохранения, хотя мы и должны были отпустить советника министерства т. Баевского, но это произошло не от недостатка в постановке работы, а от тех разногласий, какие возникли между советскими инструкторами и советскими специалистами. Вследствие этих разногласий нам пришлось расстаться с т. Баевским».² В заключении записи беседы Чуцкаев делает вывод: «Самым крупным затруднением в нашей работе является отсутствие подготовленного инструктажа в осуществлении плановой работы. Поэтому т. Жиг-Жит-Жап усиленно просит поставить перед правительством Союза вопрос о возможно более скором командировании в Монголию необходимых ей плановых работников».³

Возвращаясь к реплике Жигжитжапа о разногласиях между советскими инструкторами и специалистами, следует упомянуть о решении Политбюро в ноябре 1930 г. направить специального представителя ИККИ в Монголию для руководства ЦК МНРП. Для того, чтобы впредь не допускать конфликтов между ИККИ и полпредом заместитель наркома по иностранным делам СССР Л. М. Карахан в секретной записке И. В. Сталину в ряду практических вопросов, требующих неотложного решения отмечал: «... необходимо для изжития ненормальностей во взаимоотношениях полпреда и представителя ИККИ, а также уточнения характера руководства ведомственными представителями в лице главных инструкторов и советников внести в эти взаимоотношения полную ясность и точно их регламентировать».⁴

Однако, прибывший в Улан-Батор из Москвы уполномоченный Коминтерна М.Б. Черномордик через 2,5 месяца работы писал: «... следует отметить, что со стороны Полпредства и особенно Торгпредства не проявляется достаточной активности в том, чтобы поставить меня в известность, ввести в курс тех хозяйственных заданий и задач, которые перед ними стоят. Если порядок работы, который сейчас установился, будет продолжен после приезда т. Охтина, то обстановку в Монголии и особенно в монгольском руководстве, крайне осложнявшуюся из-за драки, происходившей между полпредом и нашим представителем, можно будет вполне добиться».⁵ Полпред также констатирует очевидную нехватку советских специалистов: «... заявки на советских инструкторов все время возрастают, а их количество все время сокращается и сокращается, главным образом за счет наиболее квалифицированных из них. Достаточно сказать, что по Монценкоопу существует невыполненная заявка на советских инструкторов в количестве 210 человек. А главный инструктор, крайне слабый по

¹ Запись бесед члена Президиума ЦИК СССР С. Е. Чуцкаева с председателем СМ МНР Ц. Жигжитжапом и военным министром Г. Димитом о политическом и экономическом положении МНР и работе советских советников и инструкторов в Монголии // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Часть II (1930–1934). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 114.

² Там же, С. 116.

³ Там же, С. 119–120.

⁴ Записка зам. наркома по иностранным делам СССР Л. М. Карахана Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину по вопросам углубления политических и экономических связей с МНР и подготовки общеполитической директивы полпреду СССР в МНР и представителю ИККИ в Монголии // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Часть II (1930–1934). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. С. 142–143.

⁵ Второе письмо представителя Коминтерна в Монголии М. Б. Черномордика в Восточный секретариат ИККИ с характеристикой политического и экономического положения МНР и с предложениями о воссоздании ЦК НРП Внутренней Монголии // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Часть II (1930–1934). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 156.

своей квалификации и по своим темпам работы, т. Иванов в ближайшее время выезжает, не дождавшись замены».¹ В тоже время, оценив ситуацию в разных отраслях Черномордик отмечает, что в Монценкоопе и ряде других организаций нужно сокращать число советских граждан, при этом максимально увеличив контингент в военной отрасли, технической, культурной и медицинской.

Неопределенная ситуация в распределении прав и обязанностей между полпредом и уполномоченным ИККИ дезориентирующая монгол, отмечалась так же в докладной записке представителя Коминтерна на I съезде трудящихся женщин МНР М. Булле. Нужно отметить, что в последующем отношения между Черномордиком и прибывшим полпредом А.Я Охтиным ухудшались. Объяснения тому кроются в различии подходов дипломатической службы и идеологической: Черномордик был обязан поддерживать «левый курс» в политике МНРП, а полпред отстаивал более умеренную позицию. В документы отчетов уполномоченного ИККИ за 1931-34 гг. по проблемам инструктажа главной задачей выдвинуто сокращение количества инструкторов за счет повышения их качества.

По статистическим данным представителя ИККИ, полученным из справки ГВО в ноябре 1931 г. в Монценкоопе работало 48 % монгол, Минторгпром – 64 %, Монголбанк – 37,8 %, Монголтранс – 26,7%. По оценке автора «... в динамике по центральным хозяйственным организациям проводится неуклонная тенденция к замещению на всех мало-мальски ответственных работах монголов русскими».²

К середине 1930-х гг. должностные обязанности инструкторов и национальных кадров были закреплены на официальном уровне. В 1934 г. было подписано Соглашение между правительствами СССР и МНР о советниках, инструкторах, специалистах. Документ предусматривал консультативную помощь советских граждан в практической работе, подготовку «...кадров монгольских работников, способных в дальнейшем вполне самостоятельно руководить участком работы», подразумевался временный характер деятельности советских работников в МНР. Отдельный раздел «О правах и обязанностях советников, инструкторов и специалистов» регламентировал полномочия каждой из категорий, и подчеркивал их подчиненное положение перед монгольским руководителем: «Советник не имеет никаких административных функций. Его задачей является общая консультация и дача советов по конкретным вопросам ... Советник находится в подчинении руководителя соответствующего учреждения Монгольской Народной Республики и обязан выполнять его распоряжения», «инструктор в своей работе подчинен соответствующему должностному лицу Монгольской Народной Республики», «специалисты ... являются непосредственными исполнителями работы по своей специальности».³

Новое соглашение, об условиях командирования советских специалистов в МНР было подписано в 1958 г. Оно учитывало многие проблемные вопросы, не затрагиваемые предыдущими официальными документами.

¹ Второе письмо представителя Коминтерна в Монголии М. Б. Черномордика в Восточный секретариат ИККИ с характеристикой политического и экономического положения МНР и с предложениями о воссоздании ЦК НРП Внутренней Монголии // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Часть II (1930–1934). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СОРАН, 2012. С. 156.

² Доклад М. Б. Черномордика в ИККИ и Восточный секретариат об экономическом и политическом положении МНР и о неправильной позиции работников Торгпредства и Полпредства СССР и части советских инструкторов в МНР по вопросам развития народного хозяйства Монголии и монголизации хозяйственного аппарата // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Часть II (1930–1934). / науч. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СОРАН, 2012. С. 218.

³ Из соглашения между правительствами СССР и МНР о советниках, инструкторах, специалистах 1934 г. // Советско-монгольские отношения. 1921-1966. Сборник документов. / сост.: М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. – Москва : Наука, 1966. С. 79.

В.А. Бармин

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЗВЕДКИ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ А.В. КОЛЧАКА В СИНЬЦЗЯНЕ В 1919-1920 гг.

Значительная часть сюжетов Гражданской войны до настоящего времени исследована либо крайне слабо (это касается, прежде всего, деятельности правительств и вооруженных формирований белогвардейцев. – В.Б.), либо получала в работах, опубликованных в годы советской власти, одностороннюю, часто необъективную оценку. К числу таких тем можно с полным правом отнести вопросы, связанные с деятельностью на территории крупнейшей китайской провинции Синьцзян эmissаров, представлявших интересы различных правительств, политических сил и движений, действовавших в годы Гражданской войны в различных регионах России. Особый интерес здесь представляют мероприятия, которые пыталось реализовать в провинции Омское правительство адмирала Колчака, а также командование белогвардейской армии, находившейся в его подчинении.

Торговые отношения России с населением региона, который позже получит название Синьцзян, возникли еще в конце XVI – начале XVII веков, в период существования здесь Джунгарского ханства. Во второй половине XVII в. ханство было разгромлено и захвачено Китаем. Более века эта территория считалась наместничеством и лишь в 1884 году получила статус провинции. Однако экономические связи, теперь уже с новой китайской провинцией, продолжили активно развиваться. В этот период значительная часть кочевого населения Синьцзяна (казахи, уйгуры, монголы, киргизы) свободно пересекала во время сезонных кочевий российско-китайскую границу, вела торговлю и хозяйственную деятельность по обе стороны этой границы. Широко использовалось отходничество кашгарских дехкан на сезонные работы в среднеазиатские области России. В свою очередь, на территории Синьцзяна постоянно проживало несколько тысяч российских подданных, которые в значительной степени контролировали внешнюю торговлю провинции. Достаточно сказать, что в конце XIX – начале XX веков на долю России приходилось свыше 75% внешнеторгового оборота Синьцзяна. В это время правительству царской России удалось добиться от императорского правительства Китая права экстерриториальности в Синьцзяне, беспошлинной торговли, больших преимуществ при покупке земель, а также при вложении капиталов в транспортные, торговые и банковские предприятия. В провинции было учреждено отделение Русско-Азиатского банка. Торговый оборот Синьцзяна и России составлял в 1913 году 20 312 тыс. рублей и имел постоянную и устойчивую тенденцию к росту.¹

Попытки поставить вопрос об аннексии Синьцзяна, предпринимаемые некоторыми деятелями, прежде всего из кругов военного руководства России, не встречали поддержки со стороны Министерства иностранных дел России, хотя и вызывали, судя по архивным материалам, определенную полемику. Для людей, близко соприкасавшихся с проблемой Синьцзяна, знавших особенности внутривосточной ситуации в этом регионе, было совершенно очевидным, что экономический контроль над провинцией был бы для России гораздо выгоднее со всех точек зрения, нежели решение многочисленных проблем, несомненно возникших бы в случае прямой аннексии провинции или какой-либо её части.

¹ Вихляев, М.А. Торговля СССР с китайской провинцией Синьцзян 1917-1934 гг. / М.А. Вихляев // Научные и культурные связи Библиотеки Академии наук СССР со странами зарубежного Востока: Сборник докладов, зачит. на науч. конференции Б-ки Акад. наук СССР 24-25 ноября 1955 г. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. С. 94-105.

Первая мировая война, а затем революционные события 1917 года на какое-то время отодвинули для России синьцзянские проблемы. Однако уже в ходе Гражданской войны возобновление торгово-экономических отношений с провинцией приобрели чрезвычайную важность как для правительства большевиков, так и для противостоящего ему Белого движения.

В ноябре 1918 г. при активной поддержке Англии, Франции и США в Омске был совершен военный переворот, в результате которого была ликвидирована власть Уфимской Директории и установлена диктатура адмирала А. В. Колчака. К весне 1919 года адмирал Колчак, объявивший себя Верховным правителем Российского государства и главнокомандующим всеми белогвардейскими армиями, сумел создать значительные вооруженные силы численностью до 400 тыс. человек, в том числе до 30 тыс. офицеров.¹ Правительство Соединенных Штатов Америки передало ставленнику Антанты кредиты, предназначавшиеся ранее Временному правительству. Под эти кредиты правящие круги Англии, Франции и самих Соединенных Штатов поставили колчаковцам большое количество оружия, обмундирования и военного снаряжения. Однако, несмотря на эту поддержку, почти сразу же после начала активных боевых действий с Красной армией, белогвардейские войска стали часто испытывать значительные затруднения с материальным и продовольственным обеспечением. Особенно серьезные проблемы возникли в части снабжения продовольствием, пополнением конского состава, обеспечением конской упряжью и т. д. По мнению специалистов и офицеров колчаковского штаба, хорошо знавших экономическую ситуацию в приграничных областях Китая и Монголии, данные проблемы могли быть решены при восстановлении некогда активных торгово-экономических связей с этими регионами. Такое решение было особенно удобно потому что, во-первых, и Монголия, и Синьцзян граничили с Россией в тех областях, которые в значительной части находились под контролем Омского правительства, а во-вторых, на их территориях продолжали действовать консулы царского, а затем Временного правительств, которые отказались признать советскую власть, но готовы были сотрудничать с Колчаком.

О настроениях, царивших в этот период в среде российских дипломатов, работавших в Синьцзяне, наглядно свидетельствует выдержка из дневника консула в городе Шарасумэ А. Успенского. Консул, который вёл довольно подробные записи, отражая в них, среди прочего, и собственное отношение к развернувшимся в России событиям, 15 июня 1919 года отметил: «После того, как Ленин отклонил предложение союзников о снабжении России продовольствием при условии прекращения большевиками враждебных действий против русских Правительств и Союзников, Союзные державы, по настоянию английского правительства, решили признать правительство адмирала Колчака, который является главою движения, направленного к восстановлению порядка и законности, в то время как Ленин и его банда разбойников и негодяев является олицетворением всего, что противоположно закону и порядку, и поэтому решение поддерживать Верховного правителя со стороны Союзников является мерой выгодной для всего цивилизованного мира».²

При налаживании связей с работниками российских консульских учреждений в Синьцзяне для лидеров Белого движения в Сибири важнейшим обстоятельством среди прочего являлось то, что это были опытные дипломаты, проработавшие в провинции долгое время, хорошо знавшие экономические возможности не только самой провинции, но и работавших и живших в ней российских подданных. Еще одним важным мотивом в вопросе скорейшего восстановления контактов с бывшей русской дипломатической миссией в Синьцзяне являлось то, что она, как и миссии в других районах Китая и в Монголии, располагала и оперировала довольно крупными средствами. Происхождение этих средств

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / Гл. редактор С.С. Хромов. – М.: Советская Энциклопедия: Гос. словарно-энциклопед. изд-во «Советская энциклопедия», 1983. С. 265.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39504. Оп. 1. Д. 27. Л. 26.

объяснялось тем, что с начала 1918 года все российские дипломатические и консульские чины в Китае получали содержание по старой смете путем займов в Русско-Азиатском банке. В этот банк, в свою очередь, депонировались, с согласия союзников по Антанте, суммы, причитавшиеся России в качестве вознаграждения за убытки при подавлении Боксерского восстания в Китае. Суммы эти были столь значительны, что контроль за их поступлением и расходованием как раз и пыталось взять на себя Омское правительство. Однако в этом ему было отказано представителями Антанты.¹

Синьцзян, экономически более развитый, нежели Монголия, имеющий в приграничной с Россией полосе несколько сравнительно крупных городов, в которых, как отмечалось выше, проживало довольно много российских подданных, при известных условиях, мог бы стать для белогвардейцев настоящей тыловой базой. Следует подчеркнуть, что в первый период деятельности Омского правительства Колчака, когда его армии успешно продвигались вперед, российские подданные в Синьцзяне довольно охотно оказывали белогвардейцам материальную помощь через специальных эмиссаров, направленных в провинцию. Кроме того, эти же эмиссары вели в провинции и мобилизационную работу. Об успешности этой работы говорит тот факт, что в армиях атаманов Б.В. Анненкова и А.И. Дутова воевали целые подразделения, сформированные на территории Синьцзяна. В то же время имевшиеся в этот период контакты между белогвардейскими силами и российскими консулами, продолжавшими действовать в провинции, совершались не в Омске, где располагалось правительство Колчака, а чаще всего строились на взаимоотношениях с командующими отдельными армиями и даже дивизиями. Достаточно ярким примером такого сотрудничества являлись взаимоотношения консулов В. Любы (г. Кульджа) и В. Долбёжева (г. Чугучак) с командиром дивизии, а затем командующим Семиреченской армией войск Колчака, атаманом Б.В. Анненковым. В. Люба отмечал в письме к атаману Аннекову: «... Все офицеры Ваши, во главе с полковником Сидоровым, сумели заслужить расположение и симпатии населения...».² Есть свидетельства того, что в это время в распоряжение атаманов Анненкова и Дутова от российских подданных в Синьцзяне поступали весьма крупные пожертвования, в том числе деньгами, продовольствием, лошадьми, упряжью и т. д. Более того, в этот период они, как уже отмечалось, довольно активно и сами вступали в ряды белогвардейских войск.

Однако, налаживанию масштабных, а главное стабильных торгово-экономических связей правительства Колчака с Синьцзяном мешало несколько существенных факторов. Первый из них заключался в том, что длившаяся четыре года мировая война, а затем революционные события вызвали резкое сокращение торгово-экономических связей России с провинцией, а вспыхнувшая следом Гражданская война привела к тому, что и те весьма скромные объемы торговли, которые продолжали осуществляться, были почти полностью прекращены. Общее, крайне тяжелое, положение в осуществлении экономических связей усугублялось еще и тем, что с началом Гражданской войны губернатор провинции Ян Цзэнсинь, заняв по отношению к противоборствующим сторонам позицию «нейтралитета», закрыл границу между Синьцзяном и среднеазиатскими областями России. Правда, нейтралитет этот был весьма условным, поскольку его формальное объявление не помешало губернатору совершенно явно высказаться о собственных симпатиях и антипатиях в отношении правительства большевиков и Белого движения. Достаточно сказать, что, заявляя о нейтралитете, Ян Цзэнсинь в то же время провел большое совещание с участием влиятельных феодалов, купцов и представителей мусульманского и буддийского духовенства. В своей речи на этом совещании он заявил, что волны революции, разразившейся в России, могут захлестнуть и Синьцзян, и к этому имеется множество предпосылок».³

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшего времени (РЦХИНИ). Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 33-34.

² РГВА. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 306.

³ Савицкий, А. П. Синьцзян и гражданская война в Средней Азии / А.П. Савицкий // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина: история стран Востока. – Ташкент, 1957. С. 93-95.

Вторым фактором явилось то, что со второй половины 1919 г. отношение российских подданных к белогвардейцам начало довольно быстро меняться. Не прекращавшиеся поборы, порою более похожие на грабежи, а главное, поражения на фронтах от Красной армии, лишили белогвардейцев бывшего авторитета и поддержки. Все чаще эмиссары белых войск стали получать отказы в ответ на свои просьбы. В свою очередь, явно охладели к белому движению и китайские власти провинции.

Учитывая сложившееся положение и нараставшие проблемы с нехваткой продовольствия, кожевенного сырья и особенно коней, в ставке Колчака было принято решение организовать разведывательные командировки своих офицеров соответственно в Монголию и Синьцзян.

В Синьцзян «под видом чиновника Министерства снабжения» в августе 1919 года был командирован офицер разведывательного отдела, прапорщик Сидельников Анатолий Николаевич. Судя по имеющимся документам, этот офицер не был знаком с регионом, куда его направляли и единственным его достоинством при отборе кандидатур явился опыт разведчика. В его задании, которое было очень подробно расписано и завизировано генерал-квартирмейстером штаба Омского военного округа полковником Сапожниковым и начальником разведотдела полковником Поваковским, среди прочего указывалось: «1)... Вам надлежит дать подробное описание дорог, т.е. находящиеся на них станции, поселения, сведения характера военно-топографического и статистического. 2) Посетить гг. Чугучак, Кульджу и Урумчи, где надлежит подыскать и инструктировать в каждом из этих городов по одному агенту-резиденту из числа служащих отделений Русско-Азиатского банка или русских торговцев с платой им по 150 руб. каждому из них в месяц в местной валюте».¹

Наряду с этим, еще одной, как представляется, более важной задачей для Сидельникова являлось установление тесной связи с российскими консулами, работавшими в провинции. Это свидетельствует о нараставшей проблеме со снабжением частей белой армии всем необходимым. Инструкция требовала от разведчика: «Находясь за границей Вам необходимо работать в контакте с нашими консулами, неукоснительно выполняя их законные и справедливые требования. ...По прибытии в г. Урумчи войти в связь с российским консулом Дьяковым для получения от него наиболее полных и новейших сведений о всей провинции Синьцзян, имея в виду, что связь штаба округа с урумчинским консульством с 1914 года была совершенно утеряна. ...По прибытии в г. Чугучак... необходимо выяснить... о причинах, побуждающих консула Долбёжева не отвечать на многочисленные телеграфные запросы штаба округа и не присылать своих донесений.... Выяснить возможность установления почтовой и телеграфной связи с консулом Успенским в Кашгаре».²

Разведывательная миссия прапорщика Сидельникова была рассчитана на достаточно длительный период, так как всем было понятно, что экспедиции подобного рода в условиях боевых действий и разрушенных коммуникаций трудно ограничивать конкретными временными рамками. Однако организаторы экспедиции не предполагали, что катастрофа с разгромом белого движения в Сибири будет развиваться так стремительно. Уже через три месяца после убийства разведчика правительству Колчака пришлось бежать в Иркутск, а 4 января 1920 года адмирал, осознавая приближающийся конец, передал «верховную всероссийскую власть» генералу Деникину. Этим актом он формально подвел черту под деятельностью созданного им режима. Тем не менее, прапорщик Сидельников, судя по документальным источникам, преодолев массу преград, добрался в сентябре 1919 года до Синьцзяна и приступил к работе. И в пути, и по прибытии в провинцию разведчик исправно посылал командованию свои донесения. Но быстротечные изменения военно-политической обстановки в

¹ РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 30. Л. 119.

² Там же, Л. 119-120.

России, как и следовало ожидать, сначала серьезно затруднили связь разведчика с Омском, а затем, после переезда правительства и ставки в Иркутск, сделали эту связь вовсе невозможной. В последнем донесении прапорщик сообщал, что он будет пытаться через Монголию добраться до Иркутска.¹ Насколько ему это удалось, неизвестно. В условиях военной и политической катастрофы Белого движения служебная миссия и личная судьба оставшегося верным своему долгу офицера больше никого не интересовала.

Тем временем, к концу Гражданской войны в России и особенно сразу после ее завершения, ситуация в Синьцзяне серьезно изменилась. Китайская администрация провинции на этом этапе почти полностью отказалась от каких-либо контактов с представителями Белого движения и начала весьма критически оценивать деятельность бывших консулов. Официальные обращения консулов стали, как правило, игнорироваться, а большая часть просьб без всякого объяснения не выполнялась. Уже 18 сентября 1920 г. китайское правительство приняло совершенно логичное в этом контексте решение «... о прекращении деятельности миссии и консульств царского правительства».²

С этого момента бывшие российские консулы в Синьцзяне превратились в частных лиц. Это обстоятельство, правда, не помешало им вести прежнюю антисоветскую деятельность и продолжить сотрудничество с белогвардейцами. Это сотрудничество наиболее ярко проявило себя после отступления на территорию провинции остатков разгромленных колчаковских войск. В результате к весне 1920 года здесь оказалось около 30 тысяч солдат и офицеров подразделений генерала А.С. Бакича, атаманов Б.В. Анненкова и А.И. Дутова. Однако потеря дипломатического статуса значительно осложнила работу бывших дипломатов и сузила их возможности в деле какой-либо помощи Белому движению. Впрочем, к этому времени само правительство адмирала Колчака и его армия уже ушли в историю.

¹ РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 30. Л. 121.

² Хейфец, А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны. (1918-1920). – Москва: Наука, 1964. С. 375.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Ю.А. Лысенко. ВВЕДЕНИЕ СИСТЕМЫ ОСОБЫХ СБОРОВ И ПОШЛИН В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

И.В. Анисимова. РАЗВИТИЕ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Е.Е. Камардина. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОДВОРЕНИЯ В ТУРКЕСТАН ПРАВОСЛАВНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Х.Д. Холиков. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАНАХ СНГ НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА И КАЗАХСТАНА В 1990-х – НАЧАЛЕ 2000-х гг.

В.С. Хан. О ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЙГУР Г. ТАШКЕНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ж.С. Аубакирова., А.Н. Алексеенко. ЧИСЛЕННОСТЬ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО КРАЯ (XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Умирзокова Шахноза Давронжон Кизи. ХУСИТЫ, АЛЬ-ХУТИ, АШ-ШАБАБ АЛЬ-МУМИНИН, АНСАР АЛЛАХ ИЛИ ВЕРУЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ?

Ю.Н. Цыряпкина. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ РОМАНОВ И ЕГО ВКЛАД В СОЗДАНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПОСЕЛКОВ В ТУРКЕСТАНЕ В 1880–1890-е ГОДЫ

О.О. Неверова. ПРАКТИКА РАННИХ И КРОВНОРОДСТВЕННЫХ БРАКОВ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНА: ПРИЧИНЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Е.С. Бахарева. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА ТАШКЕНТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ю.А. Лысенко

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

ВВЕДЕНИЕ СИСТЕМЫ ОСОБЫХ СБОРОВ И ПОШЛИН В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)¹

В 60-е гг. XIX в. завершилось присоединение центральноазиатских окраин к Российской империи. С этого периода интеграция региона в общеимперское политико-правовое и социально-экономическое пространство стала первоочередной задачей центральных и региональных органов государственной власти. Практические шаги в реализации интеграционной политики нашли выражение в серии административных реформ, в том числе, связанных с формированием финансово-налоговой системы в Степном крае и Туркестане. И если структура финансовых органов Туркестанского генерал-губернаторства была создана фактически сразу с момента его образования в 60-е гг. XIX в., то система налогообложения прошла длительный период эволюции и окончательно оформилась лишь в начале XX в.

Это было связано с целым рядом причин. Прежде всего, это несовершенство российского законодательства в налоговой сфере, постоянное расширение перечня прямых и косвенных налогов на протяжении второй половины XIX – начала XX в. Следует также учитывать, что государственные расходы на содержание административно-военного аппарата управления Туркестана, модернизацию и решение социальных вопросов значительно превосходили доходы от региона, поступающие в российскую казну. Поэтому повышение его рентабельности и доходности с точки зрения развития системы прямых и косвенных налогов, а также системы особых сборов и пошлин для физических лиц, рассматривалось как одна из первостепенных задач властных структур.

Подвижность структуры налогов Туркестана на протяжении ряда десятилетий объяснялась также отсутствием в традиционной юридической системе региона, регулируемой шариатом, практики выплаты налогов мусульманским коренным населением в пользу государства. В связи с этим, региональной администрации пришлось решать сложную задачу трансформации существующей столетиями традиции правовой культуры и внедрения в сознание коренного населения европейских ценностных представлений о его обязанности платить государственные налоги и пошлины. Решение данной задачи усугублялось фактором «исламской угрозы» для территориальной целостности страны. Поэтому в региональной системе налогообложения вплоть до конца имперского периода сохранялись льготы и преференции для мусульманского населения, некоторые виды налогов были введены гораздо позднее, чем в целом по стране.

Интересной, в связи с этим, представляется история введения в Туркестане особых сборов и пошлин для физических лиц. Под особым сбором понимался, прежде всего, гербовый сбор. Как отмечают исследователи, в бюджете Российской империи он играл не основную роль, однако затрагивал многочисленные и различные аспекты социальной и экономической деятельности населения империи. К ним относились дела, связанные с бракосочетанием и бракоразводным процессом, векселя простые, векселя переводные, векселя кредитные, векселя заграничные, денежные переводы, вклады, доверенности, договоры товарищества, договоры о неустойке, договоры аренды и т.д. Даже дипломы, которые выдавались учебными заведениями, подлежали оплате гербовым сбором.²

¹ Работа выполнена за счет средств Российского научного фонда (проект № 19-18-00180).

² Воробьев, С.Е. Роль гербового сбора в бюджете российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 3. С. 159-165.

Вопросы регулирования сбора регламентировались Уставом о гербовом сборе, утвержденном в империи 17 апреля 1874 г. В Туркестанском крае к его реализации финансовые органы приступили сразу же после принятия. Однако в отношении коренного населения были введены особые установления, утвержденные 17 октября 1876 г. мнением Государственного совета российской империи. Согласно принятому решению, в случае обращений коренного/мусульманского населения Туркестана к региональными органами по каким-либо вопросам, а также в случае возникновения исковых дел между коренным населением, последнее освобождалось от уплаты гербового сбора и употребления гербовой бумаги.

Региональные органы власти выступили против введения данных льгот. Уже в 1877 г. генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман в своем отношении к Военному министру высказался за введение Устава о гербовом сборе в полном объеме «без всяких льгот и исключений». Его основным аргументом стал тот факт, что «туземцы края достигли» к тому времени «вполне достаточной степени благосостояния» и выплата ими гербового сбора «никоим образом не отразится на их материальном состоянии». Однако предложения К.П. Кауфмана были признаны в Военном министерстве несвоевременными, так как шедшая в этот период очередная русско-турецкая война могла спровоцировать, по его мнению, «брожения среди мусульманского населения края» в случае ужесточения налогового бремени.¹

К вопросу о введении Устава о гербовом сборе в Туркестанском генерал-губернаторстве в полном объеме вернулись вновь в 1882 г. Вопрос стал предметом специального обсуждения на специально созванном совещании при Государственном совете. Но положительного решения по нему так и не было принято. Более того в новой редакции Устава о гербовом сборе, принятой в Российской империи в 1885 г., в отношении туземного населения Туркестана ряд исключений о его уплате был сохранен.²

В 1905 г. данные исключения были законодательно закреплены Высочайше утвержденным мнением Государственного совета. Согласно закону «1. Всякие договоры, сделки и обязательства, вносимые в книги народных судей в областях, входящих в состав Туркестанского генерал-губернатора, на сумму не выше 300 руб., а также выписки из означенных книг, копии договоров, сделок и обязательств, когда сумма оных не превышает 50 руб., освобождались от гербового сбора. 2. Указанные выписки и копии, касающиеся сделок на сумму 50-100 руб., подлежат простому гербовому сбору в 6 копеек за каждый лист, касающиеся сделок на сумму 100-200 руб. – в 10 коп, свыше 200 руб. – в 15 коп.».³

На практике реализация п. 2 мнения Государственного совета о гербовом сборе в Туркестанском крае проводилась с нарушениями. Их многочисленное количество было выявлено в 1908 г. в период работы в регионе сенаторской ревизии графа К. Палена. В материалах ревизии отмечалось, что в результате проверки народных судей коренных народов г. Ташкента «обнаружен ряд неправильностей по оплате гербовым сбором сделок, и выписок, и копий, в результате каковых государственная казна недополучила несколько тысяч рублей». Главная причина сложившейся ситуации виделась в элементарном незнании народными судьями требований Устава о гербовом сборе. Вся ответственность за это была возложена на местные органы власти, которые не приняли должным мер к «полному и всестороннему ознакомлению с означенными требованиями народных судей». В нотариальных конторах, работавших с русским населением, как показала ревизия К. Палена, Правила о гербовом сборе реализовывались в полном объеме.

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 73об.

² Там же.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 71.

В рамках действовавшего Устава о гербовом сборе, последний должен был выплачиваться при совершении сделок в торгово-промышленном секторе экономики. Исполнением данного положения и контроль за ним в Туркестанском крае, как и в целом по империи, возлагался на региональные финансово-налоговые организации - Туркестанскую казенную палату. Ревизии проводились, как правило, один раз в год. Однако, как свидетельствуют источники, в 70-90 гг. XIX в. Проведение ревизий в Туркестане характеризовалось «крайней беспорядочностью, происходящей от того, что списки учреждений, составлялись чинами казенной палаты, незнакомыми с условиями торгово-промышленной жизни каждого поселения». В результате в списки вносилось огромное количество предприятий, среди которых были очень мелкие, не имевшие, не только каких-либо бумаг и документов, подлежащих оплате гербовым сбором, но и вообще какого-либо делопроизводства, «вроде лавок мясников и старьевщиков».¹ Только к 1906-1907 гг. ситуация стабилизировалась - чиновниками Туркестанской податной инспекции были составлены списки торгово-промышленных предприятий края, отражающие реальное положение ситуации в отрасли. Это позволило стабилизировать выплату гербового сбора промышленными и торговыми предприятиями Туркестана и поставить на качественный государственный контроль данный процесс.

Система особых сборов и пошлин, формирующаяся в Российской империи на рубеже XIX-XX вв., предполагала введение пошлины с переходящих имуществ, т.е. за совершение юридически значимых действий, связанных с государственной регистрацией прав собственности на имущество. В юридической терминологии эпохи пошлины с переходящих имуществ делились на крепостные пошлины, взимаемые при продаже недвижимого имущества, и пошлины с безвозмездного перехода имущества, имущества переходящего от одних лиц к другим путем наследования и дарения.

Крепостная пошлина, которая выплачивалась за составление актов о переходе имущества, была введена в Туркестанском генерал-губернаторстве с принятием Правил Устава о повинностях 1882 г. Однако для коренного населения также вводились исключения. Так, крепостная пошлина выплачивалась только в том случае, если продаваемый туземцем земельный участок оценивался на сумму свыше 300 руб. Кроме этого, законом 1900 г. было постановлено акты об отчуждении в Туркестане земельных участков вне городских поселений, стоимостью по договорной цене или на сумму, превышающую 300 руб., освобождать от платежа не только гербового сбора, но и крепостных пошлин. Гербовым сбором и крепостной пошлиной также не облагались случаи безвозмездного перехода имущества у коренных народов. Только русское население края при совершении актов безвозмездной передачи имущества выплачивало гербовый сбор и крепостную пошлину. Данная ситуация объяснялась генерал-губернатором Розенбахом тем, что «поручать народным судьям сбор таких пошлин в условиях низкой степени их культурно-этического развития невозможно». Тем самым генерал-губернатор намекал на неизбежность нарушений и сокрытия собранных с уплаты сбора и пошлины сумм.²

Противоправность создавшегося льготного для туземного населения положения в выплате пошлин за государственную регистрацию прав собственности на имущество признавали региональные органы власти. Туркестанский генерал-губернатор барон Вревский для устранения данной ситуации предлагал внести поправки в действующее законодательство. Сохранив оформление сделок о переходе движимого и недвижимого имущества у туземцев в ведении народных судей, он считал рациональным обязать последних «осуществлять установленный в империи сбор крепостных и наследственных пошлин». Однако рассматривавшая данный вопрос особая комиссия при министерстве финансов в 1891 г. оставила порядок выплаты пошлины в Туркестане без изменений.

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 75об.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 72об.

Главная проблема, с которой столкнулись региональные финансовые органы при осуществлении контроля за выплатой крепостной пошлыны была связана с отсутствием в крае отлаженного механизма оценки стоимости имуществ. Только в 1900 г. были внесены поправки в ст. Положения об управлении Туркестанским краем, согласно которым упрощался порядок перехода земельных участков от туземцев к лицам не туземного происхождения. Благодаря этому лица, владевшие недвижимым имуществом без крепостных актов, стали юридически закреплять их за собой в установленном законом порядке. Но и в данной ситуации интересы казны страдали. Как отмечается в документах сенаторской ревизии К. Палена, «с одной стороны вследствие сравнительно низкой оценочной нормы, предусмотренной в Туркестане временной табелю законной оценки земли, а, с другой, ввиду малой распространенности других видов законных оценок при переходе имуществ для определения суммы, с коей взыскивается крепостная пошлына, берется обыкновенно объявленная или договорная цена, которую стороны сплошь и рядом уменьшают с целью понижения суммы пошлыны».¹

В 1895 г. Министерство финансов поручило Туркестанской казенной палате составить новые правила о пошлынах на переходящее имущество для туземцев Туркестанского края. Поправки к действующему законодательству обсуждались осенью 1895 г. на съезде туркестанских податных инспекторов. Согласно представленным поправкам, заявление о стоимости переходящего имущества должно было подтверждаться показаниями местного сельского старшины, а в туземных частях городов – местными аксакалами и свидетельством не менее 3 ближайших соседей. В русских частях городов, в которых еще не было введено Городское положение, стоимость имущества должна была подтверждаться административным лицом, заведующим городским хозяйством.²

Что касается кочевого населения Туркестанского края, то в условиях «особенностей его быта, создающего препятствия для учета скота, который только и может быть единственным предметом обложения наследственными пошлынами», а также «полной невежественности и малограмотности биев, на которых было по проекту возложено исчисление и взыскание пошлын, и известной склонности их к злоупотреблениям», съезд туркестанских податных инспекторов признал невозможным распространить на данную социальную группу действия Положения о пошлынах с перехода имущества.³

Решения съезда податных инспекторов Туркестана было передано на рассмотрение Департаменту окладных сборов Министерства финансов. Однако дальнейшего движения вопрос не получил и ситуация в сфере Положения о пошлынах с движимого и недвижимого имущества для коренного населения осталась в Туркестане без изменения. Департамент окладных сборов возбуждал обсуждение данного вопроса еще дважды - в 1903 и 1905 гг. но никаких решений по нему не последовало.

В целом размер поступлений от особых сборов и пошлын в казну российской империи от Туркестанского генерал-губернаторства можно представить по данным таблицы.⁴

Наименование вида пошлыны и региона поступления	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907
Гербовый сбор, судебные пошлыны, канцелярские пошлыны и пошлыны с записи документов				
Сыр-Дарьинская область	155955, 19	160009,6	209999,68	223148,83
Ферганская область	162872, 5	195105,69	308619,29	357252,36
Самаркандская область	88173,83	100678,64	132011,24	137707,68
Русские поселения в Бухарском эмирате	10021,48	9441,15	11726,69	11883,49
Всего	418563	465234,54	662356,9	729992,36

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 74.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 74об.

³ Там же.

⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 75об.

Пошлины с переходящих имуществ				
Сыр-Дарьинская область	48613,23	41767,84	53939,14	73291,96
Ферганская область	38874,63	57448,12	64972,92	110559,44
Самаркандская область	15141,31	13314,95	23541,89	29665,29
Русские поселения в Бухарском эмирате	48	25,64	307,1	120,2
Всего	102677,16	112556,55	142761,5	213636,71
Всего	521240,16	557791,9	805117,95	943629,7

Таким образом, не смотря на ряд обстоятельств, препятствующих реализации положений Устава о гербовом сборе и сборе пошлин с имущества в Туркестанском крае, поступления от них ежегодно увеличивались. Из данных таблицы видно, что за четыре года с 1904 по 1907 гг. общая сумма поступлений возросла на 81,3 %. Успехи работы региональных налоговых органов в данном направлении объяснялись улучшением экономической жизни края, повышением окладов гербового сбора в 1906 г., а также усилением контроля со стороны Туркестанской казенной палаты и податных инспекторов. Все это позволяет сделать вывод, что в целом финансово-налоговым органам Туркестана в сфере выплаты его населением особых сборов и пошлин удалось повысить рентабельность региона.

И.В. Анисимова

Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

РАЗВИТИЕ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)¹

Начало XX в. стало важным этапом формирования промышленного комплекса центральноазиатских национальных окраин Российской империи. В этот период были созданы условия как для модернизации имеющихся промышленных предприятий, так и создания и развития новых отраслей. Активно, при поддержке государства и с привлечением иностранных инвестиций, стали осваиваться богатые природными ресурсами прибрежные районы Каспийского моря. Так, особое внимание промышленных кругов привлек к себе Урало-Эмбенский район, о месторождении нефти в котором было известно уже во второй половине XIX в.

По мнению ряда исследователей, Российская империя на рубеже XIX – XX столетий обладала одним из наиболее развитых в мировом хозяйстве нефтепромышленным комплексом. В 1901 г. 53% мировой добычи нефти дали нефтепромыслы России, при этом была освоена и эксплуатировалась лишь незначительная часть нефтеносных районов страны.² Прежде всего, развитие получил Бакинский нефтеносный район, на втором месте находился Грозненский район нефтедобычи. Нефтепромысел в центральноазиатских окраинах страны к началу XX в. был развит незначительно. Однако, уже в первые годы нового столетия заговорили о ресурсном потенциале региона, что привело к институциональному оформлению промышленного комплекса центральноазиатских окраин Российской империи. Начался активный процесс учреждения нефтепромышленных предприятий в Туркестане и Степном крае.

Так, в 1903 г. императором Николаем II был утвержден устав Ферганского нефте- и горнопромышленного акционерного общества «Чимион».³ В 1908 г. Среднеазиатское нефтепромышленное и торговое общество (САНТО) было учреждено путем преобразования среднеазиатского нефтепромышленного товарищества на вере «Н. Цуханов и К°». В мае 1909 г. «для производства разведок, добычи и переработки на острове Челекен Красноводского уезда Закаспийской области нефти, озокерита, других полезных ископаемых, а равно для торговли предметами добычи и продуктами переработки» было учреждено АО «Шагирт».³

Накануне Первой мировой войны началось активное развитие Эмбенского района. Работы по добыче нефти в Гурьевском уезде Уральской области начались в 1912 г., получив через год характер систематической эксплуатации. В первые годы освоения эксплуатации региона объемы добычи были незначительными (Таблица 1).

Таблица 1

Добыча нефти в Российской империи в 1908–1913 гг. (в тыс. т)⁵

Годы	Бакинский район	Грозненский район	Эмбенский район	Прочие районы	Всего
1908	7893,8	852,2	-	68,1	8 815,4
1912	7861,0	1071,8	16,7	252,3	9353,5
1913	7672,6	1206,6	117,6	150,5	9234,9

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00180)

² Иголкин, А.А. Отечественная нефтяная промышленность в первой трети XX века // Труды института Российской истории РАН. 2002. № 3. С.139.

³ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 198. Л. 35.

⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 445. Л.123.

⁵ Кафенгауз, Л.Б. Эволюция промышленного производства России. Москва: Эпифания, 1994. С. 124.

Однако, понимая потенциал нефтеносного района, руководство обществ «Эмба» и «Укно» активно начали инвестировать капитал не только в процесс развития самого нефтяного промысла, но, предполагая устойчивый и возрастающий характер добычи нефти, весной 1913 г. приступили к строительству двух нефтеперегонных заводов с планируемой мощностью 12 млн пуд. нефти каждый. Завод общества «Эмба» был запущен в действие уже в январе 1914 г.¹ В марте 1914 г. ввело в эксплуатацию нефтеперегонный завод «Урало-Каспийское нефтяное общество».

Значительный вклад в развитие Урало-Эмбенского нефтяного района внесло «Товарищество братьев Нобель», которое уделяло существенное внимание всем аспектам разведки нефти. Уже к концу 1912 г. в Доссоре были смонтированы четыре металлических резервуара для хранения нефти общей ёмкостью 600 тыс. пуд. Для обеспечения последующего промышленного и жилого строительства был построен кирпичный завод. Значимым инфраструктурным объектом компании «Эмба» стал первый в регионе нефтепровод длиной около 75 км, проложенный от Доссора к селению Ракуша на побережье Каспийского моря и выведенный в море, где и производилась загрузка нефти в нефтеналивные суда.²

Только в 1913–1914 гг. компания «Бр. Нобелей» затратила на разведку нефти в Уральской области 600 тыс. руб. Все изыскательские работы осуществлялись на основании заключений известных российских специалистов в области геологии нефти.³

К 1914 г. в Уральской области действовало несколько нефтяных предприятий: Урало-каспийское нефтяное общество («Уралко» или «Укно»), финансируемое английским капиталом и входящего в структуру англо-голландского концерна «Ройял Датч/Шелл»; промышленное и торговое акционерное общество «Эмба», активно финансируемое товариществом «Бр. Нобель»; Эмбо-каспийское общество, общество «Колхида», 36% акций которого также принадлежало «Товариществу нефтяного производства братьев Нобель».⁴ Предприятия Урало-Эмбенского промышленного района получили развитие в том числе и благодаря активному участию английского капитала, объёмы выражались в размере 13 млн. руб. или 48,5% от общих капиталовложений. Из этой суммы около 7 млн. руб. были вложены в «Урало-Каспийское общество».

Развитие Эмбенского района требовало создание промышленной инфраструктуры в регионе. Именно с этой целью в марте 1915 г. в Министерство торговли и промышленности был представлен проект устава акционерного общества «Подсобных предприятий Эмбенского района». Как говорилось в обосновании, необходимость учреждения Общества была вызвана растущими потребностями нефтяных промыслов Уральской области, для обслуживания которых и будут созданы новые предприятия.⁵ Основными акционерами общества выступили Нефтепромышленное общество «Эмба-Каспий» и нефтепромышленное и торговое акционерное общество «ЭМБА», каждое из которых владело по 600 акций. 40% акций находились в руках частных акционеров.⁶

¹ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1914. Т. IV. Октябрь – декабрь. С. 302.

² Матвейчук, А.А. Деятельность товарищества нефтяного производства Братьев Нобель в Уральской области Российской империи // Наука, технологии, общество и международное Нобелевское движение: Материалы Нобелевского конгресса – 11 Международной встречи-конференции лауреатов Нобелевских премий и нобелистов. Тамбов; Москва; Санкт-Петербург; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм, 2017. С. 98.

³ Драгульский, С.А. Рождение нефтяной отрасли в России // Мир изменений. 2010. № 11. С. 55.

⁴ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1914. Т. IV. Октябрь – декабрь. С. 300-301; Драгульский, С.А. Рождение нефтяной отрасли в России // Мир изменений. 2010. № 11. С. 55.

⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 81. Л. 29.

⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 81. Л. 87.

Первый год работы Общества оказался крайне сложным. В докладе правления на первом общем собрании акционеров 28 июня 1916 г. были представлены неутешительные итоги работы: «...за 1915 г. общество, открывшее свои действия 26 июня 1915 г. израсходовало 432029 руб. 96 коп., а имело валовый доход в сумме 411854 р. 14 к. и таким образом закончило отчетный период с убытком в 20175 руб. 82 коп.».¹ По мнению Правления акционерного общества, дефицит бюджета был вызван обстоятельствами военного времени, возрастающими ценами на рабочие руки, материалы, увеличивающиеся накладные расходы.

В докладе подчеркивалось, что благодаря предоставленному кредиту, общество за истекший год сумело провести значительный объем работы. Более того, на собрании прогнозировались и перспективы дальнейшего развития. В частности, отмечалось, что в ходе поисково-разведочных работ, проводимых в Уральской области в течение ряда лет, в регионе было обнаружено несколько районов, где может получить развитие нефтяной промысел. Безусловно, освоение этих месторождений позволили бы Уральской области встать в один ряд с другими нефтепромышленными районами России.

Акционерное общество «Подсобных предприятий Эмбенского района» принимало активное участие в поисково-разведочных работах в качестве подрядчика и, по мнению правления, имея в своем составе «достаточный штат опытных инженеров, техников и рабочих, а также необходимый технический и иной инвентарь», помимо подрядных работ может выступить как самостоятельная нефтепромышленная фирма.² В связи с чем, правление общества выступило с инициативой о реорганизации АО «Подсобных предприятий Эмбенского района» в «АО «Уральская нефть» с увеличением уставного капитала с 200 тыс. руб. до 6 млн руб.»³

К началу Первой мировой войны Эмбенский район занял прочное третье место по добыче нефти в России, хотя сами объемы эмбенской нефти не превышали 1,5% от общего объема в стране (Таблица 2).

Таблица 2

Нефтедобыча в Российской империи в 1914-1919 гг. (в тыс. т)⁴

Годы	Бакинский район	Грозненский район	Эмбенский район	Прочие районы	Всего
1914	6 817	1 613	272	85	8 814
1915	7 266	1 282	272	150	8 970
1916	7 665	1 683	254	62	9 664
1917	6 490	1 765	255	70	8 580
1918	3 057	410	130	93	3 690
1919	3 730	618	26	82	4 456

¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 81. Л. 95.

² РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 81. Л. 96.

³ РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 81. Л. 107.

⁴ Легат, В.И. Нефть. Энциклопедическая статья о добыче, переработке, потреблении, мировой торговле нефтью и нефтепродуктами до 1930 г., а также об их технологических свойствах // Энциклопедия советского экспорта. Т. II. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. URL: <http://istmat.info/node/51730>

По мнению исследователей, в первые годы Первой Мировой войны положение на нефтяных промыслах Уральской области оставалось стабильным. В течение одного 1914 г. добыча нефти в регионе увеличилась больше чем вдвое. Журнал «Нефтяное дело» сообщал: «В 1915 г. в Уральской области было добыто 16536625 пуд. против 16650731 пуд. в 1914 г. Из этого количества: Урало-Каспийское нефтяное общество – 9718625 пуд., Общество «Эмба» - 6092000 пуд., Общество «Эмба-Каспий» – 726000 пуд.».¹ К 1916 г. на рынок в Уральской области было вывезено более 422 тыс. т нефти и продуктов ее переработки, получаемых на керосиновых заводах Урало-Каспийского общества и общества Эмба.²

Безусловно, несмотря на богатые залежи нефти в региона, на значительные финансовые вложения в нефтяной промысел, для его поступательного развития имелись и определенные препятствия. Так, в частности, одним из сдерживающих факторов, по мнению исследователей, выступала позиция нефтепромышленников Баку и Грозного, которые «различными методами задерживали рост молодой Урало-Эмбинской нефтяной промышленности. С этой целью публиковались различного рода «исследования», в которых усиленно «доказывалось», что Эмбе предопределено безотрадное промышленное будущее...».³ Не менее важным фактором, тормозящим развитие нефтяного промысла региона выступал общий уровень промышленного развития края. Острыми проблемами, стоящими перед нефтепромышленниками, были оторванность района от транспортных коммуникаций, в частности, железнодорожной сети России, слабое развитие морского грузового транспорта, разбросанность нефтепромыслов, отсутствие социальной инфраструктуры, а также запрещение уральским казачеством судоходства по р. Уралу.⁴ Первостепенное значение для развития промышленности имел вопрос о формировании сети транспортных коммуникаций. Связь с другими регионами России осуществлялась только через Каспийское море, где период навигации составлял 6 месяцев. Следовательно, практически полгода нефтепромышленный промысел бездействовал, обеспечивая доставку материалов и оборудования при помощи гужевого транспорта, что, безусловно, не соответствовало требованиям промышленности начала XX в. Однако, несмотря на насущную потребность, в рассматриваемый период ослабить остроту проблемы так и не удалось. По настоянию Правления Уральского казачьего войска р. Урал оставалась закрытой для судоходства, не были реализованы и проекты строительства железнодорожных линий, связывающие нефтяной район с крупными промышленными центрами страны.

Во время войны под влиянием трудности доставки оборудования развитие этого ресурсно богатого, но очень отдаленного района, приостановилось, и с 1918 г. добыча стала падать. Революции 1917 г. и последующие политические события в стране поставили нефтяную промышленность в состояние затянувшегося кризиса. Работы в Эмбинском районе практически прекратились, из региона был затруднен вывоз нефтепродукта, поэтому хранилища были переполнены, что сдерживало развертывание эксплуатационных работ. Для всей нефтяной промышленности страны стало характерно катастрофическое падение объема бурения, что вызывалось недостатком квалифицированных рабочих и мастеровых, снижением производительности труда, расстройством

¹ Матвейчук, А.А. Деятельность товарищества нефтяного производства Братьев Нобель в Уральской области Российской империи // Наука, технологии, общество и международное Нобелевское движение: Материалы Нобелевского конгресса – 11 Международной встречи-конференции лауреатов Нобелевских премий и нобелистов. Тамбов; Москва; Санкт-Петербург; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм, 2017. С. 102.

² Обзор Уральской области за 1915 г. Уральск, 1916. С. 69.

³ Нурсултанова, Л.Н. Деятельность русских и иностранных компаний в нефтяной промышленности дореволюционного Казахстана // Отан Тарихы. 2001. № 4. С. 62.

⁴ Шаукенбаев, Т. Урало-Эмбенский нефтеносный район. Алма-Ата, 1960. С. 26-27.

транспорта.¹ Принятие 20 июня 1918 г. Декрета Совнаркома о национализации нефтяной промышленности в масштабах всей страны и введении государственной монополии на нефтяную торговлю означал начало нового этапа в развитии нефтедобывающего комплекса региона и на несколько лет остановил его поступательное развитие.

¹ Кафенгауз, Л.Б. Эволюция промышленного производства России. Москва: Эпифания, 1994. С.14.

*Е.Е. Камардина**Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)*

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОДВОРЕНИЯ В ТУРКЕСТАН ПРАВОСЛАВНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В рамках программы по освоению вновь присоединенных территорий Средней Азии туркестанская администрация огромное значение придавала закреплению в регионе православия. Судьба православия в Туркестане была тесно связана с переселенческим движением во вновь покоренный край.

Особенностью данной проблематики является то, что в досоветский и раннесоветский периоды вопрос о русских переселенцах в Туркестане фактически не освещался, что объясняется государственной политикой СССР, а именно единством всех народов, входящих в состав государства и стирании всевозможных различий между ними. Можно говорить о том, что одной из первых обобщающих публикаций по данной теме стала позднесоветская работа А.И. Гинзбург¹. В данной публикации автор раскрывает причины переселений русского и украинского крестьянства в Туркестанский край, исследуется вопрос о социально-хозяйственной адаптации переселенцев и последствиях переселенческого движения. В начале XXI в. расширяется круг отечественных исследователей Туркестана. В трудах таких российских ученых как Т.В. Котюковой², С.Н. Абашина, Д.Ю. Арапова, Н.Е. Бекмахановой³, представляется новый авторский взгляд на историю региона в составе Российской империи. Авторы стремятся преодолеть стереотипы, связанные с взаимоотношениями России с её азиатской окраиной, а так же рассмотреть широкий спектр вопросов и проблем: управленческих, правовых, этнодемографических, национальных, образовательных и социально-экономических.

В последние годы появились публикации, в которых авторы уделяют пристальное внимание вопросам, связанным с религиозной идентичностью, национальным самосознанием переселенцев. Разработками в это области занимаются в частности С.Н. Брежнева⁴, А.П. Волков⁵, Ю.Н. Цыряпкина⁶ и др.

¹ Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане (конец XIX – начало XX века) / А.И. Гинзбург. - М., 1991.

² Котюкова Т.В. Украина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы / Т.В. Котюкова. - М.: Научно-политическая книга, 2016.

³ Центральная Азия в составе Российской империи: коллективная монография / С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова [и др.]. - М.: Новое литературное обозрение, 2008.

⁴ Брежнева С.Н. Толерантность по-русски: из истории проведения религиозной политики Российской империи в Туркестане / С.Н. Брежнева // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. - 2015. - № 8. - С. 211 – 222.

⁵ Волков А.П. Развитие военно-административного управления в российской Средней Азии во второй половине XIX в. / А.П. Волков // Общество: философия, история, культура. - 2019. - № 8. - С. 76 – 81.

⁶ Цыряпкина Ю.Н. Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в.: основные социокультурные характеристики / Ю.Н. Цыряпкина // Вестник Томского государственного университета. - 2016. - № 411 – С. 6 – 29; Цыряпкина, Ю.Н. Особенности русского переселенческого общества Сырдарьинской области в конце XIX – начале XX вв. / Ю.Н. Цыряпкина // Диаспоры. - 2012. - № 1. - С. 183 – 187.

В основу источниковой базы статьи легли материалы докладов и отчетов чиновников, которые периодически посещали Туркестан с целью ревизии. Весьма ценная информация содержится в отчетах сенатора-ревизора графа К.К. Палена¹, чиновника по особым поручениям Н.А. Гаврилова², а также в докладе старшего чиновника особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе коллежского советника Ю.Д. Южакова³. Кроме того, важные сведения о законодательных реалиях данного процесса содержатся в Положении об управлении Туркестанским краем 1886 года⁴. Конкретные статистические данные, без которых невозможно в полной мере представить масштабы переселенческого движения, можно подчерпнуть в 86 томе Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, который посвящен Сырдарьинской области.

Автор статьи ставит перед собой задачу проанализировать государственно-правовые аспекты водворения в регион православных переселенцев в конце XIX – начале XX в.

Вторая половина XIX – начала XX вв. в Российской империи характеризовалась тем, что одним из доминирующих стал принцип государственного единства России. Для достижения этой задачи в присоединенных территориях использовались следующие приёмы: во-первых, увеличение количества русского православного населения, за счет переселенческой политики, а, во-вторых, русификация населения посредством реформации системы образования⁵. Сам генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман говорил: «Только народное образование способно завоевать край духовно: ни оружие, ни законодательство не могут сделать этого, а школа и только школа может»⁶.

Иными словами, первый устроитель Туркестанского генерал-губернаторства К.П. фон Кауфман и его последователи не ставили задачу насильно искоренить ислам в регионе. Все так же существовали медресе, мечети, а в 1900 г. был снят запрет с паломничества в Мекку⁷. Но при этом ислам как институт не имел никакой государственной поддержки, а распространение российской государственности должно было отвратить мусульманское население от ислама и его институтов.

Иными словами переселенческая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве была направлена на формирование русского земледельческого анклава, который наряду с воинскими контингентами стал бы «оплотом российского самодержавия в Туркестане» и способствовал развитию экономики в выгодном для империи направлении⁸.

Приток переселенцев начинается с 1868 г. после принятия «Временного уложения», согласно которому все земли коренного населения перешли в государственную собственность. С 70-х гг. XIX в. начался наплыв в Туркестанский край переселенцев из центральных областей страны.

¹ Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края / Переселенческое дело в Туркестане / К.К. Пален. СПб. 1910.

² Переселенческое дело в Туркестанском крае. Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 года чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова. СПб. 1911.

³ Южаков, Ю.Д. Итоги двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанским краем. СПб. 1891.

⁴ Положение об управлении Туркестанского края. СПб. 1886.

⁵ Котюкова Т.В. Туркестан в дискурсе фронтальной модернизации в Российской империи в конце XIX – начале XX в. / Т.В. Котюкова // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2015. – № 1. – С. 43.

⁶ Остроумов, Н.П. К.П. Кауфман: устроитель Туркестанского края. / Н.П. Остроумов. – Ташкент. 1899. С. 54.

⁷ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. / Т.В. Котюкова – М.: Научно-политическая книга, 2016. С. 16.

⁸ Цыряпкина Ю.Н. Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в.: основные социокультурные характеристики / Ю.Н. Цыряпкина // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 411. – С. 186.

Вначале (1867–1883 гг.) это переселение поддерживалось правительством, поскольку отвечало требованиям колонизации окраин. Правовой основой такого переселения были приказы туркестанского генерал-губернатора.

К началу 1880-х гг., когда крестьянский земельный голод сделался реальной угрозой для стабильности империи, правительство стало осознавать, что необходимо упорядочить переселенческое движение. Одной из инструкций в деле водворения был приказ генерал-губернатора М.Г. Черняева от 3 марта 1883 года, который определял следующее:

1. Водворению подлежат только лица русского происхождения;
2. Размер усадебных участков должен составлять 1000 кв. сажень, а полевых – в 9 десятин сроком на 10 лет;
3. Поселенец, получивший надел в собственность, по истечении срока получает возможность отчуждать свою землю¹.

Кроме того порядок водворения и категории населения, подлежащие ему, регламентировало Положение 1886 года². В 1889 г. был официально утвержден и действовал до 1904 г. новый переселенческий закон, в который вошли основные положения Временных правил. Главная задача нового закона заключалась в том, чтобы переселения не носили неконтролируемый самовольный характер, а были подчинены администрации – начиная с выбора людей, которым выдавались разрешения на переезд и, заканчивая разрешением водворяться только на заранее отведенных участках казенной земли³. При выдаче разрешений принимались во внимание имущественное положение крестьянина и место его проживания, поскольку приветствовалось переселение крепких хозяев из перенаселенных районов⁴. Это приводило к тому, что крестьяне, имевшие после продажи своего имущества менее 125–300 руб., как правило, получали отказ в ответ на своё прошение⁵.

Следующий поворот в переселенческой политике произошел в 1890-х годах, когда неурожай и голод в ряде губерний России привели к переселению в Туркестан 12 тысяч переселенцев. Однако уже в 1897 г. Министерство внутренних дел запретило выдачу разрешений на переселение в Семиреченскую, Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую области вследствие неконтролируемого потока переселенцев⁶.

Если рассматривать структуру переселенцев, то наибольшее значение в процессе интеграции Туркестана в общеимперское пространство отводилось религии водворяющихся в Туркестан

¹ Пален, К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края /Переселенческое дело в Туркестане/ К.К. Пален. СПб. 1910. С.172.

² Положение об управлении Туркестанского края. СПб. 1886. С. 35.

³ Мамадалиев И.А. Деятельность комиссии по переселению русского крестьянства в Туркестанский край / И.А. Мамадалиев, Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 17.

⁴ Центральная Азия в составе Российской империи: коллективная монография / Абашин С.Н., Арапов Д.Ю., Бекмаханова Н.Е. [и др.]. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 219.

⁵ Цыряпкина Ю.Н. Особенности русского переселенческого общества Сырдарьинской области в конце XIX – начале XX вв. / Ю.Н. Цыряпкина // Диаспоры. – 2012. – № 1. – С. 9.

⁶ Мамадалиев И.А. Деятельность комиссии по переселению русского крестьянства в Туркестанский край / И.А. Мамадалиев, // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 25

переселенцев¹. Основным правовым аспектом переселенческой политики в Туркестане было стремление царских властей стимулировать переселение православного населения из России. Кроме того, предусматривалось запрещение водворения в Туркестанский край мусульман из т.н., «внутренних» губерний империи и русских-сибиряков, принадлежавших к различным «раскольническим» толкам. А так же казанским татарам, поскольку они «могут содействовать развитию фанатизма у местных мусульман и особенно вредно влиять в этом отношении на киргиз»². Новый проект «Туркестанского положения» об управлении краем от 1873 г. откровенно запрещал переселение вышеназванных категорий населения из России в Среднюю Азию. Однако «излишняя откровенность» могла очернить образ веротерпимой России на международной арене, поэтому данный Проект вновь не был законодательно утвержден. Иными словами в 1870-х переселенческий процесс во многом сдерживался нормативно-правовыми ограничениями по конфессиональным признакам³.

В данных условиях основным руководством по водворению становился приказ генерал-губернатора М.Г. Черняева от 3 марта 1883 г., гласивший следующее:

«1. К переселению в Туркестанский край допускаются лица исключительно русские подданные христианских вероисповеданий, принадлежащие к состоянию сельских обывателей;

2. Переселенцам отводятся, с разрешения Генерал-Губернатора участки из свободных государственных земель в таком размере, в каком по местным обстоятельствам, окажется возможным отвести без затруднений, но, во всяком случае, не свыше 10 десятин на каждого работника;

3. Бумаги по делам о переселении изымаются от оплаты гербовым сбором, а сами переселенцы освобождаются в течение первых 5 лет по водворении от уплаты государственного поземельного налога, а в следующее за тем пятилетие вносят означенный налог в полном размере»⁴.

В 1886 г., почти через 20 лет использования в управлении «незаконного» Проекта 1867 г., был принят законодательно утвержденный правовой акт – «Положение об управлении Туркестанским краем»⁵. Так, ст. 262-я этого «Положения» гласила, что помимо лиц христианского вероисповедания к переселению допускались «нижние чины» всех вероисповеданий после окончания ими воинской службы и выхода в запас: «...нижние чины войск Туркестанского военного округа, уволенные в запас или отставку взамен возвращения на родину могли просить о водворении в край. Означенным лицам предоставлялись следующие преимущества: 1) Им отводились участки из свободных государственных земель, не превышавшие десяти десятин на работника, и 2) в течение первых 10-ти лет по водворении они освобождались от уплаты государственного поземельного налога. Сверх того, им производились единовременные пособия в размере не свыше 100 рублей каждому. Участки водворенных нижних чинов оставивших Туркестанский край ранее 10 лет с момента приписки к сельскому или городскому обществу подлежали отобранию в казну и поступали в ведомство Государственных имуществ»⁶.

¹ Лысенко Ю.А. Религиозная политика как механизм закрепления имперских позиций России в Туркестанском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 194.

² Волков И.В. Колонизация русского Туркестана: религиозный аспект / И.В. Волков // Государство, общество, церковь в истории России: материалы XV Международной научной конференции: в 2-х частях, М., 23 – 24 марта 2016 / Ивановский государственный университет, – М., 2018. – С. 74.

³ Там же.

⁴ Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края /Переселенческое дело в Туркестане/ К.К. Пален. СПб. 1910. С.175.

⁵ Волков, И.В. Переселенческая политика царизма в русском Туркестане: правовой аспект (вторая половина XIX – начало XX вв.) / И.В. Волков // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2013. – № 6. – С. 10.

⁶ Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края /Переселенческое дело в Туркестане/ К.К. Пален. СПб. 1910. С.174.

Голод 1891 г. обусловил мощный всплеск переселения славянского населения в Туркестан в 1892 г. Ограничить переселение голодных и изможденных людей для туркестанских властей не уже представлялось возможным¹.

Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи от 1897 г. на территории Сырдарьинской области общая численность населения области составляла 1.478.396 чел., в числе которых было русских 31.900 (2,16%) чел., украинцев 12.853 (0,81%) чел., белорусов 81 (0,1%) чел., в то время как подавляющим большинством населения являлись киргизы (современные казахи) в количестве 952.061 чел. (61,49%). Помимо вышеперечисленных народностей на территории области проживало большое количество и других национальностей, однако, нашей задачей является обратить внимание на то, что в процентном соотношении количество проживающих на территории Сырдарьинской области киргизов (современных казахов), кара-калпаков, сартов, узбеков, тюрков составляло 95,54% по сравнению с русскими, украинцами и белорусами, составляющими 3,13% от всего населения².

Кроме того, выше обозначенная перепись содержит данные о вероисповедании населения Сырдарьинской области. Анализ данного документа позволяет сделать вывод о том, что подавляющее большинство населения исповедовало ислам. Их количество составляло 1.425.313 чел., в то время как последователи христианских конфессий распределились следующим образом: православные – 42.266 чел. (2,86%), старообрядцы – 2.855 чел. (0,19%), католики – 2.956 чел. (0,20%) и протестанты – 1.921 чел. (0,13%)³.

Все вышеизложенное дает нам возможность говорить о том, что, несмотря на стремление Российской империи осуществить интеграцию новой территории за счет переселенческой политики, количество славянских народов, проживающих на данной территории составляло весьма скромную цифру по сравнению с коренным населением. То же самое можно говорить о присутствии христианства в регионе, т.к. процент населения исповедующего христианство того или иного толка составлял лишь 3,38%, в то время как последователей ислама насчитывалось 96,41%⁴.

Однако даже эти цифры дают основание полагать, что усиление притока русских переселенцев в Туркестанское генерал-губернаторство обеспокоило императорское правительство и прежде всего военное министерство, в ведении которого находилась территория края. Данный вывод мы делаем исходя из того, что в 1899 г. в военном министерстве была создана специальная комиссия, которая начала разрабатывать проект «Правил о добровольном переселении сельских обывателей в коренные области Туркестанского края»⁵.

10 июня при военном министерстве была образована для обсуждения вопросов переселения особая комиссия, результатом трудов которой было издание 12 июня 1903 г. в законодательном порядке правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области

¹ Волков И.В. Переселенческая политика царизма в русском Туркестане: правовой аспект (вторая половина XIX – начало XX вв.) / И.В. Волков // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2013. – № 6. – С. 11.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Сырдарьинская область. СПб. 1905. С. 12.

³ Там же.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Сырдарьинская область. СПб. 1905. С. 13.

⁵ Волков И.В. Колонизация русского Туркестана: религиозный аспект / И.В. Волков // Государство, общество, церковь в истории России: материалы XV Международной научной конференции: в 2-х частях, М., 23 – 24 марта 2016 / Ивановский государственный университет, – М., 2018. – С. 76.

Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую¹. Теперь «Правила» становились законом, который определял переселенческую политику Российской империи в Туркестанском крае. Так, пункт 1-й «Правил» гласил: «К переселению на казенные земли в Сырдарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую допускаются сельские обыватели и мещане православного вероисповедания, принадлежащие к коренному русскому населению Европейской России. Министру внутренних дел и военному, по взаимному согласию предоставляется определить, представители каких раскольников сект могут быть допускаемы к переселению в эти области»². Кроме того в край дозволялось переселяться «нижним чином» христианского вероисповедания (ст. 2). Размер земель, отводимых в постоянное (бессрочное) пользование переселенцев (ст. 8), не должен был превышать трех десятин (ст. 7)³.

Таким образом, Туркестанский край, учрежденный указом Александра II от 1 июля 1867 года, носил принципиально новый геополитический статус, подразумевавший укрепление позиций России в регионе, и интеграцию новой территории в состав государства. Имперская политика в новой части империи характеризовалась военно-народным управлением, которое представляло собой сращивание военной и гражданской власти. Для скорейшего и более глубокого освоения региона военное министерство, в ведении которого находился Туркестанский край, начало осуществлять переселенческую политику. Суть данной политики заключалась в переселении в регион православного населения, которое должно было выполнять функцию приобщения коренного населения к российской государственности, языку, хозяйственной культуре. Стоит отметить, что применение такого способа интеграции новой территории в состав империи как переселение было применено потому что «коренные области» Туркестана отличались плотностью населения и религиозностью автохтонного населения, что исключало возможность миссионерской деятельности. Данный процесс, поначалу проходивший достаточно сдержанно, в 90-х годах XIX – начале XX в. обрел куда более широкие масштабы.

¹ Переселенческое дело в Туркестанском крае. Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 года чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова. СПб. 1911. С. 7.

² Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И.-1. Оп. 17. Д. 456. Л. 18.

³ Там же.

*Х.Д. Холиков**Кемеровский государственный университет (г. Кемерово)*

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАНАХ СНГ НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА И КАЗАХСТАНА В 1990-х – НАЧАЛЕ 2000-х гг.

После распада СССР на пространстве СНГ сложилась сложная языковая ситуация, которая характеризуется правовым закреплением статуса титульных и нетитульных языков. Это повлекло за собой изменение не только сферы функционирования языков некогда на едином общественно-политическом, социально-экономическом и гуманитарном пространстве, но и на характере культурно-языковых отношений в государствах СНГ.

В бывших республиках СССР проявилась тенденция к уменьшению прогрессивного значения русского языка. Важная причина этого – поиск новой политической и культурной идентичности, в условиях кризиса бывших «имперских» идеологических ценностей СССР. На русский язык переносится неприязнь людей к подавлявшей народы тоталитарной системе, которая превратила язык центра в главный и общий разносчик директив и указаний, идеологических норм и политических взаимоотношений.

Первые шаги строительства суверенных государств сопровождались насаждением русофобии, отторжением русского языка, попытками отказа от русского культурного наследия. Степень этого отторжения в странах центральной Азии была разной, и в целом, обратно пропорциональной количеству русскоязычного населения. Несмотря на значительную долю русского населения в регионе (20 млн человек) и преобладающую часть русскоязычного населения (45 млн человек), в центральноазиатских государствах языковая политика строилась на отказе и даже запрете использования русского языка в государственной и общественной жизни. Под лозунгом защиты языка титульных народов в 1990-е гг. началась откровенная дискриминация русского языка, русской культуры и образования на русском языке.¹ Дискредитация русского языка, как языка «колонизаторов», языка идеологического насаждения марксизма-ленинизма подкреплялась распространением идей пантюркизма в ряде азиатских стран СНГ и в некоторых национальных средах в России.²

Одним из аспектов конфликта стала жесткая конкуренция в информационной сфере, в образовании и идеологии. Бывшие российские информационные культурные центры в странах ближнего зарубежья занимают аналогичные центры США, Англии, Франции, Израиля, Турции, успешно осуществляющие культурную экспансию в постсоветском пространстве. Третьи страны и международные банковские структуры, заинтересованные в углублении сепаратизма на постсоветском пространстве, предпринимают активные шаги по поддержке изоляционных тенденций в национальных системах образования и материально, и организационно. Они берут на себя расходы по созданию нового поколения учебников, которые тенденциозно, с националистических позиций освещают важнейшие исторические события и факты. Учреждаются гранты и премии для поощрения авторов, создающих

¹ Богачев, И.И. Продвижение русского языка / И. И. Богачев // URL <http://diplomacia.ru/?pl=page&id=67&lng=ru> (Дата обращения 30.10.2019)

² Военное обозрение: Турция и пантюркизм на постсоветском пространстве. URL: <https://topwar.ru/87172-turciya-i-pantyurkizma-na-postsovetskom-prostranstve.html>

такие учебники, полностью финансируют образование детей правящих политических и хозяйственных элит в дальнем зарубежье; открываются образовательные центры непосредственно в СНГ и Балтии. По некоторым данным таких центров на сегодня более ста пятидесяти. Так, например, в Казахстане открыты 28 лицеев и один вуз, где обучение ведется турецкими и английскими педагогами на турецком и английских языках по программам и учебникам, изданным в Турции.¹ Падение интереса к русскому языку объясняется еще и тем, что ни у родителей, ни у детей нет никакой веры в то, что со знанием русского языка удастся найти хорошую работу.

Русский язык в бывших республиках Советского Союза вплоть до начала 90-х годов выполнял функции языка технической и социокультурной модернизации. Владея русским языком, можно было сделать карьеру, занять хорошую должность и т.д. Все это вкупе с очень высокой степенью экономической интеграции всех республик и составляло основу функционирования русского языка как средства межнационального общения. С ослаблением государственных, экономических связей и культурных контактов эта мотивационная база, разумеется, не исчезла, но ее действие проявляется ныне по-иному.

На первый план выходит экономика. В настоящее время соответствующие связи в области экономики интенсивно поддерживаются на уровне предпринимательской и торговой деятельности людей из разных регионов. Место Советского Союза в центральноазиатском потоке материальных благ и товаров уверенно заняли КНР, Турция, Индия, Пакистан. Культурный и интеллектуальный секторы поля мотивации при этом действительно «сворачиваются». Таким образом, «дикий рынок» заменил и отодвинул на второй план все остальные факторы, обуславливающие функционирование русского языка как средства межнационального общения. Иными словами, структура мотивационного поля изменилась.

Наиболее серьезным последствием этого оказалось изменение социальной основы функционирования русского языка. В число говорящих на русском языке представителей интеллигенции, учащейся молодежи (а это основной костяк соответствующих двуязычных коллективов) влилась совершенно иная по социальной природе группа людей. По своему образовательному цензу она более разношерстна, мотивационная база ее языкового поведения интенсивна, необходимость в общении на русском языке обусловлена активной жизненной позицией, требующей реализации в коммерческом и хозяйственном аспектах. Иначе говоря, изменилась социальная база функционирования русского языка как средства межнационального общения. Большинство коммерсантов имеют четкую ориентацию на овладение русским языком и использование его в своей каждодневной практической деятельности.

Продолжает снижаться качество русской речи у нерусского населения, прежде всего, у молодежи, что связано с резким сокращением преподавания русского языка в школе в связи с принятием законов о языках в большинстве государственных образований бывшего СССР. К сопутствующим факторам следует отнести сокращение или полное прекращение теле и радиовещания на русском языке, сворачивание программ изучения литературы, истории народов СССР. И если раньше «молодое двуязычие» характеризовалось достаточно высоким уровнем речи, то сегодня этого сказать нельзя. Молодежи приходится общаться на русском языке, но языку их не учат. Ясно, что экономический фактор будет и дальше пополнять число говорящих на русском языке, но очевидно и то, что в создавшихся условиях не исконная русская речь будет формироваться не под влиянием лучших речевых образцов, а под влиянием уже существующего языка «дикого рынка».

¹ Арёфьев, А. Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве / А. Арёфьев URL <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema05.php> Электронная версия бюллетеня Население и общество (Демоскоп WEEKLY №251-252). (Дата обращения 30.10.2019)

В Узбекистане в редакции «Закона о государственном языке» до 1995 года русский язык имел статус языка межнационального общения, но по новой редакции «Закона о государственном языке», принятой 21 декабря 1995 года русскому языку отводится роль языка «национального меньшинства».¹

В Узбекистане – как и в большинстве других постсоветских республик язык в первые годы после распада Союза стал тем «символом солидарности», символическим капиталом, вокруг которого развернулась политическая конкуренция. Так, усиление роли узбекского языка было одним из требований оппозиционной партии «Бирлик», чьи позиции в самом начале 1990-х были еще сильны, тогда как никакого движения за сохранение статуса русского языка в тот период не возникло.²

Вместе с тем в отношении русского языка действует не только политический фактор, связанный с усилением власти и консолидации, но и управленческий, связанный с минимизацией издержек. С точки зрения управленческой прагматики, оптимальной является языковая политика, не требующая значительных дополнительных инвестиций, что в ситуации Узбекистана означало бы де-факто сохранение узбекско-русского билингвизма – лишь с определенным перераспределением инвестиций на поддержку узбекского. Такой подход – не столько даже прагматический, сколько инерционный и возобладал к концу 1990-х годов, когда потеряло актуальность тактическое противостояние с националистическим крылом оппозиции, а основным символическим капиталом с конца 1990-х годов стал не язык, а внедрение «идеологии национальной независимости».

Русский пока достаточно востребован в Узбекистане, в чем не последнюю роль играет традиционный и имеющий глубокие исторические корни билингвизм: наличие, помимо диалектов узбекского, некоего «статусного» языка – персидского, иногда арабского, на котором велось делопроизводство, писались указы, сочинялись стихи и проза. С известной долей условности можно сказать, что русский язык продолжает удерживать эту «статусную» нишу.³

В Казахстане в соответствии с Конституцией Республики Казахстан 1995 года государственным языком является казахский. Статус русского языка определен Законом Республики Казахстан «О языках».⁴ Согласно статье 5 данного Закона, а также статье 7 Конституции «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским языком официально употребляется русский язык». Нужно отметить, что в Казахстане значительная часть населения свободно говорит по-русски. Однако в настоящее время на русском языке обучается уже менее половины учащихся школ, что стало результатом значительного сужения сферы образования на русском языке.⁵

Русский язык в настоящее время все еще достаточно прочно занимает позицию одного из главных средств межнационального общения на большей части постсоветского пространства. По-видимому, эти тенденции будут сохраняться и в ближайшие годы, ибо пока еще сохраняются такие мощные

¹ Закон о государственном языке республики Узбекистан. URL: <http://www.lex.uz/acts/121433>

² Виноградов, В.В. Русский язык в современном мире / В. В. Виноградов. - Москва, 1968. С. 23.

³ В России обеспокоены политикой вытеснения русского языка в ряде стран СНГ и Балтии. URL <http://www.materick.ru/index.php?section=analitics&bulid=56&bulsectionid=465>

⁴ Закон Республики Казахстан от 11.07.1997 г. № 151-І «О языках в Республике Казахстан» URL: <http://www.zakon.kz/law/pravsys/doc/yazyk.htm>

⁵ Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы интернет-газета Столетие URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/kazahstan_russkij_jazyk_vytesnajetsa_2011-09-14.htm

факторы, как историческая и духовная общность наших народов, однородность экономических структур, родственные связи, смешанные браки миллионов людей, многотысячные, а в отдельных случаях многомиллионные представительства титульных этносов одних государств в качестве национальных меньшинств в других государствах. При этом, безусловно, условия его употребления и изучения как родного и как средства межнационального общения значительно трансформировались.

В.С. Хан

Университет мировой экономики и дипломатии (Узбекистан, г. Ташкент)

О ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УЙГУР Г. ТАШКЕНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В основу настоящего доклада легли результаты этносоциологического исследования, проведенного в 2012 г. членами отдела этнологии Института истории АН Узбекистана (руководитель – В. Хан) на предмет адаптации и интегрированности этнических меньшинств (русских, корейцев и уйгур) в современное пространство Узбекистана.

По результатам нашего исследования, уйгуры продемонстрировали наиболее высокую степень адаптивности к жизни в Узбекистане, даже по сравнению с многими другими народами, даже коренными, такими как таджики, казахи и др.. Так, на вопрос «Можете ли Вы сказать, что адаптированы к Узбекистану?» 99 % уйгуров ответили «Да». Данное обстоятельство связано с общими с узбеками религией, антропологическим обликом и высоким уровнем близости традиций и языка. Многие уйгуры владеют узбекским как родным. Как пишет М. Савуров, «для уйгурской культуры характерно смешение с национальной культурой узбеков, а по существу они составляют единое целое, что объясняется не столько фактором влияния, сколько фактором схожести, восходящим к далекому прошлому. Некоторые различия наблюдаются лишь в языке, но и он ... впитал в себя много элементов узбекской лексики»¹.

Данный вывод совпадает с тем, что высказали наши респонденты: «В языке и религии у узбеков и уйгуров нету никакой разницы. Только в языках может быть небольшое различие в окончаниях, на самом деле они одинаковы» (мужчина, 46 лет).² «Уйгуры адаптировались к местным условиям довольно быстро и глубоко. Например, в городе Ташкенте уйгуры полностью ассимилировались с узбеками. Их свадьбы тоже узбекизированы» (женщина, 39 лет).³

Некоторые уйгуры в своей оценке сходства с узбеками идут еще дальше: «Уйгуры как узбеки мусульмане и наши языки тоже похожи. ... Сейчас свадебные и похоронно-поминальные обряды тоже как у узбеков. На свадьбах также даем плов, читаем никох... Сейчас кроме пищи нет никаких отличительных черт от узбеков» (мужчина, 49 лет).⁴

На вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили в Узбекистане?» абсолютное большинство уйгуров (98%) ответили «Да».

Подобная установка подтверждается и ответами на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети полностью ассимилировались к Узбекистану? (обучение в узбекских школах, узбекский язык как родной)». Уйгуры на данный вопрос дают также положительный ответ – 88% (причем, в группах 46-55 и 56-65 лет этот ответ дали 100% респондентов). Такой высокий процент готовности к полной

¹ Савуров М. Уйгуры // Этнический атлас Узбекистана. – Стамбул, 2002. С.219.

² Интервью, мужчина, 46 лет, г. Ташкент, 2012 г.

³ Интервью, женщина, 39 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁴ Интервью, мужчина, 49 лет, г. Ташкент, 2012 г.

ассимиляции и интеграции позволяет сделать предположение, что в будущем не исключена возможность трансформации уйгуров в субэтническую группу узбекского этноса (особенно, если рост узбеко-уйгурских браков будет иметь такую же динамику как сегодня).¹

Миграционный потенциал. Среди уйгуров только 11% высказали намерение переехать в другую страну (причем, ни один из респондентов старших возрастных групп – 46-55 лет и 56-65 лет – не выразил желание покинуть Узбекистан). Наибольший процент миграционных настроений (38,5%) был получен в самой младшей возрастной группе (16-25 лет). При выяснении причин низкой миграционной активности, помимо таких факторов как неизвестность и риски, нежелание менять отлаженный быт обнаружилось, что для уйгуров важно и сохранение традиционной культурной идентичности, желание жить привычным укладом.

Один наш респондент (мужчина, 46 лет) высказал сомнение в целесообразности миграции: «Если переедем, тогда что будет с воспитанием детей, что будет с их национальностью?».²

Другой респондент (женщина, 56 лет): «Недавно младший сын выиграл «Green card» и со своей семьёй (жена и 2 детей) уехал в Америку. Но он вернётся. Хочет в махалле жить. Однажды, мы хотели продать участок и переехать к город, но он не согласился. Он говорит, что временно уезжает, чтобы заработать, потом вернется, ему нравится жить здесь в махалле».³

Из числа уйгуров, имеющих намерение уехать, 55% респондентов назвали Россию, а остальные – США и Европу; и снова же, никто из них не назвал Китай, что связано с историческими причинами и непростыми процессами в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Самая младшая и старшая группы (две самые старшие группы вообще не имеют намерения уезжать) демонстрируют ориентацию на Россию, в то время как в возрастной группе 26-37 лет 75% ориентированы на Запад. Если люди со средним образованием 100% нацелены на Россию, то среди тех, кто имеет высшее и среднее специальное образование вектора возможной миграции диверсифицируются.

Национальная политика и состояние межэтнических отношений. Открытую дискриминацию отрицает абсолютное большинство опрошенных: – 100%. В процессе интервью, наши респонденты подчеркнули демократичный характер национальной политики узбекского государства:

«Я оцениваю межнациональную политику нашего государства как идеальную, потому что проживающие на территории страны более 100 национальностей чувствуют себя вполне комфортно. Открыты и осуществляют свою деятельность многие культурные центры, уйгурский культурный центр в том числе. Национальные диаспоры свободно исповедуют свою религию и говорят на родном языке» (уйгур, 35 лет).⁴

Число признавших наличие бытового национализма составила лишь 2% (незначительная часть молодежного и среднего возрастов).

Трудовая деятельность. Уйгуры интегрированы не только в языковую и культурную среду, но и в те ниши экономики, которые позволяют получать бóльшую удовлетворенность.

На вопрос «Ваши ожидания карьерного роста и заработков», респонденты дали 60% оптимистичный ответы.

¹ В пользу такого предположения говорит и тот факт, что в XX в. уйгуры часто меняли свою национальность. Особенно этот процесс усилился в годы независимости. Если в 1989 г. их насчитывалось 35 762, то в 2000 г. их стало 19 526. - Савуров М. Уйгуры // Этнический атлас Узбекистана / А. Ильхамов (отв. ред.). – Стамбул: Институт «Открытое Общество» - Фонд содействия - Узбекистан, 2002. С.219.

² Интервью, мужчина, 46 лет, г. Ташкент, 2012 г.

³ Интервью, женщина, 56 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁴ Интервью, мужчина, 35 лет, г. Ташкент, 2012 г.

Высшее образование. На вопрос «Существуют ли сегодня ограничения для поступления в вуз для этнических меньшинств?», 89% уйгуров (а в самой старшей возрастной группе 100%) ответили «Нет».

Большинство уйгуров может обучаться как на русском, так и на узбекском языках (многие из них закончили узбекскую школу), в то время как имеющее место сокращение русскоязычных групп в вузах объективно снижает возможности этой категории получения высшего образования (или, точнее, поступления в вуз с первой попытки).

Помимо сокращения русскоязычных групп, в республике существует проблема качественного образования, что стимулирует поиски его получения за ее пределами. Некоторые из тех уйгуров, которые нацелены на жизнь в Узбекистане, удовлетворены качеством отечественного образования. И, кроме того, определенная часть уйгуров, ориентирующаяся на традиционные ценности, имеет и другие причины не отправлять детей за рубеж.

Так, один из респондентов (мужчина, 46 лет) так прокомментировал возможность обучения детей за рубежом: «Сейчас у нас в Узбекистане тоже обучение хорошее. И некоторые родители хотят, чтобы дети были рядом, особенно девочки».¹

Однако надо иметь, что в самых младших возрастных группах уйгуров (16-25 и 26-35 лет) количество желающих получить образование за рубежом или дать таковое детям резко возрастает (76,9% и 77,8%), что говорит о существенном отличии в их образовательных ориентациях по сравнению со старшими возрастными группами.

Языковая компетентность. Уйгуры демонстрируют высокий уровень компетенции в родном языке – 87% на нем думают и 89% владеют им свободно (а в старших и самой младшей возрастных группах эти цифры составляют 100%). При этом, 95% уйгуров свободно владеют узбекским языком (в старших и самой младшей возрастных группах этот показатель составляет 100%), а 66% (в самой старшей возрастной группе) может думать на нем – свойство родного языка. Они также думают на русском языке (44%, а в самой старшей возрастной группе 80%) или свободно владеют русским языком – 86%, что позволяет отнести их к трилингвам (уйгурский, узбекский и русский языки).

Тринлингвизм уйгуров хорошо иллюстрирует следующий рассказ: «Дома мы, дети, общались на русском языке, так как все ходили в русскоязычные школы. Папа всегда ругал нас за это, и говорил, что дома нам надо общаться на нашем родном языке. Родители между собой общались по уйгурски. Но с нами говорили на узбекском языке».²

В связи введением в Узбекистане государственного языка возникает вопрос: осложнило это жизнь наших респондентов («Испытываете ли Вы трудности в обычной жизни от незнания узбекского языка?»)? 98% уйгуров ответили – «Нет». 2% вероятно относятся к обрусевшим уйгурам, которые не знают ни узбекского языка, ни уйгурского (в силу большой близости этих языков, если человек говорит на уйгурском, узбек его поймет, так и наоборот).

Традиции и обычаи. Другим важным маркером этнической идентичности являются национальные обычаи.

Этот маркер высок среди уйгуров. Причем, у них высокий процент занимают и узбекские обычаи. Наряду с этим можно наблюдать и небольшую прослойку обрусевших уйгуров.

¹ Интервью, мужчина, 46 лет, г. Ташкент, 2012 г.

² Интервью, женщина, 39 лет, г. Ташкент, 2012 г.

Таблица 1

Каким национальным обычаям Вы следуете? (в %)

	Уйгурские	Русские	Узбекские
Всегда	89	3	76
Никогда	0	60	7
Иногда	11	33	15

Этническое окружение. Межнациональные браки. В Узбекистане на протяжении длительного времени существовали уйгурские кишлаки (кишлак «Долон» Андижанской области и др.),¹ городские махалли (уйгурская махалля «Кашгар»). В результате урбанистических и миграционных процессов на протяжении всего XX века многие этнические группы постепенно стали концентрироваться в городах и поселках городского типа.

На протяжении уже многих лет уйгуры Узбекистана живут в условиях полиэтнического окружения и зачастую очень дисперсно. А какое окружение они сами предпочитают? Ответы респондентов оказались близкими к привычной среде обитания: 76% предпочли многообразное этническое окружение. Есть небольшие прослойки уйгуров (европеизированных), которые не хотели бы, чтобы рядом с ними проживали уйгуры.

Длительное дисперсное проживание в условиях постоянных межэтнических и межкультурных контактов сформировало среди диаспорных групп установку на мирное сосуществование. Отсюда и спокойное отношение к межнациональным бракам. 32% наших респондентов высказали нейтральное отношение (в самой младшей возрастной группе нейтральное отношение высказали 69,2% респондентов), 44% - больше положительное, чем отрицательное, и 24% - больше отрицательное, чем положительное (в самой младшей возрастной группе отрицательное отношение высказали лишь 7,7% респондентов).

Если говорить об отношении уйгуров к браку с узбеками, то 70% уйгуров ответили – «скорее положительно, чем отрицательно» (надо отметить, что в самой младшей возрастной группе этот показатель составляет 30,8%), 20% – «нейтрально» и 10% – «скорее отрицательно, чем положительно» (в средней и самой старшей возрастной группах этот ответ составил 0%). В целом можно сказать, что толерантное, а зачастую и положительное отношение уйгуров к бракам с узбеками (в совокупности 90%) в качестве последствия может иметь их дальнейшую ассимиляцию.

При восприятии межнациональных браков большую роль играет конфессиональная идентичность. Одна из наших респондентов (женщина, 56 лет, уйгурка, преподаватель узбекского языка) так прокомментировала свое восприятие этих браков: «Среди знакомых часто встречаются уйгуры, которые женились на узбечке или вышли замуж за узбека. Лично моё мнение о межнациональных браках: если мусульманин (узбек, казах), то можно, но если представители других религий, тогда нельзя. Я корейцев и русских тоже уважаю, но браки с ними для уйгуров, я думаю, это неправильно».²

Подобный подход выразил и другой наш респондент (мужчина, 49 лет): «Раньше уйгуры в первую очередь обращали внимание на национальность. Я же в первую очередь обращаю внимание на

¹ В начале 20-х годов в Узбекистане имелись уйгурские сельсоветы, а в 1937 г. уже было организовано свыше 60 уйгурских колхозов. - Савуров М. Уйгуры // Этнический атлас Узбекистана / А. Ильхамов (отв. ред.). – Стамбул: Институт «Открытое Общество» - Фонд содействия - Узбекистан, 2002. С.218.

² Интервью, женщина, 56 лет, г. Ташкент, 2012 г.

религию. Для меня важно, чтобы зять или сноха исповедали ислам. А потом уже национальный принцип».¹

С другой стороны, уйгуры, закончившие русские школы, не так категоричны в этом вопросе (женщина, 39 лет): «Нас всех создал единый Бог и для меня не нация важна, а важен сам человек. Если мои дети выберут хорошего человека из другой нации, я не против. Для меня важна жизнь моих детей, а не мнение людей».²

Брак с узбеком не редко становится предпочтительнее, чем брак с уйгуром, если он не из Узбекистана. Иначе говоря, этнический принцип при выборе брачного партнера перестает быть определяющим, уступая место культурному, поведенчески-мировоззренческому принципу.

Один наш респондент так охарактеризовал уйгуров из соседних республик (мужчина, 49 лет): «Уйгуры, проживающие в Казахстане и Киргизии, тоже изменились. Там они более европеизированы. Там они как русские и другие нации пьют и курят. У нас более хорошо сохранились национальные традиции».³

Другой респондент (мужчина, 46 лет) также подтвердил нежелание родниться с не местными уйгурами: «Нет, мы не берем невест из Казахстана, они стали как казашки. В основном берем из города Ташкента».⁴

И еще одна зарисовка о важности поведенческих моделей при создании семьи по сравнению с этническим принципом (женщина, 56 лет): «Дочку отдали в узбекскую школу, чтобы она сохранила стыдливость, застенчивость, женственность, т. е. традиционные качества. Среди наших знакомых были люди, которые своих дочерей отдали в русскую школу. На их примере мы знали, как у этих девушек менялась манера поведения. А наша дочка не такая и поэтому наши сватья (недавно дочку замуж отдали) довольны её поведением и благодарят (сказали «спасибо за хорошее воспитание»».⁵

Закключение. Результаты исследования и их анализ позволяют сделать следующие выводы.

Уйгуры высоко адаптированы и интегрированы в новое пространство Узбекистана, и по целому ряду маркеров (языковому, конфессиональному и др.) близки к узбекам. Высокий уровень узбекско-уйгурских межнациональных браков. Данные исследования показывают, что этнический принцип при выборе брачного партнера сегодня начинает уступать место конфессиональному и поведенческому. Проживание в узбекской среде сформировало новую брачную ориентацию, когда узбеки становятся предпочтительнее, чем уйгуры, но из других республик или не традиционного типа воспитания. Свою дальнейшую жизнь и судьбу своих детей уйгуры связывают с Узбекистаном. Узбекская среда становится мощным аттрактором в этнокультурной эволюции уйгуров. Степень и динамика их адаптации и ассимиляции такова, что в будущем не исключена возможность трансформации местных уйгуров в субэтническую, а в определенной перспективе и этнографическую группу узбекского этноса.

¹ Интервью, мужчина, 49 лет, г. Ташкент, 2012 г.

² Интервью, женщина, 39 лет, г. Ташкент, 2012 г.

³ Интервью, мужчина, 49 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁴ Интервью, мужчина, 46 лет, г. Ташкент, 2012 г.

⁵ Интервью, женщина, 56 лет, г. Ташкент, 2012 г.

Ж.С. Аубакирова, А.Н. Алексеенко

Научно-исследовательский центр «Алтайтану»

ВКГУ им. С. Аманжолова,

(Казахстан, г. Усть-Каменогорск)

ЧИСЛЕННОСТЬ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО КРАЯ (XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Вопрос о численности казахского этноса в различные периоды истории всегда вызывал интерес, как в научных кругах, так и среди общественности. В постсоветский период тема еще более актуализируется. Растущий интерес к исторической демографии не может не радовать. В тоже время, уход проблемы «в массы» часто лишает ее необходимого научного сопровождения. В первую очередь речь идет об источниковой базе, на основе которой должны строиться научные выводы. В многочисленных сюжетах «народной истории» источниковый фундамент, как правило, отсутствует. В основном это касается «досоветского» периода демографической истории, когда статистический учет казахского населения Российской империи еще не обрел четких научно обоснованных конструкций.

Наиболее сложно определить численность казахов в «достатистический» период демографической истории Казахстана (первые научные статистические исследования по отдельным регионам стали проводиться в 1870-1880-е гг.). Левшин А.И., один из наиболее известных исследователей казахского народа («Геродот казахского народа», по мнению Ч. Валиханова) в 30-е годы XIX в. отмечал: «...Все, что ныне можно сказать о числе киргиз-кайсаков, заключается в сведениях ими же сообщенных и подлежащих великому сомнению, во-первых, по всегдашней наклонности их к преувеличению всех предметов, особенно в рассказах о могуществе своего народа, во-вторых, по невозможности, в которой они находятся, иметь о сем предмете основательные известия. Вот причины, по которым почти все или, по крайней мере, большая часть исчислений, донныне составленная чиновниками русскими на Оренбургской и Сибирской линиях о народонаселении степей киргиз-кайсацких, чрезвычайно увеличены».¹

Учитывая точку зрения А.И. Левшина, отметим мнения и других исследователей, непосредственно занимавшихся историей казахского народа в этот период. Я.П. Гавердовский приводит сведения на начало XIX в. (1803 г.): «В отделениях Большой орды 70 000 семей... Всего в Средней орде – 169 400 семей. В меньшей орде – 169 500 семей. Во всех же трех ордах – 408 900».² С учетом того, что в каждой кибитке могло проживать по 5 человек, общая численность казахов примерно равнялась 2 044 500 человек.

По мнению А.И. Левшина, в 1830-е годы «все три орды киргиз-кайсацкие» должны составлять около 500 тысяч кибиток. Исходя из того, что в каждой кибитке живет 5 или 6 человек, общая численность

¹ Левшин, А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей / А.И. Левшин. – Алматы, 1996. С. 287-288.

² Гавердовский, Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого / Я.П. Гавердовский // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Первые историко-географические описания казахских земель. Первая половина XIX века / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 406, 420.

казахского населения составляла «... от 2 500 000 до 3 000 000 душ обоего пола».¹ При этом в Большой орде, по его мнению, проживало от 500 до 600 тысяч человек, в Средней – до 1 360 000. В Малой – около 1 100 000.²

Попытку определить численность казахов предпринимал и Ч. Валиханов: «Численность кайсаков определить трудно... Соединяя все новейшие сведения (1861-1863 г.), мы полагаем на Большую орду, в пределах Алатавского окр. (округа, АА, ЖА), 100 т. д. об.п. (100 тысяч душ обоего пола. АА, ЖА), на Среднюю, в пределах Семипалатинской обл., до 146 000 д.об.п., в обл. Сибирских киргизов, до 800 т. д.об.п., на Внутреннюю или Букеевскую 150 000 д.об.п. (30 000 кибиток), а на весь Кайсацкий народ от 1450 000 до 1,5 мил. д. об. п.».³

Предположения о численности казахского народа в конце XIX века высказывал и Абай Кунанбаев: «Говорят, нынче на земле живет более двух миллиардов человек. Из них нас, казахов, более двух миллионов».⁴

Таким образом, опора на народные предания, предположения людей, даже очень известных, изучавших историю и быт народа, не могут дать целостной картины о численности казахов, их демографической истории в длительной ретроспективе. Вследствие этого, источниковой основой для авторов являются опубликованные статистические данные, позволяющие сохранить логику учета населения в конце XIX-начале XX вв. Наиболее достоверные данные о численности, этническом составе государства и его регионов предоставляют переписи населения. Классические переписи должны быть однодневными и проходить в рамках административно-территориальных границ (область, уезд, волость, населенный пункт). Проблема в том, что методика проведения переписи рассчитана для оседлого образа жизни. Так как казахское население находилось в постоянном движении, его учет был максимально затруднен. До первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. численность казахского населения определялась по данным кибиточного сбора. Перепись кибиток проводилась раз в три года и давала очень приблизительные сведения о численности этноса.

Точность сведений переписи населения 1897 г. об этническом составе Российской империи также весьма условна, так как вопрос об этнической принадлежности в ее программе отсутствовал. Этнический состав населения империи можно определить по данным о родном языке, вероисповедании. Из-за малограмотности счетчиков нередко были ошибки, просчеты. Так, например, в данных переписи 1897 г. казахское население Пржевальского и Пишпекского уездов Семиреченской области приводится вместе с киргизским. Поэтому точные сведения о численности казахского этноса, даже по данным переписи населения 1897 г., определить сложно. Наиболее распространенная точка зрения: численность казахского этноса по данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. равнялась 3392, 8 тыс. человек.⁵

¹ Гавердовский, Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого / Я.П. Гавердовский // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Первые историко-географические описания казахских земель. Первая половина XIX века / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 288.

² Там же.

³ Валиханов, Ч.Ч. Статьи из «Географического-статистического словаря Российской империи» / Ч.Ч. Валиханов // Собрание сочинений в пяти томах. – Том 4. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 203.

⁴ Абай, Слово двадцать четвертое. Книга слов. «Международный клуб Абая» / Абай. Семей, 2001. С. 213.

⁵ Масанов, Н.Э. История Казахстана: народы и культуры: учебное пособие / Н. Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева, А.Н. Алексеев, Г.С. Баратова –Алматы: Дайк-Пресс, 2000. С. 477.

В 1914 г. численность казахского населения шести административных областей составляла 3 845,2 тыс. человек (Акмолинская – 489,3 тыс., Семипалатинская – 692,1 тыс., Сыр-Дарьинская – 1058,0 тыс., Семиреченская – 609,9 тыс., Тургайская – 486,6 тыс., Уральская – 509,3 тыс.).¹

Таким образом, в период между переписью населения 1897 г. и 1914 г. (начало Первой мировой войны) число казахов увеличилось на 13,3%. Среднегодовой прирост составил 0,8%, что в значительной мере соответствует темпам естественного прироста в конце XIX-начале XX вв.

В определенные исторические периоды, связанные, чаще всего, с какими-либо катастрофическими явлениями, динамика численности казахов в значительной степени зависела от «приливов» в Российскую империю и «отливов» за ее пределы. Изучение миграционных процессов казахов в XIX – начале XX вв. существенно затруднено вследствие кочевого образа жизни этноса. Определение термина «миграция» более адекватно для оседлого образа жизни. Постоянные сезонные перемещения казахов, часто на очень большие расстояния, довольно далеки от классических «миграционных» дефиниций, учет внутрироссийских перемещений фактически отсутствовал. В то же время, статистика населения, перемещающегося в другие государства (в основном, в Китай), Российской администрацией велась, поэтому термины «эмиграция», «иммиграция» вполне допустимы, несмотря на частые стихийные перекочевки казахов с территории одного государства, на территорию другого. Так, например, в конце 70-х годов XIX в. на Алтай из Китая откочевало около тысячи семей казахов. Впоследствии часть их вернулась в Китай, часть осела на территории России.²

На численность казахов влияла и демаркация Российско-Китайской границы в районе Синьцзяна. Так, в 80-е гг. XIX в. граница, проведенная по географическому принципу, разделила казахов: часть осталась в Российской империи, часть (137 тыс. человек) оказалась в Синьцзяне.³

В начале XX в. (1900-1913 гг.) интенсивность миграции в Китай значительно возросла. Основными причинами стал голод 1900 г. и изъятие у казахов земель вследствие реализации Столыпинской аграрной реформы. В 1902-1913 гг. численность казахского населения сократилась на 8-9%, что составляло около 286 тыс. человек.⁴ Большинство казахов уходило в Синьцзян, в 1911 г. в Китае насчитывалось 224 900 казахов.⁵

В 1914 - 1917 гг. произошли события, существенно нарушившие ход демографического развития. 25 июня 1916 г. был обнародован царский указ о мобилизации «инородческого» населения на тыловые работы. Мобилизация и последовавшее за ней восстание изменили численность казахского населения в канун революции 1917 г. В первую очередь это было связано с откочевками казахов в Китай. Откочевки начались еще в мае 1916 г., а наиболее интенсивно проходили в июле-октябре. Спасаясь от карательных операций российской армии, казахи уходили в основном в приграничные области Синьцзяна. В Алтайском округе насчитывалось около 100 тыс. беженцев, Тарбагатайском – 60-70 тысяч, в Илийском – более 100 тысяч.⁶ Всего, по мнению казахстанских исследователей,

¹ Алексеенко, Н.В. Население Казахстана за 100 лет. (1897-1997 гг.) / Н.В. Алексеенко, А.Н. Алексеенко. – Усть-Каменогорск, 1999. С. 29.

² Аблажей, Н.Н. С востока на восток: российская эмиграция в Китае / Н.Н. Аблажей. - Новосибирск: изд-во СО РАН. С. 21.

³ Там же.

⁴ Мендикулова, Г.М. Казахская диаспора: история и современность / Г.М. Мендикулова. – Алматы: Всемирная Ассоциация казахов, 2000. С. 119.

⁵ Там же, С. 120.

⁶ Там же, С. 123.

эмигрировало около 300 тыс. казахов и киргизов.¹ В результате репатриации, к маю 1917 г. в Казахстан возвратилось более 160 тыс. человек.²

Все эти события существенно сказались на динамике численности казахского этноса. В связи с отсутствием общепризнанных статистических данных в это сложное время, ученые, исследовавшие проблему, опирались на собственные методики расчета. Неудивительно, что присутствуют различные точки зрения. В 1925 г. М.Т. Тынышпаев, используя массу статистических материалов, данных учета населения, полученных в связи с выборами Учредительное собрание, приводит цифру – 2 910 тыс. казахов по Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской, Букеевской губерниям, Адаевскому уезду и Алтаю.³ Но статистические данные, приведенные М.Т. Тынышпаевым, не дают представления об общей численности казахов, так как в расчетах отсутствуют сведения о числе казахов в Семиреченской и Сырдарьинской областях.

С.И. Брук и В.М. Кабузан определяют численность казахов на 1917 г. в 4 697,7 тыс. человек.⁴ Но расчеты проведены по всей территории России, авторы представляют сведения о численности этноса во всей Российской империи.

Существуют и иные данные о численности казахов в 1917 г. Проблема в том, что авторы учитывают казахов на разных территориях (с учетом или не учетом проживающих в среднеазиатских регионах, Бухаре и Хиве). На наш взгляд, учет населения целесообразнее проводить на сопоставимых территориях в 1914 и 1917 гг. В этом случае появляется возможность увидеть демографические последствия, вызванные мобилизацией 1916 г. и последующим восстанием. В связи с этим, мы используем данные, представленные Н.В. Алексеенко. Для определения численности казахского населения в 1917 г. Н.В. Алексеенко разработал методику учета, опирающуюся на тенденции естественного прироста, числе не явившихся на призывные пункты во время мобилизации на тыловые работы и др. Результаты расчетов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Численность казахского населения в 1914 и 1917 гг. (тыс. человек)

Области	Численность населения		1917 к 1914 гг.	
	1914	1917	Численность (тыс. чел.)	%
Акмолинская	489.3	460.6	-28.7	94.1
Семипалатинская	692.1	634.2	-57.9	91.6
Семиреченская	609.9	546.8	-63.1	89.7

¹ История Казахской ССР: в 2 т. / Академия наук Казахской ССР, Институт истории, археологии и этнографии – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1957. Том 1. С. 578.

² Мендикулова, Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развал / Г.М. Мендикулова. – Алматы, 1997. – С. 88.

³ Тынышпаев, М.Т. Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях / М.Т. Тынышпаев. – Алма-Ата, 1926. С. 92.

⁴ Брук, С. И. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма / С.И. Брук, В.М. Кабузан // История СССР. 1980. №3. С. 89.

Сыр-Дарьинская	1058.0	991.9	-66.1	93.8
Тургайская	486.6	457.5	-29.1	94.0
Уральская	509.3	479.4	-29.9	94.2
Всего	3845.2	3570.4	-274.8	92.9

Источник: Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999. – С. 29, 31

Как видно из таблицы 1, за три года численность казахов сократилась на 7,1% (274,8 тыс. человек). В число потерь входят жертвы восстания 1916 г., откочевавшие за пределы обозначенных регионов в Китай. В основе своей, расчеты Н.В. Алексеенко совпадают с точкой зрения многих казахстанских исследователей о потерях казахов (вследствие гибели и откочевки за пределы Российской империи) в годы восстания 1916 г. Видимо, повторяющиеся сведения, полученные в результате независимых исследований, наиболее близки к истине.

Динамика численности казахского этноса в XIX – начале XX вв. зависела от многих факторов политического, социально-экономического свойства. Часто казахский социум реагировал на негативное сочетание данных факторов откочевкой на более благоприятное место жительства, не всегда в пределах Российской империи. Возможности статистического учета были не в состоянии адекватно отразить эти перемещения, поэтому говорить о точных статистических данных, фиксирующих численность казахов в тот или иной период, преждевременно. Проблема нуждается в дальнейшем изучении.

Умирзокова Шахноза Давронжон Кизи

Кемеровский государственный университет (г. Кемерово)

ХУСИТЫ, АЛЬ-ХУТИ, АШ-ШАБАБ АЛЬ-МУМИНИН, АНСАР АЛЛАХ, ИЛИ ВЕРУЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ?

Одна из коренных причин конфликта в Сааде - религия. За последние 20 лет зейдиты, которые составляли большинство населения «мухафазы» (области), чувствовали угрозу со стороны радикального суннитского салафизма, исходящая из Саудовской Аравии. В связи с увеличением числа школ и мечетей салафитов, местные жители Саада создали группу возрожденцев «Верующая молодежь», чтобы обучать молодых людей религии и истории зейдит. Позже филиал «Верующей молодежи» взял за основу идеологию экстремизма, и группа стала влиятельной организацией под названием Хуситы. Хуситы борются за сохранение своей уникальной идентичности, религиозных убеждений, стремясь создать свои собственные университеты и школы. Правительство Йемена на каждом шагу утверждало, что Иран и «Хезболла» вдохновляли, финансировали и обучали мятежников «аль-Хути». Между тем различные источники утверждают, что правительство Саудовской Аравии оказывает финансовую поддержку правительству Йемена в его борьбе против хусит.

Хуситы выходцы из Северного Йемена являющиеся приверженцами шиизма зейдитского толка, их официальное название «Ансар Аллах», или же сторонники Аллаха. «Ансар Аллах» ранее известный, как «Аш-Шабаб аль-Муминин» является военным крылом шиитского движения Хусит. В 2003 году после вторжения США в Ирак Хуситы стали известными для общественности и бывший президент Али Абдулла Салех пытался неоднократно уничтожить их при поддержке Саудовской Аравии. Хуситы по идеологии близки с Ираном и «Хезбаллой» в Ливане.¹

Правительство Йемена столкнулось с постоянными восстаниями шиитских племен. Хуситы возглавили кампанию, призывающую к замене правительства и экономическим реформам. Йеменское суннитское правительство обвиняло Хусит в том, что они являются тенью Ирана в Йемене, тем самым обвиняя шиитское население в разжигании беспорядков.

Повстанцы «аль-Хути» настроены против правительства и критиковали суннитских деятелей за то, что они призывали людей подчиняться «жестким правителям, которые сотрудничают с Америкой».

Йемен, вероятно, имеет самое большое количество стрелкового оружия и легких вооружений на душу населения в мире. А также имеют легкий доступ ко многим видам взрывчатых веществ. Хотя в крупных городах наличие оружия меньше, чем в районах проживания племен и в небольших городах. Восстание «аль-Хути» также показало, насколько может быть легким доступ к оружию в стране.

Йемен был вовлечен во внутригосударственный конфликт с мятежниками-шиитами, которые привержены Абдулу Малику аль-Хути, также известному как «Шабаб аль-Муминин» («Верующая молодежь»). В начале 1990-х годов зейдит воспринимали, как религиозное преследование так, как в Сааде они основали группу возрождения под названием «Верующая молодежь», а также оппозиционную партию «Аль-Хак». ²

¹ Four things you may not know about Yemen. Where did the name 'Houthi' come from? What do the rebels want? What is Zaidism? And what is Yemen like today? [Электронный ресурс]. / URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/12/yemen-171204150858775.html>)

² Жантиев Д.Р. «Хуситское» движение в Йемене: «генезис» и современное состояние//Вестник Московского университета - 2009, №4 - с. 59-7

Этот конфликт начался в середине 2004 года и вновь разгорелся весной 2005 года. В конце декабря 2006 года конфликт снова разразился и стал более интенсивным. В январе-феврале 2007 года в Сааде произошло большое число ожесточенных столкновений. Конфликт оставался локализованным на севере до мая 2008 года, когда правительственные силы противостояли повстанцам «аль-Хути» в Бани Хушайш, примерно в 12 км от посольства США. Конфликт в этой области длился примерно весь июнь 2008 года. 17 июля 2008 года правительство объявило о прекращении конфликта в Сааде.¹

Хуситы являются последователями Хусейна Бадр аль-Хути (Husain al-Huthi), который был убит в сентябре 2004 года после нескольких месяцев сражений с йеменскими силами безопасности. Шейх аль-Хути, бывший политический деятель в Йемене, имел широкую религиозную и племенную поддержку, особенно в северной части Йемена. Хусейн аль-Хути был бывшим членом парламента от исламской партии «аль-Хак» (Истина). Правительство Йемена обвинило Хусит в создании нелегальных религиозных центров.

Шейх аль-Хути, религиозный лидер зейдит, который возглавлял вооруженную группу под названием «Верующая молодежь». Группа провела акции протеста против США и Израиля в мечетях. Последователи «Аль-Хути» заявляли, что правительство Йемена слишком тесно стала сотрудничать с Соединенными Штатами. Во время пятничной молитвы последователи «аль-Хути» выкрикивали лозунги против Израиля и Соединенных Штатов. Правительство Йемена заявило, что эта группа была создана по образцу ливанской «Хезбаллы», и что она пытается силой восстановить монархию в Йемене. «Хезбалла» в Ливане отрицает какие-либо связи с повстанцами в Сааде. Хуситы неожиданно стали отрицать предположения об исключительной племенной идентичности, которая является существенной, учитывая, что в стране преобладают племенные верности. Вместо этого группа получила стратегическую поддержку от племен северной федерации Бакил, соперничавших с федерацией хашидов, которая была традиционным союзником центрального правительства. Хуситам не хватало как политической программы, так и централизованного управления.

Постоянно существующая угроза воздушных бомбардировок военной коалиции во главе с Саудовской Аравией и ОАЭ усиливает народную поддержку Хусит. Военная коалиция четыре года назад начала бомбардировку, которая привела к гибели тысяч людей и огромным разрушениям в беднейшей стране арабского мира.²

В результате арабской весны президент Йемена Салех был смещен. Новым президентом стал суннитский политик с Южного Йемена Адб-Раббо Мансур Хади. Хуситы были недовольны своим участием в предполагаемом преобразовании Йемена в Федерацию.

В 2014 году Хуситы заключили союз с Салехом и вооруженными силами, которые все еще были на стороне бывшего президента и противостояли действующему так, как его считали марионеткой Саудовской Аравии. В сентябре этого же года они направились в Сану и свергли Хади. Вскоре они также захватили портовый город Ходейда и направились в сторону Адена.³

Ситуация была опасной для Саудовской Аравии, которая не хотела, чтобы стратегически важные судоходные пути были подконтрольны Хуситам и их региональному сопернику - Ирану. Так коалиция стран во главе с Саудовской Аравией и ОАЭ начала операцию «Решительный штурм», чтобы восстановить международно-признанное правительство, возглавлявший Хади.⁴

¹ Dresch, P. A History of Modern Yemen. [Электронный ресурс] Cambridge. 2000 / URL: <http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam031/00029266.pdf>

² Have Saudi and the UAE's aims in Yemen war shifted? [Электронный ресурс]. / URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/11/saudi-uae-aims-yemen-war-shifted-171108080509650.html>

³ Yemen's Houthi: Ali Abdullah Saleh killed for 'treason' [Электронный ресурс]. / URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/12/yemen-houthi-ali-abdulla-saleh-killed-treason-171204165531953.html>

⁴ Yemen war: Saudi-led operation 'nearing an end' [Электронный ресурс]. / URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/03/yemen-war-saudi-led-operation-nearing-160317094932574.html>

Учитывая непрозрачность повстанцев-хути в северной провинции Саада, а также вводящие в заблуждение заявления правительства о целях группы, еще в 2009 году было трудно ответить на вопрос: «За что борются хуситы?» Они против Америки, изображая лозунг «Смерть Америке» на зданиях и валунах по всей провинции Саада, но они не были направлены против граждан или интересов США. Хуситы также являются антиизраильскими и антисемитскими, и их угрозы против еврейской общины в Сааде заставили в 2007 году евреев переехать в Сану.

Цели хусит изменились с момента начала первой войны в Сааде в 2004 года, когда они были небольшой группой бойцов, защищавших члена их семьи, члена парламента Хусейна аль-Хути от ареста. По сообщениям, Хусейн аль-Хути был одним из 21 братьев, включая нынешних лидеров Абдул-Малика и Яхью. В течение почти трех месяцев аль-Хути и его сторонники, которые в то время заявляли о своей верности государству, отбивали правительственные войска из его крепости в горах Марран, пока он не был убит 10 сентября 2004 года. За прошедшие годы, когда хуситы обрели сторонников и территории, цели группы расширились и стали мрачнее.¹

После четырех лет войны к 2019 году хуситы превратились из изолированного ополчения в Сааде в местное государство, которое по большому счету управляет значительной частью северного Йемена. Они укрепили своё влияние за счет силы и союзов с могущественными племенами и ведущими деятелями Йемена. На местном уровне они создали систему управления, назначая руководителей в каждом районе. Руководители принимают все решения, касающиеся повседневной жизни администрации, передавая более масштабные решения высшему руководству хусит. В центре их внимания - безопасность, поддержание контроля и мобилизация большого количества людей для борьбы за интересы. Хуситы управляют северным Йеменом успешнее, чем это делает законное правительство в южном Йемене. Анализируя положения в городах Сана и Аден, с точки зрения безопасности ситуация в Сане намного лучше.

Лидер йеменского революционного движения «Ансарулла» Сайед Абдул Малик Бадреддин аль-Хути 27 июня 2019 года выступил с речью о предателях- арабах на саммите в Бахрейне. «Подчинение некоторых арабских режимов США и сионистскому движению достигло стадии, когда они предлагали святыне места страны в качестве подарков», - сказал Сайед Хути. Однако ни США, ни сионистское движение не ценят эти дары арабских режимов, сказал он, добавив: «Даже сам Трамп называет Саудовскую Аравию дойной коровой»².

Далее он охарактеризовал эти арабские режимы как «дешевые марионетки», не имеющие никаких ценностей. «Все те, кто стремится к нормализации с сионистским движением, вступают в сговор против угнетенного народа Палестины». Тем временем Сайед Хути критиковал некоторые арабские СМИ за то, что они портят имидж палестинского сопротивления и «Хезболлы», подчеркивая, что «Ансарулла» не отрицает связь с Ираном, Ираком, Сирией и Ливаном, которые «твердо стоят на своей позиции в отношении Палестины». Он приветствовал «Хезболлу», заявив, что ливанское движение сопротивления «является источником гордости для нашей нации».

В пятницу, 28 июня 2019 года, лидер поддерживаемых Ираном ополченцев хусит в Йемене Абдул Малик Бадреддин аль-Хути выступил с ненавистной речью на митинге, посвященному принятию им «Крика Хомейни». Аль-Хути подтвердил, что культура Хомейни с учетом Ирана останется «краеугольным камнем в борьбе группировки Хусит против мира».³

¹ What's the Yemen conflict really about? [Электронный ресурс]. / URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-32395603>

² Глава мятежного йеменского племени не идет на переговоры с властями [Электронный ресурс] / URL: <https://ria.ru/20110526/380146192.html>

³ Глава мятежного йеменского племени не идет на переговоры с властями [Электронный ресурс] / URL: <https://ria.ru/20110526/380146192.html>

Ю.Н. Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ РОМАНОВ И ЕГО ВКЛАД В СОЗДАНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПОСЕЛКОВ В ТУРКЕСТАНЕ В 1880–1890-е ГОДЫ

Великого князя Николая Константиновича Романова, значительную часть жизни прожившего в ссылке на окраине Российской империи, заслуженно называют главным ирригатором «русского Туркестана», который смог обводнить безжизненную пустыню в конце XIX - начале XX века. Он был крайне противоречивой личностью: племянник императора Александра II, двоюродный брат императора Александра III и дядя последнего русского императора Николая II, коллекционер древностей и произведений живописи, выпускник Академии Генерального Штаба, участник Хивинского похода 1873 г., был признан душевнобольным, но не лишен великокняжеского титула, и изгнан из Санкт-Петербурга. К тому же великий князь отличался эксцентрично-эпатажным поведением, бурной личной жизнью, злоупотреблением спиртными напитками, за что неоднократно ссылался из одной части империи в другую, например, из Туркестана в Крым в период с 1901-1904 гг.¹

Этот незаурядный человек оставил о себе самые противоречивые оценки и воспоминания. В советский период заслуги князя были закономерно забыты в связи с его принадлежностью к императорской семье, несмотря на то, что он с восторгом принял Февральскую революцию 1917 г.² В российской исследовательской литературе в большей степени внимание уделялось вопросам, связанным со здоровьем, перипетиям семейной жизни «августейшего больного»³. Хотя нельзя не признать, что в 2000-е годы вакуум научных работ был заполнен обобщающими публикациями о деятельности великого князя в Туркестане⁴. По личной инициативе историка-краеведа Б.А. Голендера из Узбекистана был снят документальный фильм о «туркестанском периоде» жизни великого князя⁵, в котором акцентируется внимание на его заслугах в постройке ведущих магистральных водных каналов в голодноостепском районе Туркестана.

¹ Лавренова А.М. «Августейший больной», жандармы и психиатры: «крымские каникулы» великого князя Николая Константиновича (1901 – 1904 годы) / А.М. Лавренова, М.Ю. Черниченко // Новый исторический вестник. - 2017. - №1 (51) - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avgusteyshiy-bolnoy-zhandarmy-i-psihiatry-krymskie-kanikuly-velikogo-knyazya-nikolaya-konstantinovicha-1901-1904-gody> (дата обращения 26.12. 2019)

² Массон М. «Ташкентский» великий князь. Из воспоминаний старого туркестанца / М. Массон // Звезда Востока. - 1991. - №12. - С.115 - URL: <https://mytashkent.uz/2011/04/04/tashkentskiy-velikij-knyaz-prodolzhenie-1/> (дата обращения 27.12. 2019)

³ Лавренова А.М. «Августейший больной», жандармы и психиатры: «крымские каникулы» великого князя Николая Константиновича (1901 – 1904 годы) / А.М. Лавренова, М.Ю. Черниченко // Новый исторический вестник. - 2017. - №1 (51) - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avgusteyshiy-bolnoy-zhandarmy-i-psihiatry-krymskie-kanikuly-velikogo-knyazya-nikolaya-konstantinovicha-1901-1904-gody> (дата обращения 26.12. 2019); Блинова В.В. «Зная порывы Его Высочества ... я поставлю часовых и помешу Великому князю в царских комнатах вокзала железной дороги» Неравный брак внука императора Николая I и дочери оренбургского полицмейстера А.Г. Дрейера / В.В. Блинова, В.А. Рубин, Т.В. Судоргина // Вестник архивиста. - 2018. - №2. С.564-577.

⁴ Котюкова Т.В. «...Завещаю... все вышеозначенное имущество... в полную собственность Ташкентского университета» Документы архивов Республики Узбекистан о последних годах жизни великого князя Николая Константиновича Романова. 1917–1919 гг. / Т.В. Котюкова, А.В. Махамов // Отечественные архивы. - 2009. - №6. - С.82-94; Котюкова, Т. Страницы истории: роль великого князя Николая Константиновича в орошении Голодной Степи – URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=7133> (дата обращения 20.12. 2019)

⁵ Великий Князь Николай Константинович Романов / НП КВС «Отечество» при участии ООО «Союз-Медиа». – Москва, 2010 (52 мин.)

Одна из последних публикаций, вышедшая в Узбекистане, касается малоизвестных эпизодов личной жизни великого князя¹. Эта монография, написанная в жанре документальной прозы, с привлечением огромной коллекции фотоматериалов, была подготовлена на основе документов и материалов из личных коллекций потомков великого князя и детализирует его частную жизнь в Туркестане.

Данная статья призвана показать роль великого князя Николая Константиновича Романова в организации переселенческого движения в Туркестан в конце XIX в. Основные документы о его «туркестанском периоде жизни» и создании переселенческих поселков отложились в фондах Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз): Ф.И-40 Управление делами Великого князя Николая Константиновича Романова (1873-1918), Ф.И-1 Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора (1867-1918), Ф.И-16 Управление переселенческим делом в Сыр-Дарьинском районе (1906-1918), Ф.И-269 Сыр-Дарьинский областной статистический комитет (1867-1918).

Впервые в Среднюю Азию великий князь попал в составе участников Хивинского похода в первой половине 1873 г., он был командиром авангарда и за проявленную доблесть удостоился ордена Владимира III степени. Николай Константинович был очарован востоком и самобытностью среднеазиатской культуры. И, как оказалось, в дальнейшем ему было суждено вернуться в Туркестан, чтобы прожить здесь большую часть своей жизни.

В 1874 г. в результате скандальной истории с похищением бриллиантов из оклада семейной иконы великокняжеской четы Константина Николаевича и Александры Иосифовны, родителей великого князя Николая Константиновича, он был обвинен в воровстве, признан душевнобольным и выслан из Санкт-Петербурга в Оренбург². В период с 1874 по 1881 г. великий князь сменил несколько городов ссылки. Только в 1881 г. приказом императора Александра III великий князь Николай Константинович был переведен в Ташкент, фактически его просьба о поселении в Туркестан была удовлетворена. Как отмечает исследователь «русского Туркестана» Т.В. Котюкова, в регионе он не играл никакой политической и общественной роли в местном обществе³, но смог наладить предпринимательскую деятельность и в какой-то степени способствовать успешному переселенческому движению из Европейской части России в Туркестан.

Великий князь поселился в Ташкенте. Он стал свидетелем набиравшего силу переселенческого движения в регион. Хотя к 1880-м годам переселение в большей степени охватило Семиреченскую область, в которой туркестанской администрации было легче изымать земли у кочевников под русские переселенческие поселки. Другая ситуация наблюдалась в соседней Сырдарьинской области, в которой проживал великий князь. В неё было сложнее водворить крестьян в связи с тем, что по сравнению с Семиреченской областью здесь отмечалась высокая плотность коренного оседлоземледельческого населения, все орошенные земли и, соответственно, ирригационные сооружения были поделены⁴. Несмотря на проблемы с выделением земель в колонизационный фонд в Сырдарьинской области, первые переселенческие поселки в ней появляются фактически сразу после присоединения Туркестана

¹ Гударзи-Наджаров А. Жизнь без мифов: Великий князь Николай Константинович 1850-1918 [Текст] : Документальная проза / А. Гударзи-Наджаров. – Ташкент : Baktria press, 2018. - 144 с.

² Котюкова Т. Страницы истории: роль великого князя Николая Константиновича в орошении Голодной Степи – URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=7133> (дата обращения 20.12. 2019).

³ Котюкова Т.В. «...Завещаю... все вышеозначенное имущество... в полную собственность Ташкентского университета» Документы архивов Республики Узбекистан о последних годах жизни великого князя Николая Константиновича Романова. 1917–1919 гг. / Т.В. Котюкова, А.В. Махжамов // Отечественные архивы. - 2009. - №6. - С.83.

⁴ Цыряпкина, Ю.Н. Особенности русского переселенческого общества Сырдарьинской области в конце XIX – начале XX вв. / Ю.Н. Цыряпкина // Диаспоры. - 2012. - №1. - С.11.

к Российской империи. В 1867 г. было создано первое селение Русский Чиназ в Ташкентском уезде¹. Согласно списку переселенческих поселков Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областей 1909 г., в период с 1880-го по 1890 г. в Сырдарьинской области было создано 22 переселенческих поселка². Это не самые высокие темпы прироста «колонистов» в Туркестане, основной поток переселенцев водворяется в край после неурожаев 1891-1892 гг. в Европейской части России.

Заслуга Николая Константиновича заключается в том, что он смог найти наиболее пригодные земли для дальнейшего орошения. В частности, на примыкающих территориях Сырдарьинской и Самаркандской областей располагался голодноостепский район, признанный в конце XIX в. наиболее перспективным в деле быстрого орошения. Голодная степь представляла собой обширную равнину, которая клином находилась между Ташкентским и Самаркандским оазисами по направлению к Ферганской долине³. В непосредственной близости от Голодной Степи находились исключительно густонаселенные районы Ферганской долины, долины Зерафшана (Самаркандская область) и селения Сырдарьинской области. Первые попытки оросить Голодную Степь предпринимались в 1874-1879 гг., в итоге закончились неудачей, когда в 1881 г. были полностью свернуты работы по строительству Кауфманского канала⁴.

Несмотря на то, что развитие ирригации в Туркестане было делом государственной важности, отечественные предприниматели не стремились осуществлять такие технически сложные и дорогостоящие проекты, вложения иностранцев ограничивались из соображений стратегической безопасности⁵. Николай Константинович Романов с воодушевлением взялся за строительство оросительных сооружений и смог выполнить важнейшую государственную задачу. В период с 1883-1885 гг. он участвовал в строительстве канала «Искандер-арык» протяженностью 50 километров. В итоге «Искандер-арык» смог оросить 4513 гектаров земель по правому берегу реки Чирчик⁶. На Искандер-арыке возникло село Троицкое (1885 г.), имение «Искандер Волынский» (1899 г.), имение «Подшеват» (1909 г.) в Ташкентском уезде⁷. Сразу после орошения часть имения «Искандер Волынский» была передана великим князем в колонизационный фонд и на ней устроилось 40 дворов молокан⁸. В отчете по служебной командировке чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова от 1910 г. упоминается об обосновавшихся в имении великого князя «Искандер Волынском» молоканах. По описанию чиновника, «поселок производит отрадное впечатление»⁹, начиная от хозяйственных построек, заканчивая состоянием усадеб и огородов. Нужно отметить, что в ревизионных отчетах очень часто противопоставлялось хозяйство поселков,

¹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее ЦГА РУз). Ф. И-1. Оп.17. Д.428. Л.1

² ЦГА РУз. Ф. И-16. Оп.1. Д.174. Л.2-26.

³ Мамедов, А. Русские ученые и развитие ирригации Средней Азии / А. Мамедов. – Ташкент : издательство «Узбекистан», 1965. – С.29.

⁴ Пожорение Голодной Степи. – 2-е изд., переработ. и доп. – Ташкент : издательство «Узбекистан», 1980. – С.21.

⁵ Котюкова Т. Страницы истории: роль великого князя Николая Константиновича в орошении Голодной Степи – URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=7133> (дата обращения 20.12. 2019).

⁶ Мамедов А. Русские ученые и развитие ирригации Средней Азии / А. Мамедов. – Ташкент : издательство «Узбекистан», 1965. – С.31.

⁷ ЦГА РУз. Ф. И-16. Оп.1. Д.174. Л.2-3.

⁸ Особая этнографическая группа русских, принадлежали к одному из течений духовного христианства

⁹ Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет о служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова / Н. Гаврилов. – С-Петербург, 1911. – С.25.

образованных православными переселенцами и представителями других христианских течений. Данное сравнение не всегда было в пользу православных переселенцев, но государство продолжало в большей степени способствовать переселению в Туркестан именно этой категории «колонистов»¹.

После первого удачного воплощения опыта ирригационного строительства великий князь в 1886 г. начал строительство канала «Бухарарык» из реки Сыдарья. При помощи этого канала предполагалось оросить Голодную степь и перебросить воды реки во владения Бухарского эмира. Канал строился 6 лет и был прорыт на протяжении 27 км. Но не выдержал запуска в 1891 г., он просуществовал 3 дня, по истечению которых на головном сооружении дамбы были прорваны, и подача воды в него прекратилась².

В течение 1895-1896 гг. великий князь занимался строительством канала «Николай I» из реки Сырдарьи, он усиленно привлекал на строительство канала как местное население, так и переселенцев. Великий князь на этапе подготовки к строительству рассылал в различные губернии Российской империи пригласительные телеграммы с обещаниями обеспечить переселенцев работой и землей. С переселенцами он рассчитывался землями, рабочим из среды коренного населения платил по 1 руб. 20 коп. в день³. Новый канал орошал около 8 тысяч десятин земель в Ходжентском уезде Самаркандской области⁴. Он забирал воду ниже Бекабадских порогов и заканчивался в районе железнодорожной станции Голодная Степь (ныне г. Гулистан – Ю.Ц.). Благодаря предприимчивости великого князя в момент нарастания переселенческого кризиса и неспособности туркестанской администрации быстро реагировать на нужды переселенцев, им были образованы поселки, которые в начале имели характер рабочих станций, но затем на их месте выросли целые переселенческие поселения: Николаевский (1881 г.), Надеждинский (1885 г.), Романовский (1887 г.), Конногвардейский (1891 г.), Обетованный (1892 г.), Верхневольнский (1894 г.), Нижневольнский (1896 г.)⁵. Земли русских переселенцев, участвовавших в строительстве каналов, земли князя и опытные поля пользовались льготными правами – вода им отпускалась бесплатно и в первую очередь.

Успешная деятельность Николая Константиновича Романова по орошению Голодной Степи и созданию переселенческих поселков сопровождалась и объективными трудностями, которые разрешались уже не самим великим князем, а туркестанской администрацией. В Центральном государственном архиве Республики Узбекистан содержатся документы ведомственной переписки между состоящим на службе при великом князе Николае Константиновиче Романове полковником Н.Ф. Дубровиным и канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства. В переписке упоминается об эпизоде 1898 г., когда в Туркестан прибыло около 400 кубанских переселенцев, вызванных великим князем на строительство оросительных каналов. В материалах сохранилась телеграмма великого князя, адресованная его брату великому князю Константину Константиновичу Романову от 13 мая 1898 г., в которой Николай Константинович просит брата посодействовать материально в переселенческом вопросе: «Почти ежедневно прибывают в Туркестан безземельные крестьяне, ходоки, переселенцы из

¹ Цыряпкина Ю.Н. Переселенческое сообщество в Сырдарьинской области Туркестана по донесениям царской администрации начала XX в. / Ю.Н. Цыряпкина // Известия Алтайского государственного университета. - 2015. - №4-1 (88). - С.286.

² Мамедов А. Русские ученые и развитие ирригации Средней Азии / А. Мамедов. – Ташкент : издательство «Узбекистан», 1965. - С.31.

³ Покорение Голодной Степи. – 2-е изд., переработ. и доп. – Ташкент : издательство «Узбекистан», 1980. - С.23.

⁴ Воцинин В. Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации / В. Воцинин. – Санкт-Петербург : Типография Т-ва «Наш век», 1914. - С.19.

⁵ В связи с тем, что в исследовательской литературе допускается много ошибок в датах образования переселенческих поселков, последовательность и даты образования поселков восстановлены по Списку переселенческих поселков Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской областей 1909 г. // ЦГА РУз. Ф. И-16. Оп.1. Д.174. Л.26.

голодающих губерний. Просят работы, смотрят новые земли. Приходится им помогать, что требует сверх сметных расходов... Не найдешь ли возможным просить милую маму помочь мне присылкой единовременной субсидии...»¹. В дальнейшем нет никаких упоминаний о том, оказала ли Александра Иосифовна помощь сыну. Однако, судя по документам в сентябре 1898 г. Николай Константинович выделил 600 руб. на продовольствие и лекарства кубанским переселенцам².

Скорее всего, Николай Константинович Романов не ожидал, что его призыв участвовать в ирригационных работах повлечет за собой приезд 400 переселенцев с семьями одновременно. К разрешению этой ситуации подключилась туркестанская администрация.

В июле 1898 г. Управляющий Закаспийской военной железной дороги выставил счет Николаю Константиновичу об уплате за перевозку груза переселенцев от станции Армавир до Самарканда – 1692 руб., за хранение этого груза – 400 руб., всего – 2092 руб. 63 коп.³. Эта сумма была снижена практически в 2 раза после вмешательства канцелярии Туркестанского генерал-губернатора и пересчета проезда кубанцев по переселенческому тарифу. Спустя год Николай Константинович через запрос от полковника Н.Ф. Дубровина ходатайствовал о возврате 600 рублей, потраченных на первоначальное обустройство переселенцев. В личном ответе Управляющий канцелярией генерал-губернатора М.И. Бродовский 3 июля 1900 г. завизировал ответ: «...письма Вашего от 23 июня за №96 о возврате Великому князю 600 руб., выданных им на переезд переселенцев с Кавказа в Запорожский поселок, Его Превосходительство изволил приказать Вам для доклада Его Высочеству, что упомянутые деньги израсходованы на переселенцев с утверждения Главного начальника края и возврату не подлежат»⁴. В итоге переселенцев удалось разместить в Запорожском поселке.

Кроме этого, в 1898 г. великий князь ходатайствовал об улучшении механизмов поддержки переселенцев во время их обустройства в Туркестане. В ЦГА РУз сохранен черновой вариант письма великого князя Николая Константиновича к генерал-губернатору Туркестана барону Александру Борисовичу Вревскому, предположительно подготовленному в начале 1898 г., в котором он просит об оказании помощи кубанским переселенцам. Сначала великий князь указывает на свои заслуги: «...но для устройства поселения на 400 семей нужны значительные единовременные затраты, которых я лично не в состоянии сделать, так как все мои наличные средства я расходую на оросительные работы, об успешности которых Полковник Дубровин может засвидетельствовать Вашему Высокопревосходительству»⁵. Далее Николай Константинович предлагал выдать каждой семье переселенца ссуду по 100 рублей с обязательным возвратом на постройку домов, покупку скота, орудий обработки земли и семян⁶. Барон Вревский в скором времени был отозван из Туркестана.

С одной стороны, из-за непродуманных действий Николая Константиновича в привлечении переселенцев туркестанская администрация оказалась в затруднительной ситуации, но одновременно благодаря его усилиям в Туркестане смогли освоить несколько тысяч десятин земли для переселенцев и коренного населения. Основанные здесь селения стали основой Ходжентского уезда Самаркандской области.

¹ ЦГА РУз. Ф.И-1. Оп.17. Д.69. Л.46.

² Там же. Л.99

³ Там же. Л. 62.

⁴ ЦГА РУз. Ф.И-1. Оп.17. Д.69. Л.100.

⁵ ЦГА РУз. Ф.И-1. Оп.11. Д.708. Л.79.

⁶ ЦГА РУз. Ф.И-1. Оп.11. Д.708. Л.79об.

О проводимых великим князем гидротехнических работах упоминается в отчетах разного уровня чиновников по организации переселения в регион. В статье русского ученого-статиста Е.Е. Яшнова «Колонизация Туркестана» отмечается, что заселение колонистами Ходженского уезда Самаркандской области имело свои особенности, связанные с ролью Николая Константиновича в этом процессе. В данном уезде туркестанской администрацией был основан только один поселок Сретенский. Остальные (8 поселков – Ю.Ц.) появились по инициативе великого князя, куда он селил рабочих, привлеченных на гидротехнические работы в Голодную степь¹.

Согласно материалам отчета статиста А.А. Кауфмана по результатам поездки по Туркестану, проводимой в 1903 г., поселки Ходжентского уезда в Голодной Степи различались по степени хозяйственного развития. Из 9-ти поселков (всего к 1909 г. в Ходжентском уезде было образовано 12 поселков – Ю.Ц.) А.А. Кауфман выделил Романовский (1887 г.), в котором проживали «переселенцы-малоросы» и Конногвардейский (1891 г.), населенный «сектантами-хлыстами»². Имперский статист отмечал эти поселки как примеры крепкого переселенческого хозяйства, в котором все земельные наделы обрабатывались самими жителями поселков. Самое плачевное впечатление на А.А. Кауфмана произвел поселок Николаевский (1881 г.), населенный православными переселенцами, однако в котором была распространена практика сдачи внаем земли «соседним киргизам».

Фото 0-97668. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Республики Узбекистан. 1901 г. Группа крестьян Николаевского поселка, работающих на строительстве магистрального канала. Репродукция с альбома «Работы по орошению Голодной степи»

¹ Статья Е.Е. Яшнова «Колонизация Туркестана» // ЦГА РУз. Ф. И-269. Оп.1. Д. 5526. Л.6.

² К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Отчет Члена Ученого Комитета М-ва З. и Г.И. А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. / А.А. Кауфман. – С.-Петербург, 1903. – С.5.

В поселке Волынском сдавалась в аренду вся орошенная земля, посевы хлеба давали скудные урожаи¹. Отсутствие у переселенцев стремления к развитию земледельческого хозяйства автор отчета связывал с проблемой «подбора самих переселенцев ... Главная масса населения поселков в Голодной Степи – бывшие рабочие при постройке канала Императора Николая I, а эти рабочие, естественно, комплектовались из самых нехозяйственных и склонных к бродяжничеству элементов пришлого русского населения Туркестана... поселенцы получали от Великого князя дома и пособия... сравнительно легкие и выгодные заработки на постройке каналов устраняли необходимость и отбивали охоту к тому кропотливому и сравнительно плохо вознаграждающемуся труду, которого требует земледельческое хозяйство при искусственном орошении»².

В 1899 г. канал императора Николая I был принят в ведении Главного управления землеустройства и землевладения с частичным возмещением князю стоимости работ, оцененных в 340 тыс. рублей³. В дальнейшем было принято решение о расширении канала.

Деятельность великого князя Николая Константиновича в развитии ирригации Туркестана показала, что можно было успешно развивать земледелие в крае, в кратчайшие сроки основывать русские переселенческие поселки и в какой-то степени облегчить туркестанской администрации разрешение земельного вопроса. За рамками статьи остается неосвященным вопрос о вкладе великого князя в развитие культурной жизни Туркестана. До наших дней в Ташкенте сохранилось здание Дворца Николая Константиновича (ныне Дом приемов МИД – Ю.Ц.), его коллекция антиквариата, скульптуры, русской и европейской живописи, которую он собирал в течении всей жизни, стала основой Музея искусств Узбекистана. На его деньги в Ташкенте были построены два кинотеатра: зимняя «Хива» (1910 г., а затем после пожара заново отстроен в 1916 г.) и летняя «Хива» (1912 г.). В последнем варианте завещания великого князя Николая Константиновича вся его личная коллекция художественных ценностей передавалась Туркестанскому народному университету, который открылся уже в 1918 г. после смерти великого князя⁴.

¹ Там же. - С.6.

² Там же. - С.7.

³ Котюкова, Т. Страницы истории: роль великого князя Николая Константиновича в орошении Голодной Степи – URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=7133> (дата обращения 20.12. 2019)

⁴ Котюкова Т.В., Махкамов А.В. «...Завещаю... все вышеозначенное имущество... в полную собственность Ташкентского университета» Документы архивов Республики Узбекистан о последних годах жизни великого князя Николая Константиновича Романова. 1917–1919 гг. // Отечественные архивы. 2009. №6. С.85.

О.О. Неверова

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

ПРАКТИКА РАННИХ И КРОВНОРОДСТВЕННЫХ БРАКОВ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ: ПРИЧИНЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Таджикистан в составе СССР был дотационной республикой, которая находилась на обеспечении союзного центра. После распада СССР социально-экономические противоречия усугубились демографической проблемой и последствиями развернувшейся здесь гражданской войны с 1992–1997 гг.¹ Последствия военных действий в 1990-е годы в Республике Таджикистан до сих пор влияют на различные сферы жизни таджикского общества, экономика в постконфликтный период восстанавливается очень медленно². Последствия гражданской войны до сих пор сказываются на сфере семейно-брачных отношений. Взгляды на брачно-семейное поведение формируются, в основном, под влиянием национальной культуры, опыта предшествующих поколений и устойчивости традиций.

В период трансформации таджикского общества структура семьи претерпела некоторые изменения. Традиционно в Таджикистане преобладала большая расширенная семья, состоящая из большого количества людей. В одном доме живут сразу несколько поколений, которые соблюдают в отношении друг друга строгую иерархию. Отношения между членами семьи строятся на полном подчинении хозяину дома и уважении к старикам. Советское государство, планомерно вовлекая женщин в общественную работу, стремилось создать условия для реализации таджикской женщины как на производстве, так и в семье. Были созданы определенные условия для совмещения этих ролей: функционировали детские сады, оплачивались отпуска и т. д.³ В 1991 г. женщины составляли около 40% рабочей силы⁴. В то же время политика поощрения материнства Советским государством привела к укреплению традиции многодетности, уходящим корнями в глубокую древность. Один из основных принципов патриархальной семьи – организация брака детей родителями. На протяжении долгого периода в таджикском обществе брачно-семейная сфера регулировалась нормами мусульманского права (шариатом) и патриархальной системой гендерных отношений⁵. Несмотря на значительное ослабление контроля старших над младшими, мужчин над женщинами, эндогамные нормы и власть родителей все еще сильны при выборе брачного партнера детей. Так, по данным

¹ Цыряпкина Ю.Н.; Неверова, О.О. Новые социальные роли таджикской женщины: эффект трудовой миграции в 2000-е - 2010-е годы. / Ю.Н.Цыряпкина, О.О. Неверова // Педагогическое образование на Алтае. – сен. 2019. – С. 141

² Цыряпкина Ю.Н. Центральная Азия в 1990 – 2010-е годы: основные тенденции внутренней и внешней политики / Ю.Н. Цыряпкина. - Барнаул, 2015. – С. 208.

³ Терещенко О. Вверх по лестнице, ведущей вниз. Парадоксы эмансипации по-советски / О. Терещенко // Иной взгляд.- Минск, 2000. - С.5.

⁴ Хушкадамова Х.О. Семейно-брачные отношения в современном таджикском обществе / Х.О. Хушкадамова // Социология власти. – № 3, 2010. – С. 80. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semejno-brachnye-otnosheniya-v-sovremennom-tadzhikistanskom-obschestve> (дата обращения: 09.10.2019)

⁵ Касымова С. Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков таджикских женщин с иностранцами) / С.Касымова // Журнал социальных исследований «Laboratorium». – №3, 2010. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/analit04.php#_FNR_45 (дата обращения: 20.10.2019)

этнографов, в начале XX столетия в горных районах «у таджиков предпочтительными являлись родственные браки... такие браки были излюбленными, они поощрялись и одобрялись общественным мнением»¹.

После 1990-х гг. эта модель традиционной семьи начала постепенно разрушаться. С одной стороны, причиной тому послужила миграция «село-город». Официальная статистика свидетельствует, что с 1990 по 1997 гг. по городским поселениям число прибывших на жительство, превысило число выбывших, в то время как в сельской местности наблюдалась обратная тенденция.²

С другой стороны, экономический кризис и трудности переходного периода приводят к тому, что традиционно большие семьи, включающие несколько поколений, распадаются. Создаются нуклеарные семьи из двух поколений. Кроме того, период хаоса, ослабление контроля со стороны соответствующих госструктур, происходит возрождение религиозно-культурных порядков. Следует различать два уровня социального статуса – государственный и семейный. Если на государственном уровне произошло изменение положения женщины, то на семейном все также силен традиционализм. Формируется определенная консервация взглядов на брачные отношения и семью.

Ранние браки для Таджикистана никогда не были редкостью. Наибольшее количество ранних браков в республике было зарегистрировано в годы гражданской войны (1992-1997). Чтобы уберечь дочерей от изнасилования, родители старались как можно скорее выдать их замуж. Несмотря на то, что в советский период брак в Таджикистане тоже скреплялся по религиозному обряду «никох», без документа, подтверждающего регистрацию брака в органах ЗАГС, совершать этот обряд было запрещено, браки заключались и с несовершеннолетними девушками. За девушек жених обязан заплатить «калым». В советские времена, согласно официальной точке зрения, «калым» признавался неприемлемым, несовместимым с социалистическим образом жизни и участвующие в этом акте должны были нести наказание, вплоть до судебного. Определение калыма как «пережитка прошлых общественных отношений» в современном Таджикистане, серьезно принимать нельзя. Калым прогрессирует, и его размеры растут. Калым как явление уже в начале создания новой семьи предопределяет целый ряд в высшей степени негативных явлений, работающих не только на стабилизацию традиционализма, но и на его укрепление.³ Калым, свадьба и т.п. вещи привязывают новую семью не только «долгом», но и социально. Новая семья до фактического отделения не является ни экономически, ни социально самостоятельной ячейкой общества. Общественное мнение приветствует и поощряет именно неразделенные семьи, где возможность контроля образа жизни молодой семьи и молодежи значительно выше. Разделение семьи признается только как крайняя мера.

По данным статистического сборника «Семья и дети в республике Таджикистан», состоящих в браке мужчин в возрасте 15-17 лет в Таджикистане было в 1989 году - 0,7 тысячи, женщин - 1,5 тысячи, а в 2000 году эти цифры соответственно составили 1,2 тысячи, и 8,7 тысячи человек.⁴

¹ Кисляков Н. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана / Н. Кисляков. – Л.: Наука, 1969. – С. 55.

² Хушкадамова Х.О. Семейно-брачные отношения в современном таджикском обществе / Х.О. Хушкадамова // Социология власти. – № 3, 2010. – С. 80. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semyno-brachnye-otnosheniya-v-sovremennom-tadzhikistanskom-obschestve> (дата обращения: 09.10.2019)

³ Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе / С.П. Поляков; Всесоюз. о-во «Знание» Центр. Дом науч. атеизма. – М.: Б. и., 1989. – С.38

⁴ Семья и дети в Республике Таджикистан. Статистический сборник. - Душанбе, 2002. - С.32

В 2018 году суды Таджикистана выдали разрешение на заключение брака с 2,5 тысячами несовершеннолетними девочками.¹ По законодательству страны, брачный возраст наступает с 18 лет. Но в исключительных случаях, например, при ранней беременности или тяжелой болезни родителей, по решению суда разрешается вступать в брак с 17 лет. Одной из причин возрождения такого явления, как раннее замужество с мужем, которого выбрали родители невесты, в современном таджикском обществе становится сложное социально-экономическое положение. Чтобы облегчить материальное положение семьи, обеспечить других детей, родители сами выбирают мужей дочерям. По данным обследования UNIFEM², в 2006 г. примерно 5% женщин, состоящих в браке, были выданы замуж без их согласия, а в 65% случаев супруга для своей дочери выбирали ее родители³.

Одной из причин раннего замужества девушек является различие в соотношении количества женщин и мужчин, проживающих в Таджикистане. Согласно сравнению переписей населения в Таджикистане во второй половине XX века – начале XXI века, в 2000 году был зафиксирован мужской перевес как в городском, так и в сельском населении Таджикистана: впервые за длительный период женщин в стране стало меньше, чем мужчин: мужское население – 3082 тыс. человек, женского населения – 3045 тыс. человек (таблица).⁴

Численность мужчин и женщин в Таджикистане

Год переписи	Тысяч человек		На 1000 мужчин приходится женщин	
	Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
1959	965	1016	1098	1032
1970	1426	1474	1040	1029
1979	1878	1923	1031	1020
1989	2538	2571	1035	1003
2000	3082	3045	995	985

Анализ официальных статистических данных показывает, что численность населения республики Таджикистан, начиная с 2000-х годов, возрастает. При этом численность женщин превышает численность мужчин, хотя по статистическим показателям рождаемости мальчиков рождается больше, чем девочек.

По данным 2015 года соотношение полов в Таджикистане было практически равным, доля мужчин была немного больше доли женщин. На одну тысячу женщин приходится примерно 1002 мужчин.⁵ Однако из-за массовой миграции наблюдается гендерный дисбаланс. По статистике в РТ мужчин на

¹ Таджикиские суды выдали разрешение на брак 2,5 тыс несовершеннолетним девочкам. // Радио Озоди. – 2019. – URL: <https://rus.ozodi.org/a/29852532.html> (дата обращения: 15.10.2019)

² UNIFEM – подразделение ООН, занимавшееся оказанием финансовой поддержки и технической помощи инновационным программам, продвигающим права женщин — права человека, их экономические и политические возможности и равенство полов. – URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2010/1/unifem-resources-on-women-peace-and-security>

³ Хушкадамова Х.О. Семейно-брачные отношения в современном таджикском обществе / Х.О. Хушкадамова // Социология власти. – № 3, 2010. – С. 80. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semejno-brachnye-otnosheniya-v-sovremennom-tadzhikistanskom-obschestve> (дата обращения: 09.10.2019)

⁴ Итоги переписи населения Таджикистана // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – 2001. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/037/evro04.php/> (дата обращения: 20.10.2019)

⁵ Население Таджикистана // База данных «Законодательство Таджикистана». – URL: <http://tj.spininform.ru/people.html> (дата обращения: 15.10.2019)

0.5% больше, чем женщин, однако из-за трудовой миграции мужчин в стране фактически находится меньше, чем по официальным данным. Катастрофическая нехватка молодых мужчин становится одной из главных причин ранних браков и многоженства. Ранний возраст невесты дает ей возможность быстрее найти жениха. В некоторых регионах страны наиболее «удачный» брачный возраст - 15-16 лет. Считается, что невестка в несовершеннолетнем возрасте, без образования, без какого-либо жизненного опыта рассматривается в семье жениха как покладистая работница.

Родители стремятся быстрее выдать дочь замуж из опасений, что потом не смогут найти ей жениха. Мужчины Таджикистана уезжают в трудовую миграцию в другие страны. За период с 2005 по 2013 годы по статистическим данным можно заметить значительный рост трудовой миграции. Поток трудовых мигрантов (по данным миграционных карточек, где не исключен двойной учет), выезжающих на заработки в течение 2013 года составил 799,7 тыс. человек и вырос по сравнению с 2005 годом почти в 2 раза. Среди трудовых мигрантов мужчины составляли 698,8 тысячи (87,4%), женщины 100,9 тысячи (12,6%). Основной поток внешней трудовой миграции из республики направлен в страны СНГ - 790,4 тысячи человек (98,8%), среди них выезжают в: Российскую Федерацию 782,2 тысячи человек или 97,8%.¹

Однако официальные данные не полностью отражают действительность, так как в Россию на заработки приезжают и нелегальные трудовые мигранты. Так, мигрантами не считают стажеров и студентов. Довольно часто люди трудоустраиваются в другой стране, имея только туристическую визу. Данные факты часто остаются неизвестными и не включаются в статистику.²

Мужчины, приезжая в другую страну на заработки, нередко заключает брак с гражданками этого государства. В интервью для немецкого издания директор НИИ миграции в Душанбе Рахмон Ульмасов сообщает, ссылаясь на данные российских исследований, что «ежегодно около 12 тысяч таджиков женятся в России»³. В книге Р. Ульмаова «Таджикистан в зеркале миграции»⁴ обосновывается мнение, что браки мигрантов в РФ имеют не только плюсы, но и минусы. Причем, негативные последствия заметны не в России, а именно на родине мигрантов - в Таджикистане. Уже сейчас в некоторых районах Таджикистана местным девушкам стало сложно найти женихов, поскольку многие мужчины в России имеют семьи. По его словам, это уже привело к повышению среднего возраста невест в Таджикистане с прежних 17-18 лет до 23-25. Со временем такая ситуация непременно отразится на демографической ситуации в стране. Еще один отрицательный эффект, по мнению эксперта, состоит в том, что браки мигрантов в РФ способствуют ослаблению традиционного института семьи в Таджикистане.

В современном таджикском обществе еще одной из проблем семейных отношений являются браки между родственниками. Родственные браки в Таджикистане — давняя традиция, которая сохранялась и в годы советской власти в отдельных труднодоступных районах. Особенно сильна она в сельских и

¹ Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан // Статистика трудовой миграции в республике Таджикистан. – URL: <https://docplayer.ru/34890637-Statistika-trudovoy-migracii-v-respublike-tadzhikistan-agentstvo-po-statistike-pri-prezidente-respubliki-tadzhikistan.html> (дата обращения: 08.08.2019)

² Цыряпкина Ю.Н.; Неверова, О.О. Новые социальные роли таджикской женщины: эффект трудовой миграции в 2000-е - 2010-е годы. / Ю.Н. Цыряпкина, О.О. Неверова // Педагогическое образование на Алтае. – сен. 2019. – С. 142

³ Граждане Таджикистана стали жениться чаще // Русская редакция Deutsche Welle. – 30.05.2016. – URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D> (дата обращения: 28.10.2019)

⁴ Ульмасов Р. Икромов, Дж. Таджикистан в зеркале миграции / Р. Ульмасов, Дж. Икромов. – Душанбе: «Эр-граф», 2016. – С. 60. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28394551&fbclid=IwAR3P770JVs_KdpDtwBxlpjH1pTRyLvoP6C5qCUv-9nkKbkLdm8e1Is_4ILs& (дата обращения: 28.10.2019)

горных районах севера страны, в частности в Джаббар-Расуловском, Бободжон-Гафуровском и Исфаринском районах.¹

Директор НИИ акушерства и гинекологии Республики Таджикистан Шамсиддин Курбанов в интервью для DW высказал мнение по поводу заключения браков между родственниками: муфтии Таджикистана, у которых он узнавал причины кровнородственных союзов, отвечают, что у них «чистый род», они не хотят кровосмешения с другими семьями.²

Как правило, родственные браки в Таджикистане – это союзы между кузенами. Были нередки и случаи «жолыбельного сговора» (гахворабахш). В переводе с таджикского «га-хвора» означает «жолыбель»³. Родители решают судьбу детей с самого раннего детства, вместе готовятся к предстоящему бракосочетанию, и, например, будущая свекровь с детства старается принимать участие в воспитании своей снохи-племянницы.

В каждой местности свои причины появления браков на основе единокрывия. В высокогорных районах, например в Зеравшанской долине, эндогамия – это следствие изолированности жителей. Это объясняется отсутствием коммуникаций в этих регионах, населению нелегко передвигаться из-за сложного горного рельефа и им легче женить детей между собой, чем найти пару в другом кишлаке. В других районах – это дань многовековой традиции. Часто родственные браки заключаются и ради поддержания благосостояния кланов. Интересно, что далеко не всегда причиной родственного брака является бедность. Наоборот, часто состоятельные таджики заботятся о материальном благополучии семьи и делают всё, чтобы доходы семьи не уходили в другой род. Кроме того, такие союзы считаются более стабильными — они получают поддержку от родителей, местной общины.⁴

Однако, с другой стороны, по медицинским показателям, браки, заключенные между родственниками, имеют риск рождения неполноценных детей с различными патологиями. Чем ближе родство между супругами, тем выше вероятность того, что они являются носителями одного и того же мутантного гена.

Во многих таджикских семьях происходят похожие ситуации, как например история Рузи (имя изменено): «Ее бабушка, не спросив мнения молодых людей и не предупредив о последствиях родственного брака, решила, что нужно женить девушку на двоюродном брате. Этот брак должен был укрепить родственные связи. Первый сын Рузи от двоюродного брата родился с инвалидностью: у него расщепление нёба («заячья губа»). Он перенес три операции, ходит с имплантами в ротовой полости, но врачи говорят, что хирургическое вмешательство понадобится еще не раз. Второй ребенок, дочь, родилась без отклонений. А второй сын Рузи родился весом 900 граммов и сразу же умер после рождения»⁵.

¹ Кровная смесь: власти Таджикистана против родственных браков // Известия. – 08.09.2018. – URL: <https://iz.ru/786602/igor-karmazin/krovnaia-smes-vlasti-tadzhikistana-protiv-rodstvennykh-brakov> (дата обращения: 25.09.2019)

² Родственные браки в Таджикистане: их становится больше // Русская редакция Deutsche Welle. – 02.04.2008. – URL: <https://www.dw.com/ru/%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%> (дата обращения: 28.10.2019)

³ Хушгадамова Х.О. Национальные обряды в современном Таджикистане / Х.О. Хушгадамова // Социологические исследования. – 2001. № 5. – С. 78-81. – URL: <http://naukarus.com/natsionalnye-obryady-v-sovremennom-tadzhikistane> (дата обращения: 26.10.2019)

⁴ Каждый третий брак в Таджикистане заключается между родственниками // Русская редакция Deutsche Welle. – 15.11.2010. – URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%BA%D0%B0%D0%B6%D> (дата обращения: 25.09.2019)

⁵ Кровная смесь: власти Таджикистана против родственных браков // Известия. – 08.09.2018. – URL: <https://iz.ru/786602/igor-karmazin/krovnaia-smes-vlasti-tadzhikistana-protiv-rodstvennykh-brakov> (дата обращения: 25.09.2019)

Другой пример, Шукрона Муслимова и ее сестры: «Эта 14-летняя девочка учится в специальной школе-интернате Гиссарского района Таджикистана. Она не может самостоятельно ходить, передвигается в инвалидной коляске. Ее родные сестры-близняшки Хадича и Хевел младше на семь лет, но рост у всех одинаковый. Три девочки появились на свет с врожденными болезнями суставов. Причина таких патологий кроется в родственных браках ее предков: дедушка и бабушка девочек были родными братом и сестрой, а мать с отцом — двоюродные. На свадьбе настояли родственники, молодые не смогли им возразить. В семье хотели укрепить родственные узы, но получилось наоборот — сегодня никто друг с другом не общается»¹.

В 2016 году в Таджикистане вступил в силу законодательный запрет близкородственных союзов. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон заявил, что 60% детей-инвалидов, рождающихся в стране — результат браков между близкими родственниками². В стране было запрещено вступать в брак не только родным, но и двоюродным, и троюродным братьям и сестрам, а также дядям и тетям со своими племянниками и племянницами. Загсы получили указание обращаться в местные махалинские (районные) советы, уточнять, кем приходится друг другу жених и невеста. Кроме того, в Таджикистане было введено обязательное медицинское освидетельствование молодоженов.

Один из авторов внесения изменений в семейный кодекс Таджикистана, начальник управления организации медицинского обслуживания матери и ребенка Минздава РТ, Шерали Рахматуллаев поясняет, что эти поправки не носят обязательного характера и соответственно нет наказания. Однако, такой брак не будет заключен в органах ЗАГСа, если пара прошла генетическую экспертизу и получила отрицательный ответ.

Несмотря на внесения поправок в семейный кодекс и законодательный запрет кровнородственных браков, проблема родственных браков в Таджикистане сохраняется. Президент страны Эмомали Рахмон 1 сентября 2018 года в ходе встречи с работниками здравоохранения заявил, что «среди детей до пяти лет каждый пятый рождается низкорослым, каждый четвертый страдает малокровием, каждый десятый появляется на свет с малым весом. Рахмон подчеркнул, что в стране проживает 26 тыс. несовершеннолетних инвалидов. Такая же цифра называлась и два года назад. Ежегодно регистрируется около 1,3–1,4 тыс. новых детей-инвалидов. С другой стороны, примерно такое же количество детей достигает 18 лет и переходит в иную категорию»³.

Численность детей-инвалидов, рожденных в родственных браках, несмотря на запрет 2016 года, не снижается. Причина кроется в том, что законодательная норма не коснулась уже заключенных браков. Никто не может принудить супругов развестись или отказаться от рождения детей. В некоторых случаях богатые и влиятельные семьи, которые хотят укрепить свои кровные связи посредством брака между родственниками, находят возможности договориться с местными и районными чиновниками.

Сравнивать статистику по рождаемости детей-инвалидов можно будет не ранее чем через 10 лет, когда в стране появится достаточное количество новых семей. Пока же проблема остается реальностью для Таджикистана.

¹ Кровная смесь: власти Таджикистана против родственных браков // Известия. — 08.09.2018. — URL: <https://iz.ru/786602/igor-karmazin/krovnaia-smes-vlasti-tadzhikistana-protiv-rodstvennykh-brakov> (дата обращения: 25.09.2019)

² Елмуратов: риск рождения детей с патологиями в близкородственных браках выше // Новостное агентство Sputnik. — 04.09.2018. — URL: <https://ru.sputniknews.kz/radio/20180903/7079336/deti-brak-rodstvenniki-patologiya.html> (дата обращения: 29.10.2019)

³ Кровная смесь: власти Таджикистана против родственных браков // Известия. — 08.09.2018. — URL: <https://iz.ru/786602/igor-karmazin/krovnaia-smes-vlasti-tadzhikistana-protiv-rodstvennykh-brakov> (дата обращения: 25.09.2019)

Ситуация, сложившаяся в стране, в том числе смешение традиций, развитие элементов рыночных отношений не могут не повлиять на семейно-брачные отношения. Обостряется поиск гендерной идентичности как внутри, так и вне семьи. Вопросы семейно-брачных отношений в Республике Таджикистан, в последнее время находятся в центре внимания Правительства, международных и местных неправительственных организаций, СМИ. Все это свидетельствует о серьезности проблемы и процессов, происходящих в институте брака.

Е.С. Бахарева

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА ТАШКЕНТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Данная статья посвящена вопросу формирования этноконфессионального состава Ташкента после присоединения его к Российской империи. Еще в древности «великий шелковый путь» (система дорог) связывал Азию с Европой, где важным торговым городом оставался Ташкент. Это древний город, который находился на перекрестке караванных путей, соответственно, в нем всегда проживало множество различных этноконфессиональных групп.

Ташкент на протяжении своей истории входил в разные государственно-территориальные образования. С конца XVI столетия он принадлежал Бухарскому ханству, а в XIX веке его завоевывает Кокандский хан. До момента завоевательных операций русских в Центральной Азии Ташкент являлся владением Кокандского хана. В 1865 г. российскими войсками под руководством М.Г. Черняева был взят Ташкент, подчинено Кокандское ханство и образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Ташкент стал административным, государственно-политическим центром нового генерал-губернаторства. В «энциклопедии Ташкента» А.И. Добросмыслов отмечает, что «сюда хлынул огромный поток различного люда».¹

В связи с этим постепенно меняется облик города, жизнь его обитателей, в том числе оседлого населения Ташкента - сартов. С.Н. Абашин отмечает, что это имя часто использовалось для обозначения образа жизни и культурных черт жителей во всех городах Туркестана.

В российской историографии до вхождения Ташкента в состав России, как отмечает Абашин С.Н., не было единого понимания того, кто такие сарты, так как регион изучался лишь путешественниками и дипломатами. После вхождения в состав России быстро обнаружилось, что «значительная часть населения Средней Азии, живущая в окрестностях Ташкента и в Фергане, говорит преимущественно на тюркском языке, но при этом не имеет ярко выраженной монголоидности и привержена исключительно осёдлому быту»² - это сарты.³

Господствующее население Ташкента и первая по численности группа – сарты. Они произошли от коренного населения Средней Азии таджиков и пришедших, впоследствии, с севера узбеков. В этнографическом смысле господствующее население подразделяется на собственно сартов, давно уже осевших тюрков (или узбеков), ведших раньше кочевой образ жизни, и таджиков, издревле оседлых аборигенов этой страны, говорящих на более или менее своеобразных наречиях персидского языка, в большей или меньшей мере подвергшихся влиянию языка пришлых завоевателей-тюрков (именуемых также и тюрко- монголами).

Первая попытка произвести перепись в Ташкенте была сделана в феврале 1868 года. По этой переписи администрация Ташкента насчитала 20243 мужчин и 21556 женщин, а через 9 лет в 1877 году было около 4000 человек русских, не считая воинских чинов и их семей, численность же сартовского населения исчислялась в 100000.⁴

¹ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем : исторический очерк. / А.И. Добросмыслов. – Ташкент, 1912. С. 78

² Там же. С. 104

³ Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии : в поисках идентичности / С.Н. Абашин. – Спб. : Алетейя, 2007. С.60

⁴ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем : исторический очерк. / А.И. Добросмыслов. – Ташкент, 1912. С. 79

В 1887 году в Ташкенте проживало: сартов 104618, татар 1386, киргиз 1112, таджиков 78, туземных евреев 618, русских евреев 460, «подданных азиатских ханств (кашгарцев, бухарцев, авганцев и индийцев)» - 837, русских 6419 и лиц военного звания 14776 человек, а всего 130304.¹ Согласно всем данным население Ташкента увеличилось приблизительно в три раза. Это говорит об огромном притоке населения в город и связано с переселенческой политикой Российской империи в Туркестанский край. Несмотря на то, что продвижение первых русских переселенцев, как отмечает российский исследователь С.Н. Брежнева, носило в основном стихийный характер, они сталкивались со многими трудноразрешимыми проблемами: их выход из мест выселения, следование на новые места, водворение на новом месте, жаркий непривычный климат, землеустроительные и землеотводческие работы и т.д.² С 1879 года было начато строительство нового Ташкента. Город был разделен на 2 части – старый, где проживало коренное мусульманское население – «азиатский Ташкент» и новый город - «русский Ташкент», в котором заселялись туркестанские чиновники, торговцы, врачи, военные, все те, кто прибыл в Ташкент после его присоединения к Российской империи³.

В статье Ю.Н. Цыряпкиной приводятся данные по ведомостям о населении г. Ташкент, в 1896 г. в «туземной части» проживало 127707 человек обоего пола, в то время как в «русской части» – 19912, из них в русской части Ташкента 5903 жителей являлись «туземцами»⁴. По данным переписи населения по Сырдарьинской области 28 января 1897 года Ташкент был самым населённым городом, в нем проживало 155 673 человек, включая женщин и мужчин, из которых 1024 человека составляли русские подданные.⁵

Согласно сведениям о населении Ташкента по национальностям за 1914 год в «туземной» части Ташкента проживало 166011 человек обоего пола. Из них 988 человек – русские, что составляло 0.6%. Почти такой же процент таджиков и киргизов проживало в «туземной» части Ташкента (см. таблицу 1). Данные сведения говорят о том, что это разделение населения по русской и азиатской части Ташкента было условным, так как сарты проживали в русской части города и, наоборот, русские – в азиатском Ташкенте.

Сведения о населении по национальностям в «туземной» части г. Ташкента. 1914 год.⁶

Национальность	Мужчины	Женщины
Русские	444	544
Немцы	-	-
Поляки	-	-
Евреи (европейские)	21	12
Евреи (туземные)	186	157
Сарты	88266	73334

¹ Там же.

² Брежнева С.Н. Русские переселенцы в Туркестане : проблемы взаимоотношения с местным населением // Научные ведомости // Серия История. Политология, 2016. № 1. С.114

³ Цыряпкина Ю.Н. Деятельность русских военных врачей в ходе организации медицинского дела в Ташкентском уезде Туркестана во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. №1. С.70

⁴ Цыряпкина Ю.Н. Деятельность русских военных врачей в ходе организации медицинского дела в Ташкентском уезде Туркестана во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. №1. С.70

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. LXXXVI. Сырь-Дарьинская область / ред. Н.А. Тройницкий. – СПб : Центральный статистический комитет министерства внутренних дел, 1905. С.5

⁶ Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Р.-34. Оп.1. Д.146. Л.45

Татары	405	194
Киргизы	668	434
Афганцы	3	-
Цыгане (туземные)	96	138
Дунганы	50	7
Таджики	871	124
Персы	22	8
Армяне	18	9
Итого:	91050	74961
	166011 человек	

А.И. Добросмыслов в книге-энциклопедии Ташкента отмечает, что большинство родившихся в Ташкенте – помесь разных народностей. Много крещённых кантоистов – евреев осело в городе. После женитьбы им доставались русские фамилии (Петровы, Ивановы, Николаевы и т.д.). Это было связано с тем, что православие наряду с исламом поддерживалось туркестанской администрацией региона, зачастую отождествление с православием становилось возможностью для устройства в Туркестане, соответственно, это подталкивало небольшую часть населения к крещению. Согласно «Положению об управлении Туркестанским краем» 1886 г.в Туркестанское генерал-губернаторство поощрялось переселение крестьян православного исповедания¹.

На территории Ташкента также проживали евреи-ашкеназы или европейские евреи, их насчитывалось, как пишет А.И. Добросмыслов, «немного более 100 человек (27 семейств)».² После присоединения города к Российской империи генерал М.Г. Черняев предложил им землю для поселения, но, побоявшись сартов, они отказались. С развитием торговли и промышленности в Ташкент начали съезжаться евреи из Бухары, Афганистана и Персии, их А.И. Добросмыслов называет «туземными», в современном значении – среднеазиатские евреи. Они осели в Ташкенте по причине ведения на территории города крупных торговых дел.³

Помимо прибывавших русских, было много немцев. Они приезжали после установления Российской власти в качестве офицеров, солдат. Они занимали высокие должности в командном составе, торговле, управлении городом, медицине и образовании. Как пишет Д.М. Иноятова, «73 члена лютеранской общины были генералами, штабными офицерами, полковниками и высокопоставленными чиновниками».⁴ Например, первый генерал-губернатор Туркестана Константин Петрович фон Кауфман, очень близкий соратник Александра II, был как раз из рода балтийских немцев, но крестился и воспринял русскую культуру. Затем позднее переселялись и немцы-крестьяне, но они размещались в основном за городскими пределами. В статье Ю.Н. Цыряпкиной приводится пример создания селения Константиновского Ташкентского уезда, которое было образцовым по хозяйским показателям. Оно образовалось в 1892 году для приезжих немцев на пожертвования ташкентского немецкого сообщества.⁵

¹ Цыряпкина Ю.Н. Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в.: основные социокультурные характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2016. №411. С.183.

² Добросмыслов, А.И. Ташкент в прошлом и настоящем : исторический очерк: / А.И. Добросмыслов. – Ташкент, 1912. С. 79

³ Там же. С. 80-82

⁴ Иноятова Д.М. Из истории Ташкентской лютеранской общины (XIX–XX вв.) : Материалы Республиканской науч.-практ. конф. «Ёшлар тарбиясидатолерантлик – даврталаби» (Толерантное воспитание молодежи – веление времени), Ташкент, 26-27 сентября 2008 г. – Ташкент, 2008. С.3

⁵ Цыряпкина Ю.Н. Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в. : основные социокультурные характеристики // Вестник Томского государственного университета, 2016. №411. С.185

Следующая группа, проживающая в Ташкенте, это киргизы (казахи) – тюрко-монголы, которые вели кочевой образ жизни и занимались преимущественно скотоводством. Объектами торговли, по преимуществу меновой, были скот, невыделанные кожи и изделия из шерсти. Главнейшим отхожим промыслом киргизской бедноты издревле был извоз, транспортирование кладей на верблюдах. В этих случаях киргизы попадали в положение наемников, предлагавших свои услуги купцам – сартам и татарам.

К коренному населению региона относятся таджики. Одной из их характерных черт является преимущественное расселение в горах. Наибольшая часть их селений находилась в горах и предгорьях (Самаркандской область), а в Ташкенте проживало лишь несколько небольших селений. Они значительно отличались от других тюркоязычных групп региона. Как отмечает С.Н. Абашин, «имя «таджик» могло означать в зависимости от контекста «горец», «шиит», «человек, говорящий на фарси», «дикарь»»¹. Как, например, с сартами, категория населения «таджики» не образовывала какую-то единую общность с единым языком и культурой, единством и родством.

Второй по численности группой населения были татары. Их община сложилась еще в начале XIX в. в окрестностях Ташкента. Большое количество татар пришло в Ташкент также в качестве солдат и офицеров. Свободные от службы татары работали, главным образом, переводчиками и маркитантами (мелкие торговцы съестными припасами, напитками и предметами военного обихода, сопровождавшие войска в лагере, в походах, на манёврах и во время войны. В 80-е годы XIX века в Ташкенте прочно обосновались уже более 100 известных татар. Татарская община играла важную роль в коммерции. В городах они относились к той части населения, которая наиболее расположена к принятию европейского образа жизни, но одновременно занимали ведущие позиции в политической и религиозной мусульманской жизни.

Кроме тюрков и таджиков «в состав этнографического конгломерата» сартов, вошли также часть арабов-завоевателей. Это потомки арабов, которые попали на территорию Туркестана в ходе арабского завоевания. Разновременно принимавшие ислам евреи и цыгане и осартившиеся татары и персы, постепенно и очень прочно ассимилировавшиеся с главнейшей, оседлой частью местного населения.²

Составляя 1/3 всего местного населения, сарты держали в своих руках наибольшую часть местных предприятий промышленности и торговли Ташкента. Имели основные места в городском управлении. Они составляли самую культурную, наиболее сильную часть местного населения.

И всё-таки Ташкент считался главным русским городом в Азии, так как за половину столетия колонизации численность русского населения выросла более чем втрое. Как сообщает Р.Г. Мукминова в книге «Ташкент на перекрестке истории» перед первой мировой войной в Ташкенте проживало около 250000 человек, из них около 70000 человек составляли русские. Такой рост численность русского населения был благодаря открытию двух железных дорог, которые связывали Россию с Ташкентом.³

Население Ташкента различалось во многом: язык, культура. Но, тем не менее, постепенно административно-хозяйственные отношения налаживались. Русская военная администрация находила среди местного населения управленцев из различных этноконфессиональных групп.

После 1867 г. в Ташкент была привнесена «европейская» культура во всем: образование, язык, градостроительная традиция, хозяйственная деятельность, что сделало Ташкент уникальным в этноконфессиональном плане городом, в котором уживалось 2 массивные культуры: европейская православная, а также мусульманская азиатская.

¹ Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии : в поисках идентичности / С.Н. Абашин. – СПб. :Алетейя, 2007. С.61

² Наливкин В.П. Полвека в Туркестане : биография, документы, труды. / В.П. Наливкин. – Москва :Марджани, 2015. С. 380-381

³ Мукминова Р.Г. Ташкент на перекрестке истории : очерки древней и средневековой истории города / Р.Г. Мукминова, М.И. Филанович. – Ташкент : Фан, 2001. С.97

ВОСТОК – ЗАПАД – РОССИЯ: КОНФЛИКТЫ И СОТРУДНИЧЕСТВО В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

В.Е. Сосульников. САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА КНДР: ПРОБЛЕМЫ, ЭФФЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

З.А. Набиева. О КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ А.Р. ЛУРИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДА (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ)

Д.О. Михнёв. ОСОБЕННОСТИ КОННИЦЫ ПАРФЯН. ВООРУЖЕНИЕ, ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ

Н.В. Кладова. РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1920-х гг. О СОСТОЯНИИ ЭКОНОМИКИ И ПОЛОЖЕНИИ СИБИРСКИХ РАБОЧИХ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

С.К. Ильин. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИВАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ХЕЗБОЛЛА» В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

И.А. Ерёмин. ГОРНОДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.Н. Головченко. ОДНА ИЗ СТРАТАГЕМ ПОЛИЭНА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ОДЕЖДЫ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

С.Н. Фаткулина. РОССИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ИРАН В ДОСОВЕТСКИЙ, СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

С.М. Рубцов. ЧУДОТВОРЦЫ ВОСТОКА И РИМСКАЯ АРМИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МАРКА АВРЕЛИЯ (161–180 гг. н. э.)

А.А. Калашников. НАЕМНЫЙ ТРУД НА КОММЕРЧЕСКИХ ЛЕСОЗАГОТОВКАХ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1916–1917 гг.)

*В.Е. Сосульников**Кемеровский государственный университет (г. Кемерово)*

САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ НА КНДР: ПРОБЛЕМЫ, ЭФФЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Северокорейский ядерный вопрос является одной из наиболее затяжных и острых проблем в современной международной политике. Обретение в 2006 г. ядерного вооружения тоталитарной КНДР не только создало серьёзную угрозу безопасности и военно-политической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и пошатнуло мировой режим ядерного нераспространения. С тех пор представителями международного сообщества было предпринято немало разноплановых попыток добиться денуклеаризации Корейского полуострова – от переговоров и экономического стимулирования до санкционного давления, которое в конечном итоге стало основным механизмом воздействия на северокорейское руководство. За период с 2006 по 2018 гг. круг санкций Совбеза ООН в отношении КНДР был расширен до такой степени, что страна фактически превратилась в международного изгоя. Если первоначально ограничения касались импорта и экспорта товаров и технологий военного предназначения, а также ввоза в КНДР предметов роскоши, то на сегодняшний день Северной Корее запрещено вывозить около 90% своих экспортных товаров, в числе которых каменный уголь, металлы и минералы, морепродукты, сельскохозяйственные товары, текстиль, промышленное оборудование и др. Кроме того, запрещён ввоз в КНДР природного газа, а импорт нефтепродуктов строго лимитирован. Наконец, странам-членам ООН запрещается принимать рабочих из КНДР, а также открывать на своей территории северокорейские банковские офисы и счета¹. Однако, несмотря на все вышеперечисленные ограничения, Северная Корея стала обладательницей не только существенного ядерного потенциала, но и межконтинентальных баллистических ракет. В этой связи возникает вопрос об эффективности санкционного воздействия на КНДР и его стратегической оправданности.

Основная цель санкций с 2006 г. звучит во всех резолюциях, касающихся северокорейского ядерного вопроса, и состоит в полной, мирной, поддающейся проверке и необратимой денуклеаризации Корейского полуострова с возвращением КНДР в ДНЯО и МАГАТЭ. Однако реалистичность подобного сценария вызывает большие сомнения в экспертном сообществе, многие представители которого резонно отмечают, что ядерное оружие имеет витальное значение для правящих кругов КНДР, являясь главным гарантом их безопасности, главную угрозу которой власти страны видят в Соединенных Штатах, временами склонных к попыткам военным путем демократизировать авторитарные государства, как это было в случае с поддержкой силами НАТО в 2011 г. свержения режима М. Каддафи в Ливии – режима, который за несколько лет до этого согласился свернуть собственную ядерную программу в обмен на экономические льготы и гарантии безопасности со стороны США. Подобное непостоянство США, вновь продемонстрированное в 2018 г., когда Д. Трамп объявил о выходе страны из соглашения по сворачиванию ядерной программы Ирана и усилении санкционного нажима на Тегеран, лишь упрочило веру Пхеньяна в спасительную силу ядерного статуса².

¹ Albert, E. What to Know About Sanctions on North Korea / E. Albert // Council on Foreign Relations : [сайт]. – 2019. – 16 июля. – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/what-know-about-sanctions-north-korea> (дата обращения: 10.09.2019).

² Ланьков А. Ядерная программа Северной Кореи. Как ограничить угрозу / А. Ланьков // Московский центр Карнеги : [сайт]. – 2018. – 23 ноября. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/77662> (дата обращения: 10.09.2019).

Впрочем, в 2006 г., когда вводился первый пакет санкций ООН против КНДР, перспективы ядерного разоружения страны были куда реальнее, к тому же санкционный подход сочетался с дипломатическим. Именно поэтому первые санкции носили скорее вспомогательный характер и были призваны не столько подтолкнуть северокорейскую элиту к разоружению, сколько технически обесточить ядерную программу Пхеньяна¹. В дальнейшем, после провала переговорного процесса, когда санкции стали основным средством воздействия на Северную Корею, антиэлитарный вектор давления проявился более четко, что, в частности, выразилось в замораживании иностранных активов северокорейских правительственных организаций, а также отдельных представителей пхеньянской верхушки. Отчасти это объясняет, почему некоторые аналитики склонны полагать, что США, главный идеолог санкционного подхода в СБ ООН, в действительности рассчитывают добиться падения северокорейского режима путем его экономической и внутрисполитической дестабилизации. И хотя официальные представители Белого дома заявляют, что США «не стремятся к смене режима» в СК², подобный сценарий, в особенности с последующим воссоединением Кореи под эгидой проамериканского Юга, чрезвычайно выгоден Вашингтону как с точки зрения национальной безопасности, так и в геополитическом плане.

Стоит признать, что падение режима Кимов действительно могло бы стать альтернативой маловероятной цели добиться денуклеаризации Кореи от нынешнего правительства, однако данный сценарий противоречит интересам соседних России и Китая, которые при таком раскладе рискуют лишиться буферной зоны, отделяющей их от лояльной Штатам Республики Корея, открытой для военных баз своего заокеанского партнера. И если в руках РФ не так много рычагов воздействия на ситуацию, то позиция главного партнера КНДР Китая, доля которого в северокорейском внешнеторговом обороте составляет около 90%, играет решающую роль в санкционном давлении на СК.

Таким образом, возникает патовая ситуация, когда в текущих условиях цель денуклеаризации Кореи становится фактически недостижимой, поскольку никакое дипломатическое давление на Пхеньян не способно убедить элиты отказаться от ядерного статуса, а нажим на экономику КНДР смягчается дружественным Китаем. В таком случае выходом из ситуации могло бы стать сворачивание ядерной программы и ее заморозка, но, как видно, и на этом фронте тактика санкционного давления потерпела поражение.

Ключевая причина низкой результативности санкций состоит в колоссальной сложности процесса их реализации, который требует глобального контроля за режимом их соблюдения. Впрочем, главная трудность возникает не на этапе обнаружения нарушений, а на этапе их пресечения, которого, как правило, не наступает. Поскольку ООН не имеет собственного аппарата принуждения, ответственность за соблюдение санкционного режима ложится на отдельные государства, которые обладают не только разными по эффективности законодательными и правоприменительными системами, но и разной степенью заинтересованности. Если для США северокорейский вопрос имеет принципиальное значение, то страны Африки и Латинской Америки в большинстве своем индифферентны к данной проблеме, ибо ни геополитически, ни географически она их практически не затрагивает. Именно эти страны составляют значительную часть списка государств-нарушителей санкций, составленного американским Институтом науки и международной безопасности и насчитывающего 56 стран³.

¹ Резолюция 1718 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5551-м заседании 14 октября 2006 года // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. – 2006. – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1718\(2006\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1718(2006)) (дата обращения: 10.09.2019).

² North Korea: US not seeking regime change, says Rex Tillerson // BBC News : [сайт]. – 2017. – 2 августа. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-40797613> (дата обращения: 10.09.2019).

³ 56 countries involved in violating UNSC Resolutions on North Korea during the last reporting period / D. Albright, S. Burkhard, B. Gostelow [и др.] // Institute for Science and International Security : [сайт]. – 2019. – URL: http://isis-online.org/uploads/isis-reports/documents/DPRK_Report_June_6%2C_2019_Final.pdf (дата обращения: 10.09.2019).

Вместе с тем существует и ряд государств, которые заинтересованы в развитии северокорейского ВПК, поскольку КНДР служит для них нелегальным торговым партнером в военно-технической сфере. В частности, Северная Корея является поставщиком ракетных вооружений в Сирию, Иран, Йемен, Мьянму и др. Основная проблема, сопряженная с подобными поставками, совершаемыми преимущественно по морю, состоит в том, что предотвратить их практически невозможно, так как задержание судна, плывущего в нейтральных водах под флагом КНДР, с большой долей вероятности будет расценено Пхеньяном как враждебный акт, нарушающий суверенитет страны, и потому может иметь непредсказуемые последствия¹.

Нелегальная торговая кооперация КНДР с другими «странами-изгоями» обеспечивает Пхеньян валютой, которая идет на аналогичные незаконные экономические операции, где Северная Корея выступает уже покупателем. Механизмы обхода санкций при осуществлении таких сделок довольно разнообразны: от перевалок товара с судна на судно в открытом море до выстраивания многоуровневых экономических цепочек с подставными фирмами. Ситуация осложняется тем, что чем дольше страна живет под санкциями, тем больше у нее формируется подобных адаптационных механизмов и тем сложнее они становятся. Данный тезис подтверждают все возрастающие изощренность и масштабность северокорейских финансовых кибератак и махинаций с криптовалютами, отмеченные в докладе специальной группы экспертов ООН. По их оценке, общий объем средств, приобретенных СК такими способами, составляет около \$2 млрд².

Стоит заметить, что адаптация – отнюдь не единственный побочный эффект санкций. Еще одним непреднамеренным негативным эффектом санкций является то, что они осложняют предоставление гражданам Северной Кореи гуманитарной помощи, в которой, по оценкам ООН, нуждаются около 11 млн жителей страны. Как отмечается в упомянутом докладе экспертов ООН, барьерами для оказания помощи, порожденными санкционным режимом, стали усложнение бюрократических процедур, сопряженных с организацией поставок гуманитарных грузов, а также закрытие банковского канала.

Наконец, критики санкционного подхода справедливо отмечают, что масштабное применение рестриктивных мер против государства и его международная изоляция оказывают крайне негативное идеологическое воздействие на власти и население, лишь повышая мотивацию государства обеспечить себя средствами защиты от возможных угроз извне.

Тем не менее нельзя однозначно утверждать, что экономические санкции в отношении КНДР полностью провалились. В частности, New York Times приводит сведения, согласно которым секторальные санкции значительно ухудшили материальное положение военных и партийных служащих, в то время как рядовые граждане приспособились обеспечивать себя используя рыночные элементы, внедренные в экономику КНДР при Ким Чен Ыне³. И хотя достоверность этой информации может подвергаться сомнению, вполне очевидно, что санкционный нажим последних лет в определенной степени все же осложнил жизнь представителям северокорейской политической элиты, о чем свидетельствует возросшая переговорная активность Ким Чен Ына, выражающего явную заинтересованность в отмене секторальных санкций.

¹ Станавов А. Ракеты для бедных кого и зачем вооружает самая закрытая страна в мире / А. Станавов // РИА Новости : [сайт]. – 2017. – 18 октября. – URL: <https://ria.ru/20171018/1507026258.html> (дата обращения: 10.09.2019).

² Доклад Группы экспертов, учрежденной резолюцией 1874 (2009) // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. – 2019. – URL: <https://undocs.org/ru/S/2019/691> (дата обращения: 10.09.2019).

³ Choe Sang-Hun. North Korea's State-Run Economy Falts Under Sanctions, Testing Elite Loyalty / Choe Sang-Hun // The New York Times : [сайт]. – 2019. – 18 апреля. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/04/18/world/asia/north-korea-economy-sanctions.html> (дата обращения: 10.09.2019).

Возрождение дипломатической активности вокруг северокорейской ядерной проблемы актуализирует вопрос о перспективах санкционного воздействия на Пхеньян, по поводу чего в экспертном сообществе высказываются различные точки зрения. Так, среди американских аналитиков распространено мнение, что недавние проявления Ким Чен Ыном переговорной инициативы в отношении США – явный показатель действенности санкционного нажима последних лет, в связи с чем высказывается мысль о необходимости интенсификации экономического давления на КНДР. Но такой подход кажется сомнительным: во-первых, сторонники данной позиции явно переоценивают эффект санкций на политическую и экономическую ситуацию в Северной Корее, которая, по многочисленным сведениям, остается стабильной, а во-вторых, сценарий ужесточения санкционного режима в текущих мировых реалиях видится неосуществимым.

Более трезвый подход состоит в том, чтобы перейти от рестриктивных методов воздействия на КНДР к дипломатическому диалогу и экономическому сотрудничеству, отказавшись от идеи полной денуклеаризации СК в пользу более реалистичной задачи заморозки ядерной программы Пхеньяна. При этом некоторые исследователи считают, что в рамках данной концепции санкции могут сосуществовать с методами вовлечения, играя роль дополнительного стимула, в то время как другие аналитики выступают за отмену санкций ввиду их полной неэффективности¹.

Отмена санкций, хотя она и крайне маловероятна при нынешней категоричной позиции Соединенных Штатов, действительно видится необходимой для умиротворения КНДР и привлечения ее к диалогу, однако она не должна быть безвозмездной: важно удачно «продать» санкции Северу, выторговав у него как можно более ценный для дальнейшей разрядки ответный шаг. За этим должны последовать меры по развитию не только политических и экономических контактов КНДР с США и странами региона, но и, что не менее важно, контактов культурных, в чем центральная роль непременно должна быть отведена Южной Корее. Как представляется, подобный сценарий способствовал бы умиротворению северокорейской элиты, укреплению межкорейских контактов и, вполне возможно, либерализации кимского режима – ведь, как показал опыт социалистических стран, чем менее изолировано тоталитарное государство от передовых стран мира, тем выше в нем вероятность режимной трансформации в сторону демократизации. В свою очередь, либерализация Северной Кореи могла бы вернуть к жизни перспективу полной денуклеаризации полуострова. Но, как уже отмечалось, на пути реализации подобного сценария стоит серьезное препятствие в лице американского истеблишмента, не желающего идти на уступки и упорно выжидающего момента, когда власти КНДР добровольно сложат оружие.

¹ Им Хёк Пэк. Несостоятельность санкций против Северной Кореи / Им Хёк Пэк // ИноСМИ : [сайт]. – 2017. – 25 сентября. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20170925/240353895.html> (дата обращения: 10.09.2019).

З.А. Набиева

Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека (Узбекистан, г. Ташкент)

О КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ПСИХИКИ А.Р. ЛУРИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДА (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ)

Несмотря на выдающиеся достижения представителей Центральной Азии в эпоху Восточного Ренессанса, после закрытия Великого Шёлкового пути наука в Центральной Азии до завоевания Россией находилась на низком уровне. Основное население было неграмотным или малограмотным. Это осознавали и среднеазиатские просветители конца XIX – начала XX вв. – джадиды.

Джадиды начали открывать так называемые новометодные школы, в которых сложившаяся веками традиционная система обучения подверглась модернизации, упор был сделан на светские учебники, были введены элементы европейской организации учебного процесса. Джадиды видели в новых школах метод получения знаний и формирования активного гражданского сознания, актуальность которых обострилась на фоне бурных политических процессов в начале XX века и прокатившихся по России трех революций.

«Если нация хочет жить, она должна изменить все: от школьного образования до руководящих органов общества, – писал один из выдающихся представителей туркестанского джадидизма М. Бехбуди. – Трагедия в том, что нация этого не знает и не осознаёт. Она довольна своей ситуацией. Итак, сначала нужна пресса. Информация, новости мира пусть будет знакомить с разными народами и странами мира, их жизнью... И, наконец, быстрыми темпами нужно воспитать, обучить новое поколение... Новое поколение невозможно создать старыми школьными методами»¹.

Об этом также писал другой выдающийся просветитель А. Авлони: «Аллах в Коране написал, каждый верующий мусульманин и мусульманка обязательно должны получить знания, мы не двигаемся, мы не движемся, не поднимаем головы от невежества и сна, когда сыновья и дочери других народов бегут днём и ночью»². Эта тема волновала всех просветителей. в частности Мунавваркары, который до последних дней жизни трудился во благо народа³.

Октябрьская революция поставила вопрос о строительстве нового общества будущего, члены которого будут обладать высокой моралью, гражданской сознательностью, развитым мышлением, свободным от невежества и религиозных предрассудков. По всей стране стали организовываться курсы ликбеза, строиться школы, избы-читальни, клубы и библиотеки.

¹ Цит. по: Касымов Б. Национальное пробуждение: мужество, просвещение, самоотверженность. Ташкент: «Маънавият» 2002. С. 225.

² Авлони А. Избранные труды. Том 2. Ташкент: «Маънавият». 1998. С. 49-50.

³ . Так, Мунавваркары писал: «Сегодня народы Европы летают на небе, а у нас проблемы с волосами и бородой, европейцы плавают по морю, а у нас идёт разговор о длинных и коротких платьях, в европейских городах везде электричество, отопление и освещение, а у нас идут споры обучать или не обучать предметам географии и медицины в школах» // Газета «Туркестан», 4 марта 1923 г.

Известно, что значительная часть населения России того времени было неграмотным и его когнитивные навыки формировались в условиях традиционного общества, особенно на окраинах. В психологической науке – в трудах С. Выготского, С. Рубинштейна, А. Лурии и др. – встал вопрос об особенностях традиционного мышления, его культурно-исторической обусловленности.

Как писал К. Маркс, общественное бытие определяет общественное сознание. Однако данный философский тезис требовал проверки в конкретных условиях. Действительно ли познавательные (когнитивные) способности людей – конкретных групп и индивидов – зависят от внешних условий, типа хозяйствования, той среды, в которой данные люди живут?

Чтобы проверить этот тезис, А.Р. Лурия, тогда еще молодой ученый, решил организовать экспедицию в отдаленные районы Средней Азии (Узбекистана и Киргизии), кишлаки, жители которых жили изолированно, никуда не выезжали и практически мало взаимодействовали с внешним миром. Выбор подобных кишлаков позволял провести эксперимент в «чистом виде», не замутненный внешними влияниями.

А. Лурия задался целью узнать, как протекают когнитивные (познавательные) процессы у жителей кишлаков (без образования, не имевших контакты с внешним миром) по сравнению с теми, кто окончил курсы ликбеза или начальную школу, бывал в районных центрах и городах. Предметом исследования послужили следующие виды когнитивной деятельности: восприятие, классификация, абстракция и обобщение, умозаключение и вывод, рассуждение и решение задач, воображение, самоанализ и самосознание. Для их изучения были выделены следующие группы: 1) женщины ичкари, живущие в отдаленных кишлаках, неграмотные; 2) неграмотные дехкане отдаленных кишлаков, ведущие индивидуальное хозяйство; 3) женщины – слушательницы краткосрочных курсов; 4) представители колхозного актива и молодежи, прошедшие краткосрочные курсы; 5) студентки, 2-3 года проучившиеся в школе, и принятые в техникум в городе.¹

Рассмотрим задачи на умозаключение, предложенные испытуемым.

Есть известный силлогизм.

Все люди смертны.

Сократ – человек.

Следовательно, Сократ смертен.

Как испытуемые решали такого рода задачи?

Например, им задавали вопрос: Драгоценные металлы не ржавеют. Золото – драгоценный металл. Ржавеет ли золото? Испытуемые затруднялись ответить на этот вопрос, по несколько раз переспрашивали, говорили, что золото – дорогое и т. д.²

Или: Зайцы водятся в больших лесах. В городах нет больших лесов. Водятся ли там зайцы? Испытуемые начинали рассуждать по поводу кишлаков и водятся ли там зайцы и т. д.³

¹ Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. С. 27.

² Там же. С. 109.

³ Там же.

Или: Хлопок может расти только там, где жарко и сухо. В Англии холодно и сыро. Может ли расти там хлопок? Испытуемые рассуждали по поводу, что там они не бывали и не знают там земля хорошая или плохая и т.д.¹

Результаты исследования показали, что респонденты не воспринимают силлогизм как систему. Для них все части силлогизма являются отделёнными. Как правило, они отказывались делать вывод, если содержание большой посылки не основано на их личном опыте. Они ссылались на то, что они «там» не были (в Англии), поэтому лучше спросить того, кто был «там»; на то, что они не хотят обманывать («Они не могут говорить о том, что не видели»). И всегда игнорировали большую посылку и заменяли её собственными рассуждениями. «Эти испытуемые, - пишет А. Лурия, - прекрасно рассуждают о непосредственно занимавших их практических фактах, делают все следующие из них выводы, не обнаруживая в этом никаких отклонений от «правил» и проявляя большой житейский ум. Картина меняется, как только им приходится перейти к системе теоретического мышления – в данном случае сделать вывод из предложенного силлогизма».²

Результаты исследования А.Р. Лурия были восприняты критически, поскольку позволяли усомниться в логичности мышления среднеазиатских дехкан. Его обвинили в псевдонаучности, реакционности и антимарксизме, в результате чего ученый вынужден был покинуть Институт психологии. Однако эти результаты оказали существенное влияние на кросс-культурные исследования на Западе, особенно после публикации книги А. Лурия в 1974 году. Так, на протяжении многих лет учеником А. Лурия был Майкл Коул, впоследствии видный американский психолог. В 1960-х годах он проводит исследование среди племени кпелли в Либерии, используя методику экспедиции А. Лурия и приходит к аналогичным результатам.³ Он же написал ряд работ о жизни и учении А. Р. Лурия.⁴

¹ Там же. С. 111.

² Там же. С. 119.

³ См.: Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк. М.: Прогресс, 1977.

⁴ Cole, M., & Cole, S. (Eds.) The making of mind: A personal Account of Soviet Psychology. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1979; Cole M. A. R. Luria and the Cultural-Historical Approach in Psychology. In T. Akhutina, J. Glozman, L. Moskovich, D. Robbins (Eds), A. R. Luria and Contemporary Psychology. Festschrift Celebrating the Centennial of the Birth of Luria. Nova Science Publishers, Inc. 2005.

Д.О. Михнёв

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

ОСОБЕННОСТИ КОННИЦЫ ПАРФЯН. ВООРУЖЕНИЕ, ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ

Актуальность. В данной статье рассматриваются особенности парфянской конницы, её методы ведения боевых действий, преимущества и недостатки использования последней на полях сражений. По существу, конница парфян оказалась единственной в мире силой, которая могла выстоять в борьбе против Рима, демонстрируя при этом высочайшие моральные и боевые качества.

Цель статьи – выявить причины успеха парфянской конницы в противостоянии с врагами (Селевкиды, Рим, Кочевники и тд.).

Парфянское царство, как государственное образование, сформировалось, главным образом, в результате борьбы с державой Селевкидов.¹

Именно в период их противостояния (II - I век до н. э.) у парфян развились общие принципы тактики и стратегии ведения боевых действий с использованием конницы. Парфяне, будучи кочевниками, впервые стали использовать номадический тип формирования армии в централизованном государстве. Это объясняется следующими факторами: во-первых, армии кочевников традиционно состояли из конных отрядов по объективным причинам, и парфяне не стали искать новых путей формирования войска, во-вторых, как показало время, выработанная парфянами тактика, при использовании исключительно конных отрядов давала положительный результат при противостоянии с фалангой Селевкидов, а позже — с легионами Рима².

Стоит отметить, что на начальном этапе в армии парфян присутствовала и пехота, но она была лишь вспомогательным видом войска и комплектовалась в основном из покорённых народов, в частности, из греческих поселенцев. Она никогда не играла ведущей роли, и, впоследствии, и вовсе перестала использоваться парфянами.

Парфянская армия была иррегулярной, созываемой только в период войн. Как и у всех номадических народов созываемое ополчение было конным, состоящим из двух видов конницы, основная часть — лёгкой (конные лучники), меньшая — тяжёлой (катафракты - от др.-греч. *κατάφρακτος* — покрытый бронёй).

Конные лучники были одеты в кожаный или войлочный кафтан, аккуратно заканчивающийся простой или украшенной вышивкой каймой. Кафтан запахивался без застежки и держался за счет пояса на талии. Богато украшенные штаны заправлялись на лодыжках в обувь, которая в некоторых случаях также была украшена. Широкие, свободные верхние шаровары прикреплялись двумя подтяжками на спине, они были очень мешковатыми и висели, образуя плотные складки вокруг ног. Их могли носить поверх узорчатых штанов. В более позднее время, начиная приблизительно с I в. н.э., парфяне, по-видимому, предпочитали демонстрировать тщательно выбритую тонзуру и обычно носили на голове

¹ Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в передней Азии / А.Г. Бокщанин. — М.: МГУ, 1960. — С. 250.

² Nikolaus L. THE PARTHIANS' UNIQUE MODE OF WARFARE: A TRADITION OF PARTHIAN MILITARISM AND THE BATTLE OF CARRHAЕ / L. Nikolaus // *Anabasis Studia Classica et Orientalia*, 2017.8. — P. 95-123.

только широкую повязку, до этого чаще использовали скифскую шапку. Доспехи воина могли быть дополнены конскими доспехами, закрывающими голову и грудь, их делали из толстого войлока, для укрепления вышивали. Лук подвешивали к поясному ремню с левой стороны вместе с колчаном стрел.

Главным оружием легковооруженных всадников был мощный, с двойным изгибом, составной лук, выполненный из слоев рога, дерева и сухожилий. Деревянная сердцевина образовывала рамку и была относительно «нейтральной». Полосы из буйволиного рога клеили вдоль выпуклой стороны для сопротивления сжатию. Сухожилия, высушенные, разделенные на волокна, пропитанные клеем, накладывали на заднюю часть для сопротивления давлению.

Таким образом, при натяжении лука возникала огромная энергия, освобождавшаяся, когда стрелу спускали. Дуги парфянских и сасанидских луков были удлинены и укреплены рогом, что позволяло увеличить растягивающее усилие и контролировать спуск. Стрелы имели длину приблизительно 75 см. и были уложены в тщательно выделанный колчан. Чтобы было легче выпускать стрелу, пользовались оправленным рогом кольцом на большом пальце, что позволяло тетиве, когда ее отпускали, легко скользить по гладкой поверхности, не натирая кожу. Эти кольца делали из разных прочных материалов, многие более поздние экземпляры сами по себе представляют миниатюрные произведения искусства. Топоры, короткие мечи, кинжалы и иногда длинные мечи были дополнительным оружием, которое носили на поясе.¹

Стандартная экипировка тяжелой конницы включала бронзовые или железные шлемы, временами с подшлемником и пластинчатым, чешуйчатым или кольчужным забралом. Шлемы иногда украшались маленьким султаном из конского волоса, окрашенным или натурального цвета. Для защиты торса использовали кольчужные, пластинчатые или чешуйчатые корсеты. На руках также носили латы, иногда надевали и рукавицы. Ноги были часто защищены латами поверх кольчужных «носок», кольчуга часто использовалась, чтобы создать защитную перемычку на суставах конечностей. Могли носить также маленький матерчатый плащ или накидку, очень вероятно, что они были выполнены из богатых тканей, таких как шелковая парча. Для защиты лошадей использовались бронзовые чешуйчатые доспехи, которые иногда покрывали спину лошади, начиная с шеи, а иногда полностью закрывали лошадь, в том числе и голову.

Однако следует подчеркнуть, что тяжеловооруженные всадники одевали в доспехи лошадей не всегда. Главным оружием парфянского катафракта было 3,5-4,5 метровое копьё, известное как контос. Оно имело наконечник в виде листа и острие на толстом конце. Контос использовался для нанесения колотого удара сверху вниз или вперед, как в штыковом бою, и его всегда держали двумя руками. Кроме того, воины использовали длинный меч, топор, булаву и кинжал.²

Обычная тактика парфянской легкой конницы выглядела так: всадники располагались в свободном боевом порядке с интервалами между лошадьми около 2 м. При атаке они держали одну стрелу наложенной на лук, а другие — наготове. Легким галопом они приближались к цели, с расстояния около 100 м пускали лошадь в быстрый галоп и выпускали 2—4 стрелы. На расстоянии около 50 м они поворачивали, обычно направо, и неслись вдоль строя противника, выпуская одну за другой стрелы. В ином случае всадники осаживали коня и поворачивались в седле, имея возможность отстреливаться и во время отступления, что позже получило название «парфянский выстрел».³

¹ Пенроз Дж. Рим и его враги. Карфагеняне. Греки и варвары. / Дж. Пенроз // пер. с англ. О. Шмелевой. — М.: Эксмо, 2008. — С. 169-173.

² Хазанов М.А. Очерки военного дела Сарматов / М.А. Хазанов. — М.: Наука, 1971. — С. 73.

³ Вэрри Дж. Войны античности от Греко-персидских войн до падения Рима / Дж. Вэрри. - М.: Эксмо, 2004. — С. 157.

Таким образом, главной силой конных лучников была манёвренность. Исторически сложилось, что парфянам на Западе пришлось сражаться сначала с Селевкидами, затем с Римом, у которых большая часть армии состояла из тяжелой пехоты. Неудивительно, что медленные в сравнении с парфянами греки и римляне оказались не готовы к столкновению с подобной армией. И хотя римляне смогли найти способы для того чтобы одерживать победы над парфянами, тактика последних с использованием конных лучников, при грамотном руководстве, всегда составляла серьезную угрозу для римских легионов на протяжении всего хода их противостояния (с 53 года до н.э. до 226 года н.э.).

Катафракты же вступали в дело в момент, когда лёгкая конница, долгое время обстреливая врага, расстраивала его боевые порядки. В таком случае, тяжёлая часть конницы парфян врзалась в ослабленный вражеский строй на полном ходу, тем самым, прорывала его. После этого конным лучникам оставалось лишь добить соперника. Иногда, атака катафрактов проходила одновременно с обстрелом, поскольку конные лучники не наносили вреда своей тяжёлой коннице, а враг не мог одновременно обороняться от атак обеих частей парфянской армии. В некоторых случаях катафракты и вовсе могли не принимать участия в бою, там где лёгкая конница справлялась без их помощи.

На мой взгляд, ошибочно полагать, что основной силой парфянской конницы была её тяжелая часть (что часто встречается в научных кругах), поскольку для её использования требовалось ряд условий, которые не всегда можно было бы реализовать. Помимо этого общая численность данного рода войск в парфянской армии была крайне незначительной, так как в катафрактариях служила верхушка парфянского общества – аристократы. Обратившись к кампании 38 г. до н.э. Публия Вентидия Басса в Сирии, человеку, вошедшему в историю как единственному отпраздновавшему триумф за победу над парфянами, можем прийти к выводу, что катафракты, при неблагоприятных для себя обстоятельствах вовсе не могли начать атаку и под грузом собственных доспехов становились легкой мишенью (при отсутствии стремя, которые ещё не изобрели, упавший из седла всадник не мог самостоятельно подняться)¹.

Несомненно, для такой однородной армии требовались подходящие географические условия. По этой причине парфяне предпочитали принимать бой на равнинах, где их конница могла проявить себя во всей своей красе. Ярким примером применения конницы на равнине служит битва при Каррах (53 г. до н.э.)². Однако, в гористой местности все преимущества парфянской армии терялись и парфяне, по возможности, старались выманить соперника с пересеченной местности. Также парфяне, не имея регулярного войска, не могли вести длительных кампаний, по этой причине старались не затягивать боевые действия, о чём мы можем узнать по свидетельству Плутарха³.

Таким образом, необходимо подчеркнуть тот факт, что армия Парфянского царства, имея свои недостатки в виде иррегулярности, зависимости от верности местных феодалов по отношению к царю, в сражениях с Селевкидами, а затем с Римом, показала свою эффективность. По факту Парфия стала единственным соперником Римской республики, а позднее империи, который смог на равных противостоять регулярному войску римских легионов.

¹ Дион Кассий. Римская история. [Электронный ресурс] Книга XLIX, глава 20. / Кассий Дион – URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Cassius_Dio/49*.html#19 (дата обращения: 23.01.2019).

² Nikolaus L. THE PARTHIANS' UNIQUE MODE OF WARFARE: A TRADITION OF PARTHIAN MILITARISM AND THE BATTLE OF CARRHAЕ / L. Nikolaus // *Anabasis Studia Classica et Orientalia*, 2017.8. – P. 95-123.

³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. [Электронный ресурс] / Пер. С.П. Маркиша. – М.: Наука, 1994. Т. II. Гл. 37-52. – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1439004200#37> (дата обращения: 23.01.2019).

Н.В. Кладова

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1920-х гг. О СОСТОЯНИИ ЭКОНОМИКИ И ПОЛОЖЕНИИ СИБИРСКИХ РАБОЧИХ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

История Гражданской войны в России – огромное пространство научной проблематики, которая вряд ли когда-нибудь будет исчерпана. Среди прочих аспектов, историография Гражданской войны – особая тема, связанная с процессом интеллектуального осмысления познающей деятельности самого историка.¹

Современная концепция истории гражданской войны в России начинает формироваться в 1920-е годы, в процессе становления советской исторической науки, который был сопряжён с острым гражданским противостоянием, превращавшим историческую науку в идеологическое оружие. Именно тогда в проблемном поле отечественной историографии произошло столкновение большевистской и меньшевистской версий событий Гражданской войны.

Особую остроту принимала дискуссия о роли пролетариата в борьбе за восстановление советской власти в тех регионах, над которыми «красные» потеряли контроль и где были сформированы «белые» режимы. Эта тема в условиях ожесточённой идейной борьбы воспринималась первыми историками-марксистами как социально-политический заказ. Покажем это на примере анализа исследований 1920-х гг. об экономическом положении сибирских рабочих в годы Гражданской войны и определим значение этих исследований в процессе формирования современной концепции истории Гражданской войны на востоке страны.

Наибольшая сложность, с которой сталкивались первые исследователи проблемы, заключалась в том, что процесс создания и систематизации архивных фондов был в стадии становления. В 1918 г. создано Главное архивное управление, с 1925 г. начал функционировать архив Октябрьской революции. Шло формирование партийных архивов при краевых и областных комитетах партии.² Началось упорядочение архивного дела в Сибири, было создано Сибирское архивное управление. В результате, несмотря на все сложности, уже в 1920-е г. появляются первые публикации об экономическом положении сибирских рабочих в условиях падения советской власти.

Историко-публицистические исследования 1920-х гг. содержат богатый фактический материал о хищнической эксплуатации природных богатств Сибири «белыми» режимами и интервентами, воссоздают картину экономической разрухи и запустения. Например, представление о состоянии горной промышленности Сибири в годы гражданской войны даёт сборник статей и воспоминаний «Горняки Сибири...».³ Так, Р. Денисов пишет о том, что «чешское командование, захватив Черемховские копи, начало хищническую работу по выемке угля. Была опасность: с уходом чехов копи

¹ См., например: Голдин, В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии / В.И. Голдин. – Архангельск: Боргес, 2000. – 280 с.

² Очерки истории исторической науки в СССР. – Москва: АН СССР, 1967. – Т. IV. – С. 259.

³ Горняки Сибири. Революция и гражданская война. Профсоюзное строительство. 1917-1927 гг. / Сб. статей и воспоминаний. – Новосибирск: ЦК и Сибкрайком Союза горнорабочих СССР, тип. Сибкрайсоюза, 1927. – 326 с.

останутся в таком разрушенном виде, что правильная эксплуатация их долго не сможет быть восстановлена».¹ Ф. Чучин, характеризуя деятельность горнозаводских предприятий в период колчаковщины, приводит следующие данные: «в 1918г. Черемховский бассейн дал 52 млн. пудов угля, а в 1919 г. - 36 млн.; Анжеро-Судженский в 1918г. - 44 млн., а в 1919г. - 36 млн. пудов; Кузнецкий дал в 1918г. 13 млн. пудов угля, а в 1919г. - 12 млн. пудов. Производительность труда, по сравнению с 1917 г., упала по Черемховскому бассейну на 46%, по Кузнецкому - на 17%».²

В очерке «Барнаульские пимокаты», написанном П. Семьяновым и П. Тузовским, характеризуется состояние пимокатного дела при Колчаке и доказывается, что предприятия были подвергнуты расхищению, и «только установленный союзом пимокатов контроль и учет на всех заводах, владельцы которых отступили вместе с Колчаком на Восток, предотвратил полный развал пимокатной промышленности».³

К. Буревой в очерке «Колчаковщина» пишет о том, что «фактически власть в Сибири принадлежит кучке офицерщины и наиболее дельных и видных спекулянтов, отождествляющих промышленность со спекуляцией, государство - со своим карманом». Он приводит яркий пример финансовых махинаций правительства Колчака: «министр финансов И. Михайлов издал указ о том, что обязательства, выпущенные в Уфе Советом управляющих ведомств, государственным казначейством приниматься не будут - курс обязательств быстро упал, омское правительство их скупало. И тут последовал новый указ о том, что «уфимка» имеет хождение наряду с другими денежными знаками. Подобного рода махинациям не было числа, и все они способствовали углублению экономического кризиса».⁴

Эспе (Парфенов П.С.) в очерке «Год в царстве Колчака» рисует яркую картину экономической разрухи в Сибири: «Нет мануфактуры, совершенно нет керосину, нет освещения... Цены по местам поражают своей необыкновенной разницей. Фунт сахару, например, во Владивостоке стоит 3 руб.50 коп, а в Тобольске - 80 руб. Положение в экономической области таково, что даже сам Колчак разочаровался».⁵ Он приходит к выводу о том, что природные богатства Сибири расхищались иностранными предпринимателями, а сибирские кадетские газеты твердили: «Экономическое завоевание страны ничто в сравнении с пребыванием у власти лишнего дня большевиков. Наш долг, наша обязанность - ускорить развязку. Для этой цели не страшны жертвы. Эспе приводит весьма красноречивые факты подобных «жертв»: например «купец Второв просит разрешения привезти с Востока вне очереди груз чая, и министр торговли Второв разрешает».⁶

Я. Кальнин в статье «Труд при белых» обосновал вывод о том, что главная причина кризисного состояния экономики при «белых» заключалась в сокращении ими производства. «Буржуазия ограничивалась лишь использованием наличного оборудования и наличных запасов сырья, доставшихся ей от советской власти. Когда же наличные запасы сырья иссякли, буржуазия начала с легким сердцем сокращать производство или же совершенно закрывала предприятия».⁷

¹ Там же. С. 130.

² Там же. С.186.

³ Барнаульские пимокаты. Очерк революционного, кооперативного и профсоюзного движения. /Под ред. П.Семьянова и П.Тузовского. - Барнаул: Красный Алтай, 1927. - С.56.

⁴ Буревой К. Колчаковщина. М.: Гос. Изд-во, 1919. - С.26.

⁵ Эспе [Парфёнов, П.С.] Год в царстве Колчака / Эспе [П.С. Парфёнов] - Казань: Большевик, 1919 . С.47

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Кальнин, Я. Труд при белых/ Я. Кальнин /Сибирские огни.-1929.-№ 3. с.128.

Предприниматели объясняли причину закрытия предприятий и сокращения производства отсутствием оборотных средств, сырья, дороговизной рабочих рук. «Между тем, - писал Я. Кальнин, - факты говорят другое. В Сибири тогда еще имелись запасы сырья, а заработная плата рабочих была ниже прожиточного минимума. Что касается оборотных средств, то и таковые буржуазия имела, хотя бы и в виде тех многочисленных правительственных ссуд, которые обильно сыпались в карманы предпринимателей. По 10 января 1919 г. колчаковское правительство выдало ссуд: частным предприятиям 108 млн. руб., владельцам ж/д - 114 млн. руб., частным банкам - 110 млн. руб.»¹ Это только по сведениям, опубликованным в печати. А сколько было ссуд, выданных негласно?! Почему же производство при этом все же сокращалось? Я. Кальнин дает однозначный ответ: «Ссуды шли не на расширение производства, а на развитие самой головокружительной торговой спекуляции, которая в ту пору давала куда больше прибыли, чем её можно было извлечь, вкладывая средства в производство». Именно поэтому предприятия закрывались одно за другим. Из 230 мыловаренных заводов работали только 111, вместо 60 тыс. пудов ежемесячной выработки 8 стекольных заводов вырабатывали только 29 тыс. пудов, вместо 204 тыс. ящиков спичек, вырабатываемых на 5-ти спичечных заводах до войны, в 1919 г. вырабатывалось только около 70 тыс. ящиков.²

Обратим внимание на то, что эти характеристики состояния экономики при «белых» позже будет кочевать из работы в работу, не углубляясь и не расширяясь существенно, вплоть до настоящего времени. В современных исследованиях эта проблема детально анализируется уже в ином методологическом ключе, но не без учёта наработок историков 1920-х гг.³

В историко-публицистической литературе 1920-х гг. описание кризисного состояния экономики, как правило, предшествует характеристике положения рабочего класса Сибири в период господства белых режимов. В связи с этим последующий анализ условий труда и быта рабочих выглядит более убедительно.

Цель статьи В. Сибирякова «Что принес Колчак сибирским рабочим и крестьянам» - показать, что Колчак - враг рабочих, в какие бы «демократические одежды» он не рядился. В одном из разделов статьи, озаглавленном «Что сделал Колчак с сибирскими рабочими», В. Сибиряков пишет: «Если бы не нужны были рабочие для хозяйственной жизни, то Колчак и его подручные генералы просто бы уничтожили всех рабочих: так они их ненавидят».⁴ Образно, с едкой иронией рисует В. Сибиряков крах розовых иллюзий эсеров о том, что, как только рабочие предъявят свои требования Колчаку, как только припугнут его забастовкой, так он разом на все согласится. Вот как «испугался» Колчак: издал новый избирательный закон, согласно которому рабочие не попадали в городскую Думу, усилил гонения на профсоюзы, резко взвинтил цены. В. Сибиряков не приводит сведений о заработной плате рабочих, зато использованные им показатели роста цен весьма красноречивы: «Средний прожиточный минимум 280-300 руб. в месяц, а сажень дров, например, стоит 170 руб.»⁵

¹ Там же. С.140

² Там же. С.142

³ См., например: Рынков, В.М. Власть, деньги и люди: сибирский обыватель в тисках финансового кризиса (1918–1920 гг.) / В.М. Рынков // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4. Сборник научных статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. - Новосибирск: Параллель, 2013. С. 140–172. Он же: Колчаковская национализация: Черемховские копи во второй половине 1918-1919 г. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории.: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001.- С. 87-108.

⁴ Сибиряков, В. Что принес Колчак сибирским рабочим и крестьянам /В. Сибиряков.-Петроград.: Коммунист, 1919. - С.20.

⁵ Там же. С.22

В статье В. Язвинского «Заработная плата и тарифная работа» есть указания на то, что, несмотря на рост заработной платы в абсолютных цифрах, рост цен опережал её во много раз. Это обстоятельство позволило ему сделать вывод: «Если принять во внимание, что цены на хлеб, а в особенности на другие продукты и предметы первой необходимости были значительно выше установленных твердых цен, то заработок рабочего не представлял ничего реального. Следствием тяжелого материального положения и сокращения производства явилось распыление рабочего класса, уход многих рабочих в деревню».¹ Об отсутствии всякой охраны труда при Колчаке пишет Г. Сонин.²

Названные статьи, а также множество других коротких зарисовок с натуры не давали целостного представления о положении рабочего класса Сибири в годы гражданской войны. Первым специальным исследованием на эту тему явилась работа С.А. Козловой «Труд и охрана труда в Сибири при Колчаке».³

В первой части своей работы С.А. Козлова анализирует деятельность министерства труда при Колчаке. Особенность анализа заключается в обильном цитировании документов. Комментарии при этом либо вообще отсутствуют, либо весьма кратки и отличаются излишней прямолинейностью, представляя политического противника патологически глупым.

Между тем, министерство труда действовало довольно грамотно, что признаёт и сама исследовательница: «профсоюзы официально не были закрыты, 8-ми часовой рабочий день официально не был отменен, провозглашалось желание бороться с анархией в промышленности. В министерстве труда даже попытались теоретически обосновать свое стремление оживить экономику заявлением о том, что экономический прогресс связан с развитием крупной промышленности. Введение усовершенствованных способов производства, высокая заработная плата, большие материальные гарантии для рабочих при заключении коллективных договоров, их обеспечение врачебной помощью, удовлетворение культурных потребностей рабочего - все это связано с развитием крупной промышленности».⁴ Казалось бы: какая дальновидность! Но С.А. Козлова показывает, как все это воплощалось на практике.

Колчак оставил в силе постановление Временного Сибирского правительства от 1 августа 1918г., согласно которому увольнению подлежали все «активные сторонники большевизма, хотя бы они и не проявляли в настоящее время противоправной деятельности». Постановлением от 4 марта 1919г. все служащие и рабочие водного транспорта объявлялись военнообязанными и подчиненными военным властям и законам; профсоюзы формально признаны, но на деле повсеместно разгонялись; больничные кассы не запрещены, но подвергались всяческому гонениям. Ссылаясь на материалы рабочей профсоюзной прессы, С. Козлова приводит конкретные факты реализации этих постановлений министерством труда. Что касается размера заработной платы рабочих, то С. Козлова приводит только косвенные сведения о заработной плате железнодорожников: вместо 204 час. в месяц они работали 244 часа, но за 40 часов заработную плату не получали. Жилищные условия рабочих - водников С. Козлова характеризует на основании акта осмотра зимовок Тюменского затона, из которого следует, что «двери не обиты, холод, в щели дует ветер, стекла в окнах разбиты; семейные и холостые живут вместе; тиф»⁵

¹ Горняки Сибири... С. 220

² Там же. С. 327

³ Козлова, С.А. Труд и охрана труда в Сибири при Колчаке/С.А. Козлова //Из прошлого Сибири. – Омск: Омское общество краеведения, 1927. - С. 70-95.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Там же. С. 78

Всю политику министерства труда в рабочем вопросе С. Козлова квалифицирует как экономическое угнетение и приходит к обоснованному выводу: «Буржуазные правительства могут иметь министерства труда, министерства труда могут иметь в числе своих служащих представителей мелкобуржуазных партий, у социалистов могут быть хорошие программы, но осуществить их в системе капиталистических отношений нельзя». ¹

Таким образом, работа С.А. Козловой дает относительно целостное представление о положении рабочего класса в условиях функционирования «белых» режимов.

В работе В. Шемелёва «Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов» из всех сюжетов этого периода слабее освещено как раз материальное положение, быт рабочих. В. Шемелёв ограничился лишь общими замечаниями по поводу продолжительности рабочего дня и непрерывного роста дороговизны. ²

Я. Кальнин в очерке «Труд при белых» ³ продолжает разработку названной темы. Его статья свободна от ряда недостатков, характерных для работы С. Козловой: обильный фактический материал подвергнут им аналитическому осмыслению. В частности, Я. Кальнин не ограничивается только характеристикой количественной стороны заработной платы, но обстоятельно разбирает её формы и прослеживает влияние этих форм на общий уровень заработной платы рабочих. Отмечая, что повсеместно была введена система сдельной и нормированной оплаты, Я. Кальнин не просто констатирует этот факт, но задается вопросом: сдельщика - зло или благо для рабочих? И делает вывод о том, что всё зависит от конкретных условий работы. Я. Кальнин разъясняет: «Система сдельной и нормированной оплаты труда допустима лишь тогда, когда рабочие имеют возможность через свои профсоюзы участвовать в установлении расценки и норм выработки, когда сдельщики контролируются и когда предупреждаются отклонения от нормы. Но какая могла быть при Колчаке выгода рабочим от сдельщины, когда между рабочим и предпринимателем устанавливались такие отношения, какие существовали в самые мрачные периоды царского самодержавия». ⁴

Характеризуя эти отношения, Я. Кальнин не ограничивается ссылками на соответствующие антирабочие постановления и указы министерства труда. Он понимает, что, несмотря на всю реакционность проводимой политики, министерство труда есть все-таки орган регулирующий. Но проблема в том, что «когда возникал какой-нибудь экономический конфликт, предприниматели не обращались за его разрешением в министерство труда, и обычно искали поддержки у военных властей. И под давлением военной силы рабочие сами вынуждены были отказываться от своих требований и соглашаться с теми условиями, которые диктовали предприниматели». ⁵

Показывая так называемую антирабочую сущность колчаковского режима, Я. Кальнин приводит сведения о заработной плате различных категорий рабочих. Он обратил внимание на одну любопытную закономерность: быстрее и резче падает заработная плата квалифицированных рабочих и в качестве доказательства приводит факты падения жизненного уровня горнорабочих. Согласно ценам на продукты, существовавшим в августе на Судженских копях, на содержание средней семьи, состоящей из мужа, жены и двух малолетних детей требовалось 950 руб., а заработная плата рабочего

¹ Там же. С.82.

² Шемелёв, В. Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. 1917-1919 гг. / В. Шемелёв. - Новосибирск: Типография Сибкрайсоюза, 1928. - С.136-137..

³ Кальнин, Я. Труд при белых / Кальнин Я. / Сибирские огни. - 1929. - № 3. С.134-142.

⁴ Там же. С.125.

⁵ Там же. С. 136.

колебалась от 300 до 360 руб. Материальное положение железнодорожников было не лучше. Ссылаясь на материал докладной записки правления союза мастеровых и рабочих Томской железной дороги, Я. Кальнин подсчитал, что прожиточный минимум семейного рабочего на участке с. Зима в апреле 1919 г. составлял 921 руб. 37 коп., а заработная плата мастерового составляла всего 534 руб. 31 коп., рабочего - и того меньше - 311 руб. 48 коп. Другими словами: семейному мастеровому заработок обеспечивал существование лишь на 17 дней, а рабочему - всего на 10. Еще хуже оплачивался труд рабочего службы пути. Месячная заработная плата фактически давала возможность рабочему существовать 8 - 10 дней. На предприятиях обрабатывающей промышленности положение рабочих было не лучше: средний заработок, например, на кожевенном заводе г. Красноярска составлял 300 руб. в месяц, а прожиточный минимум достигал 806 руб.¹ Рабочие выплачивали массу всевозможных штрафов, даже эта нищенская заработная плата месяцами задерживалась.

Перед нами предстает реальная и всеобъемлющая картина тяжелого материального положения рабочих. И, как следствие - рост числа заболеваний. Я. Кальнин, изучив материалы отчета омской больничной кассы, обнаружил, что в 1918г. за медицинской помощью обратилось: в мае - 2.129 чел., в июне - 9.483, в августе - 10.442, в сентябре - 10.768. Это был неизбежный результат хищнической эксплуатации рабочей силы.²

Не ограничиваясь простым перечислением фактов, свидетельствующих о тяжелом материальном положении рабочих, давая все в сравнении, сопоставлении, Я. Кальнин вносит, например, некоторые уточнения в характеристику политики белогвардейских правительств по отношению к 8-ми часовому рабочему дню: он не был отменен ни одним из правительств, но и ни одним из них не был закреплен в законодательном порядке. Именно это и развязало руки частным предпринимателям. Я. Кальнин отмечает, что «в более крупном масштабе поход на 8-ми часовой рабочий день начался осенью 1919г., когда власть белых успела несколько упрочиться». Ситуация складывалась таким образом, что экономический и политический кризис колчаковского правительства заставил его, в поисках выхода, прибегнуть к жесткому нажиму на рабочих. Тогда-то и была введена на железных дорогах система сдельной оплаты труда, сопровождающаяся резким снижением заработной платы и приведшая к увеличению продолжительности рабочего дня. Если где юридически и сохранялся рабочий день продолжительностью восемь часов, то на практике он сводился на нет широким применением сверхурочных работ.

Я. Кальнин поднимает проблему роста безработицы. Он считает, что труд местных рабочих вытеснялся трудом военнопленных и привозной рабочей силой. Ссылаясь на сообщение инспектора труда Новониколаевской губернии от 19 февраля 1919г., он утверждает, что применение труда военнопленных достигло широкого распространения. Доказывая, что для предпринимателя было гораздо выгоднее использовать труд военнопленных, Я. Кальнин обращается к правилам об отпуске военнопленных на работы. Согласно этим правилам, изданным 15 мая 1919 г., оплата труда военнопленных определялась в размере двух третей рыночной оплаты труда рабочих соответствующих специальностей. По приведенным автором данным (источник не указан) в течение 1918г. было зарегистрировано 2005 безработных.³ И тем не менее, причины роста безработицы Я. Кальнин видит не в использовании предпринимателями труда военнопленных и привозной рабочей силы. Он делает вывод: «главная причина, обусловившая рост безработицы, заключалась в том, что при белых производство не расширилось, а сокращалось».⁴

¹ Там же. С.139.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С.140.

⁴ Там же. С. 142.

Бесспорно, исследование Я. Кальнина «Труд при белых» явилось весомым вкладом в разработку проблемы «Экономическое положение сибирских рабочих в годы гражданской войны». Впервые в советской историографии рабочего класса Сибири Я. Кальнин рассмотрел такие проблемы, как изменение форм заработной платы и влияние этого процесса на падение жизненного уровня рабочего класса, причины роста безработицы, вплотную подошел к проблеме изменения структуры рабочего класса в годы гражданской войны.

Таким образом, проанализировав процесс освещения состояния экономики Сибири и положения рабочего класса в годы гражданской войны, можно сделать вывод о том, что этот сюжет отражен в исторической литературе рассматриваемого периода довольно разносторонне. Авторы опирались на различные по характеру источники: периодическую печать, воспоминания, законодательные акты, доказывая, что антинародная сущность «белых» правительств в Сибири выражалась в экономическом притеснении рабочих, в разграблении богатств Сибири. Характеризуя в целом исследования 1920-х гг. об экономическом положении сибирских рабочих, можно выделить следующую особенность этих исследований. Первые историки-марксисты развал экономики Сибири объясняли злонамеренными кознями белогвардейских правительств, не учитывали того, что экономика Сибири была основательно подорвана мировой войной, крайностями гражданской войны. Но при этом совершенно бесспорно одно: «белой» власти в Сибири не удалось вывести экономику из кризисного состояния, хозяйничание «белых» еще более углубило кризис.

Именно это обстоятельство и нашло отражение в исследованиях 1920-х гг. Однако, несложно заметить, что советские исследователи инкриминировали «белым» именно преднамеренный развал экономики.

В конкретной ситуации, когда история превращалась в широкое поле идеологической борьбы, а профессиональный уровень сибирских историков был не слишком высоким, при анализе событий гражданской войны возникал соблазн игнорирования конкретно-исторической информации, противоречившей идее гегемонии пролетариата. В связи с этим, характеристика положения сибирских рабочих при «белых» должна была стать весомым аргументом в дискуссиях с историками-немарксистами, дополнительным доказательством неизбежности активной борьбы сибирских рабочих с «белыми» режимами.

Несмотря на явную тенденциозность, ценность этих статей, содержащих богатый фактический материал о состоянии экономики и положении сибирского рабочего класса в годы гражданской войны, вполне очевидна. Сами по себе исследования 1920-х гг. можно рассматривать не только как историографический, но и как ценный исторический источник.

С.К. Ильин

Кемеровский государственный университет (г. Кемерово)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИВАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ХЕЗБОЛЛА» В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В ходе гражданской войны в Ливане, которая продолжалась в 1975-1990 гг. возникла радикальная шиитская военная организация «Хезболла», что дословно переводится «Партия Бога»¹. Её возникновение стало ответной реакцией шиитской общины Ливана на оккупацию части этой страны Армией Обороны Израиля. В рамках гражданской войны лидеры «Хезболла» установили наиболее востребованные на тот момент цели: изгнание из страны израильтян, американцев, французов и их союзников а также декларировали необходимость дать возможность народу определять своё будущее и выбирать форму правления. Ключевую роль в возникновении движения сыграл Иран. Ведь именно политика экспорта идей «исламской революции» в Ливан, страдающий от военных столкновений на своей территории, вместе с мерами практической помощи по подготовке рядовых членов боевых подразделений позволила в сжатые сроки с 1982 по 1990 годы стать весомым игроком в стране, с которым теперь нужно было считаться. Ещё одним государством, которому приписывают роль организатора движения, является Сирия. Однако, это не совсем так. Контроль сирийских войск Долины реки Бекаа позволил «Хезболла» получать вооружение и специалистов из Иран². Сирийское правительство разве, что косвенно является пособником в этом процессе. Таким образом, мы наблюдаем активное внешнее вмешательство в дела Ливана, что и привело к столь скорому укреплению «Хезболла».

Только в 1985 году «Хезболла» преобразуется в военно-политическую организацию путём создания в своей структуре полноценной политической партии, которая на первых же послевоенных выборах в 1992 году войдёт в парламент³. Параллельно будет существовать и военное крыло, численность которого с годами только увеличится.

При рассмотрении деятельности «Хезболла» в заявлениях политических деятелей России и США мы наблюдаем явную поляриность. Так, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров в своём интервью Российской Газете в очередной раз подчеркнул, что Россия не относит эту партию к числу террористических. Американский вице-президент Майкл Пенс, комментируя события в Венесуэле, напротив, заявил: ливанская «Хезболла», которая в США внесена в террористический список, в Венесуэле давно располагает ячейками и базами залегания. Иранцы через «Хезболлу» воздействуют на народ Венесуэлы и всей Южной Америки⁴. В разрез со своими заокеанскими коллегами Европол в 2013 году выпустил специальную брошюру, в которой отсутствуют такие радикальные формулировки. Эти примеры позволяют нам определить разность взглядов, обусловленные политической конъюнктурой и раскладом сил в международных отношениях.

¹ Савичева Е.М. Ливан: место в истории, роль в политике, ситуация в стране : историко-хронологическое исследование. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2009. С. 217.

² Беренкова Н.А. Феномен шиитского активизма в Ливане и его влияние на международные отношения Ближнего Востока (1967-2013 гг.): диссертация на соискание научной степени кандидата исторических наук. Н. Новгород, 2015. С. 88.

³ Морозов В.М., Хачирова А. Б. Компаративный анализ акторности ХАМАС и Хизбаллы и перспективы их встраивания в мировой общественный порядок // Сравнительная политика. 2018. Т.9. Вып. 2. С. 111.

⁴ В Венесуэле «Хезболла», а в Сальвадоре - свои «арафаты» : [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2019-02-19/12_459_problem.html (Дата обращения: 01.03.2019).

Исходя из отсутствия единства во взглядах политических элит, необходимо дать ответ на вопрос, как научное сообщество рассматривает деятельность «Хезболла». До сих пор в научной аналитике нет единого определения, чем же она является. Для одних это политическая партия, для других сугубо террористическая организация, для третьих и вовсе государство в государстве. Долгое время про «Хезболла» писали лишь в контексте событий гражданской войны в Ливане или при изучении влияния идеи «экспорта исламской революции» аятоллы Хомейни¹²³. «Хезболла» непременно упоминали в одном контексте с Ираном, что доказывает нам несостоятельность этой организации как самостоятельной в первые годы её развития. Действительно, именно прямое всестороннее спонсорство правительства ИРИ определило идеологические и политический вектор развития движения. В этот период в отечественной науке «Партию Бога» чаще называют «проиранским формированием»⁴ или «движением»⁵. Этой позиции придерживается и известный российский арабист Ахмедов В. А., который обращает наше внимание на то, что появление подобных религиозно-политических структур связано в значительной мере с «иранским фактором»⁶. Это обобщённое название последствий исламской революции 1978-1979 гг. Такая позиция соответствует общему вектору работ ученого, который является признанным специалистом в изучении развития Сирии, а последняя, как мы указывали ранее, стала соорганизатором движения. Доцент МГИМО Морозов В. М., работы которого в большей степени исследуют Палестину и арабо-израильский конфликт, также намеренно отказывается от радикальных определений и вовсе определяет «Хезболла» как «антиизраильское социально-политическое движение», исследуя методики внешнеполитического взаимодействия «Хезболла» с иными субъектами международной политики^{7 8 9}. Позиция данного автора также понятна и исходит из того, что «Хезболла» первоначально появилась в результате израильского вторжения в Ливан. К тому же в её рядах и на данный момент большое количество радикально настроенных палестинских беженцев. С ним соглашается другой востоковед, доцент РУДН Савичева Е. М. Елена Михайловна в своих многочисленных работах рассматривает широкий спектр

¹ Хадогин К.Ю. Эволюция концепции экспорта исламской революции в контексте внешней политики ИРИ в 1990-х гг. // Власть. 2011. С. 167.

² Беренкова Н. А., Корнилов А. А. Идея исламского государства в политической идеологии и программе организации Хезболла // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. С. 30.

³ Ахмедов В.М. Ливанская «Хезболла» в этно-конфессиональной структуре современного Ливана // Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. 2005. С. 245.

⁴ Хадогин К.Ю. Эволюция концепции экспорта исламской революции в контексте внешней политики ИРИ в 1990-х гг. // Власть. 2011. С. 167.

⁵ Савичева Е.М. Роль и место «Хизбаллы» в Ливанском треке ближневосточного урегулирования // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №18. С. 138.

⁶ Ахмедов В.М. Ливанская «Хезболла» в этно-конфессиональной структуре современного Ливана // Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. 2005. С. 245.

⁷ Морозов В.М., Хачирова А. Б. Компаративный анализ акторности ХАМАС и Хизбаллы и перспективы их встраивания в мировой общественный порядок // Сравнительная политика. 2018. Т.9. Вып. 2. С. 111.

⁸ Крылов А.В., Морозов В. М., Федорченко А. В. Государство Палестина: право на будущее: монография. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 326.

⁹ Крылов А.В., Морозов А. В. Ислам в Палестине // Ислам в государственной и общественно-политической системах стран Востока. 2018. С. 92.

вопросов всего региона, но ливанской проблематике уделено особое внимание^{1 2 3}. Во всех её работах «Хезболла» представлена как важный региональный игрок, что доказывает необходимость многоаспектного подхода при изучении объекта. Другой специалист в сфере международных отношений Беренкова Н. А. в своей кандидатской диссертации рассматривает шиитскую общину Ливана а также те условия, которые привели к её активизации в годы гражданской войны. Она также, как и коллеги, исключает из использования такой термин, как «террористическая», характеризуя боевые действия «Хезболла»⁴. Появившаяся в годы гражданской войны «Партия Бога», момента создания опирается на шиитов, как главенствующую конфессию на юге Ливана. В этой связи закономерным является и позиция исследователя. Представленных авторов объединяет то, что их работы направлены на изучение государств одной стороны конфликта. Иран, Сирия, Ливан, Палестина - эти страны активно противостояли Израилю на момент появления «Хезболла» и продолжают это делать. Своими умеренными формулировками авторы подчёркивают более обширное осознание важности и влияния движения не только в Ливане, но и в регионе в целом.

Однако, влиятельный отечественный востоковед, в 2001-2004 годах президент Российского еврейского конгресса Евгений Янович Сатановский, работы которого преимущественно направлены на изучение Израиля, относит «Хезболла» к «террористической организации ровно, как и ХАМАС»⁵. Позицию Евгения Яновича разделяет и Ирина Доновна Звягельская, являясь специалистом в сфере безопасности на Ближнем Востоке, она негативно рассматривает деятельность партии. И действительно, «Хезболла» по праву считается деструктивным элементом при попытках возобновления процесса урегулирования^{6 7 8}. С автором нельзя не согласиться, его аргументы восходят к программным документам «Хезболла», где одной из целей существования движения является уничтожение Государства Израиль. Также стоит отметить ряд исследователей внешней политики США на Ближнем Востоке⁹. Работы этих исследователей объединены общим взглядом на террористическую сущность «Хезболла», которая опирается на нормативную базу США. Налицо разность в оценках деятельности исследуемого объекта, но такое расхождение научно обосновывается позициями, на которых стоят

¹ Савичева Е.М. Роль и место «Хизбаллы» в Ливанском треке ближневосточного урегулирования // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №18. С. 133.

² Савичева Е.М. Ливан и Турция: конструктивный диалог в сложной региональной обстановке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. Вып. 4. С. 55.

³ Крылов А.В., Морозов В.М., Федорченко А. В. Государство Палестина: право на будущее: монография. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 212.

⁴ Беренкова Н.А., Корнилов А.А. Идея исламского государства в политической идеологии и программе организации Хезболла // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. С. 29.

⁵ Сатановский Е.Я. Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры. М.: ИИИБВ, 2001. С. 38.

⁶ Звягельская И.Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке: невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Вып. 2. С. 98.

⁷ Беспалов С. В. Транснациональный исламский терроризм - глобальная проблема // PolitBook. 2012. Вып. 3. С. 80.

⁸ Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем и Среднем Востоке: тенденции и игроки // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. 2017. Вып. 3. С. 16.

⁹ Гасанов М. М. Арабская весна и Иран // Juvenis scientia. 2017. Вып. 2. С. 35.; Дмитриев И.А. Что такое исламистский терроризм? // Власть. 2011. Вып. 6. С. 114.; Беспалов С.В. Транснациональный исламский терроризм - глобальная проблема // PolitBook. 2012. Вып. 3. С. 80.; Наливкина Н.В. Концепция пособия исламистов анархистам в современной террорологии // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 357. С. 58.

исследуемые государства. В противовесе арабским государствам находится Израиль а также США, которая обеспечивает свои интересы в регионе через поддержку Нетаньяху.

На мой взгляд, определение «Хезболла» как террористической организации является некорректным. События последний двух десятков лет нам показывают, насколько обширна её деятельность. Указывая на её террористическую направленность сегодня представители США и Израиля делают упор преимущественно на нелегитимном участии Партии в событиях в Сирии. В свою очередь, президент Сирии Башар Асад и руководитель «Хезболла» шейх Хасан Насралла не раз заявляли о том, что между двумя сторонами были достигнуты официальные договорённости и действия последних являются мерой поддержки дружественного режима. На внутривосточной арене сегодня «Хезболла» является лидером оппозиционной Коалиции 8 марта, её представитель является спикером действующего парламента. С 2005 года в правительстве ряд министерских портфелей также удерживают члены этой партии. Таким образом, на сегодняшний день риторика в научных кругах преимущественно умеренная, исследователей всё больше интересует взгляд на проблему изнутри, а не поверхностные политизированные этюды. Но в противовес ей находится иная риторика, с которой выступают преимущественно представители администрации США. Это мешает выстраивать всестороннего диалога для достижения условий мирного сосуществования, стремление к которому декларируется на многих международных площадках. Таким образом, на мой взгляд, выбор определения обуславливается позицией, которой придерживается автор исследования относительно внешнеполитической ситуации на Ближнем Востоке.

*И.А. Ерёмин**Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)*

ГОРНОДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мероприятия общегосударственного масштаба по созданию промышленных тыловых районов стали особенно активно разрабатываться с началом Первой мировой войны, которая потребовала тотальной милитаризации экономики, увеличения объемов производства, все больших сырьевых и прочих материальных ресурсов в условиях резко сократившихся внешнеэкономических отношений. Предметом государственной важности стало изучение производительных сил страны. В феврале 1915 г. при Академии наук была организована для этой цели Комиссия под руководством академика В.И. Вернадского, в которой восточным регионам России уделялось особое внимание. Отчасти это объяснялось тем, что военные действия происходили на западных и юго-западных территориях. Но главным привлекательным моментом являлись богатства нерастраченных природных ресурсов. Сибирь в правительственной стратегии рассматривалась, прежде всего, как перспективная база для развития угледобывающей и металлургической отраслей, ориентированных на нужды обороны.¹

В этой связи при Совете съездов представителей торговли и промышленности в Петрограде было учреждено специальное Сибирское бюро под председательством члена Государственного Совета профессора Е.Л. Зубашева. Специалисты бюро составили докладную записку в правительство, в которой предполагалось выделить 350 тыс. руб. на сибирскую «железную экспедицию», которая должна была обследовать различные районы края с целью «насаждения» там металлургической промышленности. Сибирское бюро призывало правительство разработать особую протекционистскую политику – систему премий и поощрений для частного предпринимательства с целью содействовать появлению в Сибири новых производств, столь необходимых для повышения обороноспособности страны. Дело перешло в практическую плоскость с организацией в 1916 г. при Военном министерстве Металлургического комитета. Вся территория Сибири была разделена на четыре промышленных района: Кузнецкий, Енисейский, Иркутский и Приморский. Для каждого из них намечалась оригинальная программа индустриального развития. Наиболее подготовленным признавался Кузнецкий район. Здесь акционерное общество «Кузнецкие каменноугольные копи» (Копикуз) приступило к реализации индустриального проекта, включавшего в едином комплексе добычу угля и руды, коксохимическое и металлургическое производство.²

В Кузнецком бассейне добыча топлива выросла с 47 млн. пудов в 1913 г. до 72 млн. пудов в 1916 г.³ Если учесть, что к 1917 г. производство угля в Западной Сибири достигло 84 млн. пудов,⁴ на долю

¹ Аблажей Н.Н., Букин, С.С., Водичев, Е.Г., Ламин, В.А., Тимошенко, А.И. Экономические и социокультурные взаимодействия в Урало-Сибирском регионе /Н.Н. Аблажей, С.С. Букин, Е.Г. Водичев, В.А. Ламин, А.И. Тимошенко. - Новосибирск: СибАГС, 2004. С. 63

² Аблажей Н.Н., Букин С.С., Водичев Е.Г., Ламин В.А., Тимошенко А.И. Экономические и социокультурные взаимодействия в Урало-Сибирском регионе /Н.Н. Аблажей, С.С. Букин, Е.Г. Водичев, В.А. Ламин, А.И. Тимошенко. - Новосибирск: СибАГС, 2004. С.64.

³ История Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1967. Ч. I. С. 214.

⁴ Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири /Н.П. Огановский. - Омск: Изд-во Сиб. отд. Всерос. центр. Союза потреб о-в, 1921. С. 110.

Кузнецкого бассейна приходилось 9/10 общего объема добычи топлива в регионе. Уже в августе 1914 г. для работающей на военные нужды Северо–Западной железной дороги из Анжерских копей началась поставка в общей сложности 3 млн. пудов угля.¹ Промышленности городов Урала, Сибири и Дальнего Востока, работавшей на нужды войны, а также Сибирской железной дороге, требовалось все больше угля. Хотя в 1916 г. уровень добычи топлива в Кузбассе был ниже, чем в Донбассе, в 24 раза, власти и предпринимательские структуры стремились повысить масштаб угледобычи на территории региона. Об этом свидетельствует, в частности, факт активного строительства в годы войны 186–ти верстной железной дороги от Юрги до Кольчугина с веткой от станции Топки до Кемерово. В сентябре 1915 г. на дороге началось временное грузовое движение. В результате был открыт выход угля на Сибирскую магистраль Кольчугинского и Кемеровского рудников Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей.²

В начале 1916 г. Особое совещание по обеспечению топливом, «озабочиваясь снабжением в настоящем году углем уральских заводов, работающих для целей государственной обороны», предложило широко использовать для решения этой проблемы уголь из Западной Сибири. Участники совещания обратились в комитет Сибирского бюро при совете съездов председателей биржевой торговли и сельского хозяйства с просьбой выяснить «наличные перевозочные средства на сибирских водных путях», а также данные о количестве топлива, «которое могло бы быть этими путями отправлено». Уголь из Кузнецких копей предполагалось грузить в Кемерово, из Судженских – в Томске, из Экибастузских – на пристани у г. Ермак для отправки до Тюмени или других железнодорожных станций.

Практическая реализация данного проекта привела к тому, что уголь из региона в значительном количестве в период 1916 / 1917 гг. стал поступать для хозяйственных нужд таких крупных уральских заводов, как Златоустовский, Кыштымский, Белорецкий, Пермский. Значительным достижением властей в плане снабжения уральских заводов можно также считать то, что удалось добиться поставок сюда в 1917 г. по миллиону пудов кокса ежемесячно с Кольчугинских копей Кузбасса.³ Кроме того, уголь из региона в годы войны потребляли находившиеся или примыкавшие к уральскому региону Пермская, Самаро–Златоустовская, Троицкая, Оренбургские железные дороги.⁴

В 1915 г. Копикуз получил от государства аванс в 2 млн. руб. на постройку химического завода в Кемерово. В 1916 г. на строительство завода и коксовых батарей было затрачено уже 4,4 млн.руб. или свыше половины капитальных затрат Копикуза в том году. Строилась батарея из 50 коксовых печей, рекуперационный и бензольный цехи, электростанция, механические мастерские, котельная, подъездная железная дорога.⁵

Этот заказ стимулировал рост угледобычи на рудниках Копикуза. В 1915 г. оживились работы на Кемеровском руднике, стала форсироваться проходка штолен и шахт, которые должны были дать сырье для коксовых печей и химического завода. На Кемеровском руднике состоялась закладка крупнейшей по тем временам шахты «Центральная». В ноябре 1917 г. она вступила в строй. Тогда же была сооружена

¹ Государственный архив Томской области. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1017. Л. 84, 85.

² История Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1967. Ч. I. С. 213, 214.

³ Свешников Н.А. Экономика Сибири в период империализма / Н.А. Свешников. - М.: Тип. ВЗФЭИ, 1975. С. 151.

⁴ Зольников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. / Д.М. Зольников. - Новосибирск: Наука, 1969. С. 25, 26. С. 25.

⁵ История Сибири. С древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. Л.: Наука, 1968. Т.3. С. 438, 439.

подвесная канатная дорога через реку Томь для доставки угля от шахты к коксовым печам.¹ В результате, если в 1914 г. на шахтах Копикуза добывалось 3095 тыс. пудов, то в 1915 г. уже 4463 тыс. пудов. В 1916 г. объем угледобычи здесь составил 12174 тыс. пудов, а в 1917 г. – 18132 тыс. пудов.²

Риддерское горнопромышленное акционерное общество подрядилось на поставку Ижорскому заводу Морского министерства 30 тыс. пудов цинка. Согласно условиям договора от марта 1916 г., все поставки должны были завершиться в мае 1917 г.³ К 1916 г. Риддерское общество достигло значительных успехов в своем развитии. Оно переоборудовало старые рудники (Риддерский, Сокольский), построило в Семипалатинской области заводы, железные дороги Риддер – Усть – Каменогорск, Иртыш – Экибастуз, имело свое пароходство на Иртыше. В 1915 г. общество начало добывать уголь и руды, а в 1916 г. – заниматься выплавкой металлов. В Риддере обогащали руду, извлекали золото и серебро, а на Экибастузском заводе выплавляли медь, свинец и цинк. Только цинка за первую половину 1916 г. на Риддерском руднике было добыто свыше 200 тыс. пудов. Следует подчеркнуть, что производство цинка на предприятиях Риддерского, а также Киргизского горнопромышленных обществ было организовано впервые в России.⁴

В военное время потребление свинца в России достигало 2,6 млн. пудов, а цинка – 2,2 млн. пудов. Собственное производство обеспечивало всего лишь 3,7 % потребности в свинце и 8,2 % - в цинке. Между тем, согласно данным геологических исследований Риддерского общества, запас свинцово-цинковых руд в его владениях определялся в 200 млн. пудов. Это означало, что руды лишь одного Риддерского рудника хватило бы России почти на 40 лет.

Представители центральной власти, посещавшие регион в годы войны, заявляли во время таких инспекционных поездок о необходимости мобилизации богатых сырьевых, в том числе рудных ресурсов Западной Сибири для решения общенациональных задач.⁵ Тем не менее, какой-либо целенаправленной помощи со стороны государства Риддерскому обществу с целью быстрее наращивания объемов добычи свинцово-цинковых руд предпринято не было, и возможность резко увеличить отечественное производство данного вида продукции за счет западносибирских горнодобывающих и металлургических предприятий была упущена.

Гораздо более пристальное внимание государственные органы уделяли работе медеплавильных предприятий Западной Сибири. Накануне войны регион, прежде всего, за счет продукции расположенного в Акмолинской области Спасского завода, давал до 20 % общероссийской выплавки меди.⁶ Руководство страны было крайне заинтересовано в увеличении в регионе производства меди, которая широко использовалась в военном производстве. Власти обратили внимание на заметное снижение производства меди на принадлежавшем акционерному обществу «Спасские медные руды» Спасском медеплавильном заводе. Ссылаясь на массовый призыв в армию рабочих и задержку в получении машин для обогатительной фабрики, руководство акционерного общества в ноябре 1915 г. прекратило производство меди. По сведению окружного инженера Степного северного округа Томской горной области, названные причины были «неосновательны», так как процент призванных в войска

¹ История Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1967. Ч. I. С. 215.

² Государственный архив Алтайского края. Ф.4. Оп. 1. Д. 1981. Л. 230, 288, 333 об., 403 об.

³ Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 23. Д. 249. Л. 69. ; ГААК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 854. Л. 29 – 30 об.

⁴ Зольников, Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. / Д.М. Зольников. - Новосибирск: Наука, 1969. С. 27.

⁵ Государственный архив Алтайского края. Ф. 4. Оп. 1. Д. 454. Л. 13–13 об.

⁶ Зольников Д.М. Указ. соч. С. 27.

не превышал десяти от общего количества занятых на производстве. По его данным, на заводе оставалось 117 тыс. пудов руды, а запас руды в руднике составлял 637 тыс. пудов. Этого количества хватило бы на шесть месяцев работы, и оно дало бы стране более 100 тыс. пудов меди.¹

Акционерное общество принадлежало английскому капиталу, но потребности военного времени заставили правительство в лице Министерства торговли и промышленности командировать в 1916 г. на Спасский завод комиссию во главе с профессором горного института В.Н. Липиным. Итоги работы комиссии были заслушаны на заседании Особого совещания по обороне государства в январе 1917 г. Возглавляемые В.Н. Липиным инспекторы назвали в качестве главной причины сложившегося на заводе положения «недостаточно умелое ведение дела в прошлом». По данным экспертов, это выражалось в том, что в течение долгого времени залежи медной руды эксплуатировались акционерным обществом «хищнически».² В результате терялось 27 % «возможной выработки меди».³ По итогам проверки решено было подвергнуть деятельность Спасского завода «правительственному надзору».⁴

Эта ситуация свидетельствовала, по нашему мнению, не о чрезмерном вмешательстве государства в экономическую жизнь в годы войны, на что постоянно жаловались тогдашние либералы, а напротив, она говорила о неспособности или нежелании правящих кругов хоть как-то ущемить интересы крупного частного капитала во имя общенациональных интересов.

Таким образом, в чрезвычайных условиях глобального военного конфликта, горнодобывающая промышленность Западной Сибири достаточно активно развивалась и вносила достойный вклад в дело укрепления обороноспособности страны.

¹ История Сибири. С древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. Л.: Наука, 1968. Т.3 С. 440.

² Журналы Особого Совещания по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915 – 1918 гг. 1917 год. М., 1978. Т. 1. С. 94.

³ Тарновский К.Н. Формирование государственно – монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности) / К.Н. Тарновский.- М.: МГУ, 1958. С. 142.

⁴ Журналы Особого Совещания ... Указ соч. С. 99.

*Н.Н. Головченко**Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)*

ОДНА ИЗ СТРАТАГЕМ ПОЛИЭНА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ОДЕЖДЫ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Полиэн – знаменитый писатель и оратор живший во II веке н.э., известен среди читающей публики, прежде всего, как автор компилятивного произведения под названием «Военные хитрости» или «Стратегемы». Как отмечает А.Б. Ксенофонов научный интерес историков к данному труду ограничивается преимущественно тем, что он «сохранил для нас фрагменты утраченных сочинений, свидетельства о военных событиях классического и особенно эллинистического периодов, большинство исторических свидетельств для которых утеряно»¹. В основном, внимание к нему проявляют исследователи, изучающие античную военную теорию.

Как справедливо констатирует А.Б. Ксенофонов «время односторонней оценки сочинения Полиэна прошло»², и ниже мы намерены показать, что отдельные сообщения писателя II века отражают некоторые концептуальные черты материальной культуры известных античным писателям азиатских кочевых народов.

В седьмой книге, главе одиннадцатой, шестой пассаж Полиэна повествует о войне персидского царя Дария I (правил 522–486 гг. до н.э.) с саками – ираноязычными скотоводческими племенами, населявшими территорию современного Казахстана и Таджикистана (Pol., VII., XI, 6). В современной отечественной литературе наиболее известны две версии перевода данного сообщения.

Первая была предложена еще 1842 году переводчиком Д. Паппадопуло и гласит: «В войну с Сакками, разделившими силы свои на три отряда, Дарий, разбив один из них, надел на Персов платье, украшение и оружие побежденных, и повел их на другой отряд, под видом друзей. Сакки, обманутые одеждою и оружием подходящих, начали дружески приветствовать их. — Но Персы, по данному приказанию, всех их умертвили и потом настигнув третий неприятельский отряд, без боя одержали победу и над сим последним, который, по поражении двух частей войска, сдался без сопротивления»³.

Несколько отличный вариант перевода был дан И.В. Косинцевой в издании под общей редакцией А.К. Нефедкина 2002 года: «Дарий воевал с саками, разделенными на три части. Одну часть он победил. Когда десять тысяч саков были взяты живыми, то платья, убор и оружие он надел на персов и повел их на вторую часть саков, по закону дружбы спокойно идя. Саки же обманутые, внешним видом платья и оружия, совершенно дружелюбно выйдя навстречу, как своих, их приветствовали. Персы же, ибо у них был приказ, всех убили и, отправившись к третьей части саков, без боя их победили, ибо они даже не стали сопротивляться, так как две части ранее уже были побеждены»⁴.

¹ Ксенофонов А.Б. Полиэн и его «Стратегемы» / А.Б. Ксенофонов // Полиэн. Стратегемы: Пер. с греч. под общ. ред. к.и.н. А.К. Нефедкина. – СПб.: Евразия, 2002. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Стратегемы Полиэна. Заимствованные из Сочинений разных Авторов, писавших о важнейших древних Полководцах, Героях и знаменитых Женщинах // Пер. с греч. Д. Паппадопуло. – СПб.: «типografia Гутенберга», 1842. URL: <http://xlegio.ru/sources/polyaenus/book-7.html> (дата обращения: 19.09.2019).

⁴ Полиэн. Стратегемы // Пер. с греч. под общ. ред. к.и.н. А.К. Нефедкина. – СПб.: Евразия, 2002. С. 234.

К сожалению, точно определить о каком именно походе Дария I и о каких конкретно саках в данном пассаже идет речь не представляется возможным. В надписи из Накши Рустама упоминается о противостоянии его войск племенному союзу сака парадрайа т.е. «заморскими саками» Известно, что в 519 г. до н.э. Дарий победил племенной союз саков-тиграхауда т.е. «саков в остроконечных колпаках»¹, пленив их вождя Скунху и оставив поэтому поводу победную реляцию на Бехистунской скале. Также Дарий и его наследник Ксеркс (правил в 486–464 гг. до н.э.) называют в своих надписях подвластный персам племенной союз сака-хаумаварга, т.е. «саков, почитающих Хаому». В упомянутых источниках саки предстают племенными объединениями, платящими дань и поставляющими воинов в ахеменидскую армию. Главная военная сила саков заключалась в мобильных соединениях воинов-конников.

В греческой исторической традиции саки тоже не представляют собой некоего единого целого. Геродот упоминает саков-ортокорибантиев, т.е. «саков-острошапочных» и саков-амюргиев, т.е. «саков царя Амюрга», которых исследователи отождествляют с саками-тиграхауда и саками-хаумаварга персов. Множество правдоподобных и легендарных сведений сообщает античная историография о массагетах, некоем племенном союзе, который включал в себя разные по хозяйству, образу жизни и культуре племена – от кочевников-коневодов по Геродоту, до охотников за тюленьями и собирателей кореньев, одевающихся «в древесную кору» по Страбону (Strab., XI, 8). По мнению С.Г. Кляшторного и Т.И. Султанова: «Массагеты – общее древнее имя приаральских племен, имеющих общую генеалогическую традицию и, возможно, общий эпоним...»².

Отсутствие дополнительного определителя к этнониму «саки», а также общая применимость описанной стратагемы в изложении Полиэна заставляет думать, что им в данном случае передан некий известный анекдот. Однако, косвенным образом в описании ситуации, когда саки оказываются неспособными отличить своих единоплеменников от переодетшегося противника, угадывается отсылка к сообщению Геродота о том, что многие соседние скифам (сакам) народы одеваются «по-скифски» (Herod., I.202, IV. 23).

«Скифский логос» Геродота (История, книга IV) был завершен в период между 430 и 424 гг. до н.э. Сведения о восточных кочевых племенах приводимые Геродотом, основываются на поэме некоего Аристея из Проконнеса. Согласно легенде, Аристей, будто бы по внушению Апполона предпринял многолетнее путешествие через страну скифов на восток, в края блаженных гипербореев. Однако дошел он только до страны исседонов, и возвратившись домой изложил свои впечатления о походе в поэме, которая до нашего времени сохранилась только в передаче Отца истории. Знаменитый исследователь древностей Казахстана К.А. Акишев, отождествляет с исседонами раннесакскую тасмолинскую культуру³.

Дальнейший рассказ Геродота обладает крайне легендарным содержанием: «Выше исседонов живут одноглазые мужи – аримаспы. Над ними живут стерегущие золото грифы, а выше этих – гиперборей, достигающие моря. Кроме гипербореев, все эти племена, начиная с аримаспов, всегда нападали на соседей» (Herod., IV, 13). Вследствие обнаружения значительного количества стилизованных изображений грифонов на сохранившихся органических предметах одежды, конского убора и бытовой утвари в пазырыкских памятниках Горного Алтая, данную культуру принято условно соотносить со «стерегущими золото грифами»⁴.

¹ Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы / М.А. Дандамаев. – Москва: Наука, 1985. С. 100–101.

² Кляшторный С.Г. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени / С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009: 3-е изд., исправл. и доп. С. 51.

³ Акишев К.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или / К.А. Акишев, Г.А. Кушаев. – Алмата: Изд-во АН КазССР, 1963. С. 134–135.

⁴ Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы / С.И. Руденко. М.-Л.: Наука, 1952. С. 14–28.

Свойственный скифам (сакам) и близким к ним народам тип вооружения и конского убора, характерная скифская одежда, «звериный стиль» в искусстве засвидетельствованы археологическими исследованиями на просторах от Хуанхэ до Дуная, что стало основанием для общего названия этой культурной общности, которая сложилась в степях на рубеже IX–VIII вв. до н.э. и просуществовала примерно до III–II вв. до н.э. – «скифский/скифо-сакский мир»¹.

Необходимо учитывать, что термин «скифо-сакский мир» не тождественен «скифо-сакскому единству», на что справедливо указывают Д.С. Раевский, С.В. Кулланда и Н.М. Погребова². Понятие «единство» подразумевает полное этническое и культурное тождество всех скифоидных культур степной полосы Евразии, в то время как большая часть из них, вероятно, были поликультурными, а этническая их принадлежность достоверно не устанавливается. Поэтому более удобным нам представляется использование термина «скифо-сакский мир», под которым в более сжатом и традиционном виде подразумевается евразийский степной культурный континуум второй половины I тыс. до н.э.³, представляющий собой конгломерат объединений людей, говоривших на разных языках, принадлежавших к разным антропологическим типам, но объединенных общим способом ведения хозяйства (скотоводством), типами вооружения, уздечного набора и звериным стилем оформления украшений⁴.

Естественно, между сообщениями Геродота и Полиэна лежит значительный хронологический разрыв, сведения стратагемы сами по себе весьма условны и общеприменимы, однако в ней отражен некоторый общий историографический контекст греческого восприятия варварского кочевого мира («все варвары на одно лицо»), представители которого в эпоху раннего железа действительно обладали рядом общих деталей в предметном комплексе и фасоне одежды.

Одежда скифоидных культур известная по изобразительным и реконструированная по археологическим источникам поддается общей типологической обработке⁵. В недавно вышедшей работе Г.С. Джумабековой и Г.А. Базарбаевой весьма подробно рассмотрен образ воина сакского времени на предметах искусства выявленных в памятниках на территории Казахстана, с указанием весьма широкого круга аналогий⁶. В свете этих данных упоминание стратагемы обманного переодевания именно применительно к сакам выглядит уже не столь анекдотично. Особенно если учесть, что в данном случае сообщение письменного источника способствует изучению материальной культуры бесписьменных народов.

¹ Раевский Д.С. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля / Д.С. Раевский, С.В. Кулланда, М.Н. Погребова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 6.

² Там же. С. 6.

³ Раевский Д.С. Культурно-историческое единство или культурный континуум? / Д.С. Раевский // КСИА. Вып. 207. 1993. С. 30–32.

⁴ Молодин В.И. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области / В.И. Молодин, А.П. Бородовский, Т.Н. Троицкая. – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1996. 192 с.

⁵ Головченко Н.Н. Кожаные и войлочные головные уборы носителей археологических культур скифо-сакского мира: морфология и назначение / Н.Н. Головченко, А.Н. Телегин // Древности Сибири и Центральной Азии. 2012. №4 (16). С. 70–72; Головченко, Н.Н. Одежда евразийских кочевников скифо-сакского времени (опыт разработки типологии и терминологического аппарата) / Н.Н. Головченко, А.Н. Телегин // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2014. №2. С. 5–13; Яценко, С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы / С.А. Яценко. – М.: Изд-во Вост. лит., 2006. С. 12–34.

⁶ Джумабекова Г.С. Образ воина в искусстве населения Казахстана сакского времени / Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. №3. С. 183–215.

От костюма кочевников степей Евразии второй половины I тыс. до н.э. сохранилась масса археологических свидетельств, донесших до нас его облик, стиль, фасон и декор. Он представлен изображениями и предметами торевтики, ювелирными изделиями, уникальными находками из пазырыкских курганов. Сведения, полученные при анализе этих источников, с учетом региональной специфики, можно экстраполировать на все культуры т.н. «скифо-сакского культурного ареала» и на их фоне письменные источники являются определенным подспорьем, создающим некий общекультурный контекст бытования обнаруженных вещей¹.

Рассматриваемая стратагема Полиэна рисует нам картину бытования в среде кочевого, поликультурного, высокомобильного общества сходных форм воплощения эстетических представлений об одежде, подкрепляя выводы, полученные при изучении археологического материала. Даже если посчитать сообщение писателя, как и иных античных авторов, крайне ущербным для анализа отдаленных от него во времени и пространстве культур, некоторая общая логическая нить интерпретации содержания его пассажа сохраняется, что как минимум указывает на определенный вклад Полиэна хотя бы в историографию данного вопроса.

¹ Головченко Н.Н. Перспективы поиска аналогий предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в письменных источниках / Н.Н. Головченко // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2019. 2 (39). С. 67-71.

*С.Н. Фаткулина**Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)*

РОССИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ИРАН В ДОСОВЕТСКИЙ, СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Россия и Иран занимают важное место в мировой политики. Страны обладают большим военным и экономическим потенциалом, на их территории находятся значительные запасы газа и нефти.

Обе страны выступают гарантом стабильности вдоль собственных границ. Региональная политика двух держав направлена на достижения этой цели. Российско-иранские отношения имеют длинную историю, но они далеко не всегда были дружескими, что мы можем увидеть в наши дни.

Отправной точкой официальных взаимоотношений между Россией и Персией (Иран), по мнению Бушева П.П., связано с первой миссии Васильчикова Г.Б. в (1588-1589 гг.), в ходе которой были установлены регулярные дипломатические отношения¹.

С началом имперского периода (с 1721 г.) Иран оказывается в сфере интересов России. По мнению Кулагиной Л.М., желая не отставать от других держав, Россия начала бороться за влияние в Прикаспийском регионе. Основная борьба происходила в XIX века в историю вошла как «Большая Игра» в которой Англия и Россия боролись за влияние в Средней Азии в целом и в Иране частности².

До 1917 г. Иран оставался под влиянием России. После событий октябрьской революции и падение царского режима, новое государство образовавшееся на бывших границах Российской империи изменила своё отношение к Ирану. Таким образом, лишь начиная с XX в. отношения между странами становятся равноправными. Поскольку СССР ставил себе цель проведения мировой революции, это не могло способствовать его дальнейшему сближению с Ираном. Разочаровавшись в своих недавних друзьях (Англия и Россия), Иран начинает сотрудничать с Германией, а в годы после второй мировой войны начинает ориентироваться на США.

Таким образом, в отличие от Царской России в годы СССР сотрудничество с Ираном велось исключительно в торгово-экономическом секторе. Ни о каком влиянии, которое было ранее (до 1917 г.) уже не могло быть и речи. Этому также способствовало крушение колониальной системы, которая в корне изменила методы внешнего влияния на государства, находящиеся в сфере интересов мировых держав.

После исламской революции Иран вступает в конфронтацию с США, поэтому был вынужден искать партнеров для защиты своих интересов. США начиная, с 90-х годов, активизировали свою внешнеполитическую деятельность на Ближнем Востоке, что подтолкнуло Иран к сближению с РФ.

Цель исследования - оценить влияние России, в Иране начиная с официального установления дипломатических отношений до наших дней.

Иран в сфере интересов Царской России.

¹ Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств / П.П. Бушев. – М.:Наука, 1976. – С. 45.

² Ларинова А.Ю. Англо-русское соперничество в Персии в отечественной публицистике 1900-1940 – х годов. / А.Ю. Ларинова // Вестник РУДН Серия: Международные отношения. 2012. № 2. – С. 60-67.

Первая четверть XVIII в. ознаменовалась изменениями во внешней политике царской России. В первую очередь это было связано с деятельностью Петра I (1682-1725 гг.), который хотел поднять престиж и статус своей державы, ставшей империей в его правление¹.

Таким образом, на данном этапе развития отношений двух государств ограничивалось лишь использованием Россией Персии для достижения собственных целей в борьбе с Османской империей. Российская империя, будучи заинтересована в укреплении своих рубежей в Прикаспии и на Кавказе, по результатам дипломатической миссии А. П. Волинского в 1715 г., рассматривала варианты заселения южного берега Каспийского моря своими войсками, это было возможным по причине обострения кризиса центральной власти в Персии. Кроме этого Россия опасалась того, что этот кризис может быть использован другими странами для усиления своих позиций в регионе, и в первую очередь Турцией.

Следуя намеченному внешнеполитическому курсу в регионе, Российская империя организовала Персидский поход (1722-1723 гг.), по итогам которого к России отходили южное и западное побережья Каспийского моря с Дербентом, Баку, Рештом и провинциями Ширван, Гилян, Мазендеран и Астрабад. Россия обещала Персии военную помощь против вторгшихся в пределы последней восставших афганских племён и Турции². После подписания Петербургского мирного договора в 1723 г. Сефевидский Иран (1501-1722, 1736 гг.) оказался в сфере влияния Российской империи.

По мере ослабления турецкой опасности Россия возвращала Персии прикаспийские земли. Отказ России от прикаспийских земель был обусловлен также и тем обстоятельством, что Россия готовилась к войне с Турцией (война 1736-1739 гг.) и хотела иметь в лице Персии своего союзника.

В годы распада Сефевидской державы в 1721 г. Персидской империи политика Петра и действия русских войск в Прикаспье: помогли Персии отстоять свою независимость. Вмешательство России сыграло положительную роль в сохранении независимого персидского государства.

Следующим подписанным русско-иранским документом стало соглашение 1732 года, самое крупномасштабное в XVIII веке. Несмотря на то, что по Рештскому договору обе стороны получали почти равные права, Россия добилась разрешения беспошлинно торговать и перевозить свои товары транзитом в другие страны³.

«Большая игра»

В XIX – начало XX вв. разворачивается борьба между Британской и Российской империями за контроль над Средней Азией, получившей в истории название «Большая игра»⁴.

Заинтересованность России в данном регионе объяснялась её стремлением обезопасить южные границы своей державы от набегов местных народов, а также получением выхода на среднеазиатский рынок. Таким образом, ввиду вышеперечисленных причин, в XIX – начале XX вв. меняется отношение Российской империи к Ирану.

С тех пор как Иран попал в поле зрения колониальных держав, борьба за контроль над этим государством стала занимать одно из важнейших направлений в международной политике.

¹ Лубнин Д.А. Персидский поход Петра Великого / Д.А. Лубнин // Исследователь. – М., 2015. – С. 22-46.

² Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX - начало XX века) / Л.М. Кулагина, Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения ; [отв. ред. Н.М. Мамедова]. – М.: Ключ-С, 2010. – 115 с.

³ Там же. – С. 120.

⁴ Ларинова А.Ю. Англо-русское соперничество в Персии в отечественной публицистике 1900-1940 – х годов / А.Ю. Ларинова // Вестник РУДН Серия: Международные отношения. 2012. № 2. – С. 60-67.

По мнению Кулагиной Л.М. Русско-иранских отношений в период с 1804 по 1830-е гг. русско-персидская война (1804-1813 гг.), по сути, являлась частью противостояния между Англией и Россией и попыткой последней не допустить проникновения англичан в Иран. Гулистанский мирный договор 1813 г., подписанный по итогам этой войны, обязывал Иран передать России земли, завоёванные ей в ходе конфликта, и подтвердил господство русского флота на Каспийском море. Следующий, Туркманчайский мирный договор 1828 года, по которому отходили территории — Восточной Армении, а также русские купцы получили право свободной торговли на всей территории Ирана¹.

Последующий период с 1830 по 1850-е гг. ознаменовался мирными отношениями между Россией и Ираном. Этому способствовала политика Российской империи в Средней Азии, и ростом её международного влияния и авторитета².

Немалое место занимает образованная в 1879 году, в правление Насира ад-дина шаха казачья бригада. Сформированное подразделение, показало себя как самая эффективная часть армии Ирана до начала Первой мировой войны (1914-1918 гг.). По мнению Иванова М.С., она оказала заметное влияние на политическую ситуацию в Иране, вмешиваясь в государственные дела, особенно во время революции 1905-1911 гг., а затем восстания Резы-шаха Пехлеви³.

Создавая подобное воинское подразделение, правительство Российской империи рассчитывало с его помощью оказывать влияние на правящие круги в Иране, а также укрепить свои позиции в этой стране. Кроме того, эти офицеры, одновременно являлись и действительными служащими русской армии, которые находились в Иране согласно контракту, как инструктора.

Роль казачьей бригады в истории Ирана довольно противоречива. Она существовала для сохранения территориальной целостности государства, охраняла шахский режим, однако при этом помогала России упрочить своё влияние в Иране и сохраняла уже отсталые феодальные институты иранского общества.

Инициатором экономического подчинения Ирана с середины XIX в. принадлежала Англии, т.к. стала применять новые методы проникновения в Иран, добиваясь разнообразных концессий, Царская Россия, чтобы не потерять своего влияния в Иране, также активизировала свою деятельность в этой стране и добивалась аналогичных концессий и привилегий для России.

Таким образом, Российская дипломатия добивалась разнообразных концессий и монополий в Иране, которые соответствовали интересам России и способствовали росту ее политического и экономического влияния. Фактически в собственности России и Англии находились линии телеграфной связи, пути сообщения, рыбные промыслы и т.д., причем в северном Иране господствовала Россия.

Поражение в русско-японской войне 1904-1905 гг. подорвало международный престиж России и ухудшило ее экономическое положение. Международная обстановка складывалась так, что Россия и Англия шли к соглашению, которое было подписано в 1907 г. Усиление германской экспансии на Ближнем Востоке, начавшаяся революция в Иране (1905-1911 гг.) и подъем национально-освободительного движения в Индии, способствовали сближению позиций России и Англии⁴.

¹ Кулагина, Л.М. Россия и Иран (XIX - начало XX века) / Л.М. Кулагина, Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения ; [отв. ред. Н. М. Мамедова]. – М.: Ключ-С, 2010. – С. 120.

² Ларинова А.Ю. Англо-русское соперничество в Персии в отечественной публицистике 1900-1940 – х годов / А.Ю. Ларинова // Вестник РУДН Серия: Международные отношения. 2012. № 2. – С. 60-67.

³ Гоков О.А. Кризис в персидской казачьей бригаде 1899 – 1895 гг. / О.А. Гоков // Клио. 2008. № 2 (41). – С. 91-98.

⁴ Иванов М.С. Иранская революция 1905-1911 гг. / М.С. Иванов. – М.: ИМО, 1957. – С. 40-45.

Слухи об англо-русском сближении тревожили шахское правительство. В соперничестве Англии и России оно видело определенную гарантию своего независимого существования. Иранская дипломатия даже попыталась поднять вопрос о более широком соглашении с Россией, но неокрепшая Россия не могла пойти на такой широкий союз.

Российское правительство с самого начала иранской революции (1905-1911 гг.) было настроено к движению отрицательно. Это можно объяснить несколькими причинами: революционные события происходили в основном в северных районах Ирана, где были сосредоточены главные интересы и концессии России. Ее убытки, даже по замечанию англичан, исчислялись сотнями тысяч. Кроме того, российские власти рассматривали иранскую революцию как продолжение русской революции.

Иванов М.С. отмечает, что Иранское правительство было не в состоянии восстановить порядок на обширной территории страны и в 1909—1910-е гг. отмечалось более активное, чем раньше, вмешательство европейских держав и в особенности России, во внутренние дела Ирана с целью подавления демократического, антифеодального движения в стране. Под предлогом охраны иностранных подданных, консульств и учреждений Россия направляла в Иран все новые военные силы, чтобы сохранить и закрепить свои позиции¹.

Таким образом, подавление революции привело к еще большему закабалению Ирана Россией и Англией. В марте 1912 г. иранское правительство вынуждено было официально заявить, что обязуется согласовать свою политику с англо-русским соглашением 1907 г.

Начавшаяся Первая мировая война (1914-1918 гг.) только усилила эксплуатацию и бедствия переживаемые народными массами Ирана. В условиях преобладающего влияния Англии и России в Иране германская пропаганда находила своих сторонников во всех слоях иранского общества.

Можно прийти к выводу, что укрепление Российской позиции в северных провинциях оказало неоднозначное влияние на политическое и социально-экономическое развитие Ирана. С одной стороны, оно способствовало подъему хозяйственного развития этих областей. С другой — все больше включало их в орбиту российских экономических интересов и содействовало росту их политической и экономической зависимости от России и Англии.

Февральская революция в России и падение самодержавия вселили надежды Ирана на возможность изменения русской политики России. Иранское правительство признало новое правительство России и выразило уверенность, что, «с падением царского режима трения между Россией и Персией будут устранены».

Советский период

Однако российско-иранские отношения в 20-30 х гг. XX в. развивались не гладко. С одной стороны, Советская Россия заявила об отмене всех неравноправных договоров царского правительства с Персией и о передаче ей имущества, принадлежащего подданным России в Иране и аннулировании всех долгов шахского правительства. Это, безусловно, создавало благоприятные условия для укрепления иранской государственности, с другой стороны, руководство России, выдвинув лозунг о скорейшем свершении мировой коммунистической революции, стало настойчиво проводить политику экспорта этой революции².

Планы Москвы по советизации Ирана с использованием Азербайджанского плацдарма потерпели фиаско. Хотя в гялянских событиях (1920-1921 гг.), большевики тщательно скрывались за спиной Советского Азербайджана, дабы «сохранить лицо» и избежать международного скандала, однако, не удалось утаить свои подлинные намерения.

¹ Там же.

² Мамедли А. А. Отношения Иран-СССР (1979- 1991) / А. А. Мамедли // История и ее проблемы. 2000. № 2. – С. 13-17.

Таким образом, двойственная политика Советской России в начале XX в. оттолкнуло от себя Иран. Для реабилитации своего положения были направлены послания Ирану и уже в 1921 г. был заключен договор, по которому подтверждались принципы дружбы и взаимного уважения.

Принципиально новым в практике договорных отношений Ирана начиная с XIX – начало XX в. с великими державами явилось то, что Иран как одна из стран-участниц договора признавался во всех отношениях равноправным партнером в межгосударственных отношениях.

Однако Реза-шах насторожено относился к Советской России, поэтому не стремился проявлять особого сближения, несмотря на то, что действовали двухсторонние политические и торговые договоры (1924 г., 1927 г.) Этому было несколько причин: распространение коммунистических идей в иранские области; подозрение шаха о готовившемся на него покушении НКВД, также у сторон были территориальные споры на владение территорий на Фирузе и проблема добычи нефти в пограничной зоне¹.

Натянутые отношения между Ираном и СССР длились и во время Второй мировой войны. Опасаясь Советского Союза, не получая выгодного сотрудничества со странами Европы, Реза-шах решает на сотрудничество с Германией, а с начала Второй мировой войны фактически принял сторону фашистской Германии. В этой связи в сентябре 1941 г. СССР, руководствуясь упомянутым положением Договора 1921 г., временно ввел свои войска на территорию Ирана в целях защиты своих границ. Одновременно с юга в страну вступили британские войска, но уже в 1943 г. на Тегеранской конференции установлены союзнические отношения Советского Союза и Великобритании с Ираном².

В первые послевоенные годы советско-иранские отношения развивались всё также неровно, возникли разногласия связанные с выводом из Ирана советских воинских подразделений, в историю вошёл как «Иранский кризис», произошедший в 1946 году. После вывода из страны подразделений советских вооруженных сил и разгрома движений за автономию в Иранском Азербайджане и Северном Курдистане было сильно подорвано влияние СССР в Иране.

Налаживание отношения с Ираном стало при участии Н.С. Хрущева. В 1957 г. в Тегеране были подписаны протоколы о советско-иранской границы, а также соглашение о транзите через территорию СССР. 1958 г. - соглашение о железнодорожном сообщении между Москвой и Тегераном. Однако выполнение некоторых соглашений, заключенных с Советским Союзом, иранской стороной затягивалось, что отчасти было связано с дальнейшим сближением Тегерана с Вашингтоном. Помимо этого существовали разногласия СССР с Ираном, а именно вступление Ирана в 1955 г. в Багдадский пакт между Ираком и Турцией, к которому затем присоединились Великобритания, Иран и Пакистан; договор положил начало созданию военной группировки - СЕНТО, а также военное соглашение с США 1959 г., приглашение американских военных советников в Иране. Советский союз также не учёл новую геополитическую ситуацию, в которой между Ираном и Иракской Республикой с самого начала возникли серьезные разногласия по пограничным и другим вопросам, в тоже время Советский Союз для Багдада стал главным источником поставок вооружения и военной техники³.

Таким образом, вышеперечисленные соглашения, мешали дальнейшему сотрудничеству СССР с Ираном.

¹ Комаричева С.А. Политика СССР в Иране (1921-1941 гг.) / С. А. Комаричева // НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. – М., 2017. – С. 120-127.

² Там же.

³ Сажин В. Стратегическое партнерство России и Ирана на новом этапе: что мы можем предложить друг другу? / В. Сажин // Российский совет по международным делам Центр по изучению Ирана и Евразии. Под ред. И.С. Иванова. – М. 2017. – С 15.

Один из важных договоров между СССР и Ираном, было заключено в правлении Брежнева Л.И. о научно-технического содействия в строительстве металлургического завода, машиностроительного завода и трансиранского газопровода для поставки газа в Советский Союз, по инициативе самого шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Данный договор стал одним из предпосылок экономического роста Ирана в 60-70-х годах.

Инициированное шахом сближение с СССР послужило одним из серьезных «яблок раздора» с Вашингтоном, бросившим, в конечном счете, монарха на произвол исламской революции 1979 г¹.

Исламская революция

В период установления Исламской Республики Иран (1978 г.) советско-иранские отношения трансформировались под влиянием Исламской революции. Если Советский Союз, учитывая стремление Тегерана занять лидирующие позиции в ближневосточном регионе, предоставлял ему свои рынки для сбыта транзита иранских товаров и доступ к новым технологиям в области энергетики, то Иран рассматривал СССР не только как противовес американскому влиянию, но и как силу, способную потеснить США в районе Персидского залива. Стоит отметить, что революция в Иране была встречена СССР благожелательно. Советский посол был первым из иностранных послов, кого принял после победы революции новый иранский лидер аятолла Хомейни².

Однако дальнейшего сближения между странами не было. Начавшая ирано-иракская война (1980-1988 гг.) стала затрагивать интересы СССР, в том числе и интересы безопасности, как в международном, так и в региональном плане. Вскоре стала одной из страной, которая желала быстрого завершения ирано-иракской войны.

Российская Федерация и ИРИ

Стабильными и более масштабными стали технико-экономические контакты ИРИ с Россией после распада СССР. Заметный толчок этому дало подтверждение правительством Российской Федерации своей готовности оказать Ирану всемерное содействие в упрочении его обороноспособности и восстановлении военного потенциала. Важное место в ирано-российских отношениях с начала 90-х годов стало занимать сотрудничество в области мирного атома.

Первое соглашение с Ираном в этом направлении было подписано в 1992 г. В начале 1995 г³.

По мнению Хлопкова А.В., ядерное сотрудничество как особое направление в отношениях между Ираном и Россией стало особо актуальным в начале 2000-х годов, сотрудничество с Ираном в сфере атомной энергетики принесло России большую прибыль, усиливается позиция Ирана в его противостоянии с США.

Одной из важных сфер взаимного сотрудничества двух стран является военное сотрудничество; оно состоит в основном из продажи Россией Ирану вооружения. Продажа Россией оружия Ирану способствует, с одной стороны, укреплению военной мощи Ирана, с другой – способствует получению здесь значительной прибыли.

После прихода Путина к власти, в начале 2000 годов, когда стало расширяться сотрудничество в сфере атомного оружия и энергоносителей, получившее стратегический характер. Данное сотрудничество со

¹ Мамедли А.А. Отношения Иран-СССР (1979- 1991) / А. А. Мамедли // История и ее проблемы. 2000. №2. – С. 13-17.

² Там же.

³ Хлопков А.В. Ядерная программа Ирана – незаконченная история / А.В. Хлопков // У ядерного порога. – М., 2007. – С. 34–61.

стороны России в рамках кризиса американо-иранских отношений носит характер принципа «не попадать под прицел ни одной из сторон».

Таким образом, значительное сужение, а в некоторых сферах - полное сокращение технико-экономического сотрудничества и торгового обмена между ИРИ и США оказали сильное влияние на изменение политики Тегерана в отношении Российской Федерации. Такой исторический перелом произошел в начале 00-х годов.

Общей задачей является борьба с наркопреступностью, политическим и религиозным экстремизмом и терроризмом. Российская Федерация и Исламская Республика предпринимают усилия, в том числе и совместные, для конструктивного преодоления проблемы иранской ядерной программы (ИЯП)¹.

Таким образом, Иран всегда занимал особое место во внешней политике России, это подтверждает четырёхсотлетний опыт взаимоотношений. Несмотря на то, что отношения не всегда были доброжелательными, важность двухстороннего сотрудничества никогда не пропадала. Влияние России на Иран на протяжении XIX – начало XX в. было значительным, Россия могла влиять на внутреннюю и внешнюю политику. Исходя из соперничества Англии и Царской России, Ирану представлялась возможность сохранить на время свою государственную и формальную независимость. Совершенно иной подход продемонстрировал Советский Союз к Ирану, он впервые ввёл принцип равенства в отношениях с Ираном и отменил все неравноправные договоры заключённые Царской России, однако это не повлияло на дальнейшее сближение между двумя странами. Лишь экономическое и техническое сотрудничество сближало СССР и Иран, металлургический завод близ Исфахана, машиностроительный завод в Араке и тд., все эти объекты имели важное значение для создания и дальнейшего развития различных отраслей промышленности стало основой развития экономики Ирана. Заметно улучшились взаимоотношения Ирана после распада СССР. На сегодняшний день Россия играет значительную роль в развитии экономики Ирана, поддерживает и укрепляет ее. Страны занимают схожие позиции по каждому вопросу, касающемуся урегулирования сирийского кризиса и активно взаимодействуют друг с другом, направляют усилия на сдерживание устремлений американской внешней политики.

¹ Феязи А. Н. Российско-иранские стратегические отношения в современных международных отношениях / А. Н. Феязи // Вектор науки ТГУ. №2(5). 2011. – С. 104-107.

С.М. Рубцов

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

ЧУДОТВОРЦЫ ВОСТОКА И РИМСКАЯ АРМИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МАРКА АВРЕЛИЯ (161-180 гг. н. э.)

Религиозные представления являются неотъемлемой составляющей менталитета личного состава римской армии. Культы различных богов помогали солдатам и офицерам более стойко переносить трудности несения повседневной военной службы, преодолевать природные преграды во время походов, а самое главное, на наш взгляд, проявлениями своей воли вселяли уверенность в окончательную победу над врагами.

Иконографические памятники эпохи принципата наглядно свидетельствуют о наличии в армии различного рода жрецов, совершающих жертвоприношения богам. На рельефах колонны Траяна можно увидеть многочисленные сцены, когда на преторий, где собрались одетые в праздничные одежды воины, ведут жертвенных животных.¹ Ни одно начало военных действий не обходилось без предварительных гаданий по поводу результатов всей кампании. Это было очень важно для поднятия воинского духа армии, вселяло уверенность в победу, а солдаты, обнадёженные в успехе, более решительно вступали в бой с врагом.

Существовало два типа предсказаний: по полёту птиц и по внутренностям жертвенных животных, где особое место отводилось расположению сосудов печени. Первые гадания осуществляли жрецы-авгуры, а вторые так называемые гаруспики. Они всегда сопровождали римскую армию, находясь в свите командующего. Если значение первых с I в до н э стало постепенно падать, то вторые просуществовали в её рядах практически до конца принципата, оказывая влияние на моральное состояние личного состава.

Со II в. до н. э., по мере продвижения на восток, всё большее распространение во всех слоях римского общества получают культы эллинистических государств. Особое место среди их служителей занимают всевозможные чудотворцы и пророки. Так, например, по свидетельству Диодора, сириец Евн, дурачил простодушных рабов, с помощью двух полых скорлупок грецкого ореха пуская дым изо рта и предсказывая создание на Сицилии Новосирийского царства, что в конечном итоге привело к грандиозному восстанию.

В 30 г. до н. э. последнее эллинистическое государство, Птолемеевский Египет, было поглощено Римом. С правления Октавиана Августа наступает период так называемого принципата, а культурное и религиозное влияние Востока всё более нарастает, охватывая не только низы, но и высшие слои римского общества. В том числе высший командный состав армии. В этом отношении хорошо известен пример еврейского историка Иосифа Флавия, который сам об этом пишет в «Иудейской войне», а, кроме того, подтверждается свидетельствами и других античных авторов (Ios. B. Iud. III.8.9., Suet. Vesp. 5.6.). Будучи одним из лидеров восстания в Иудее в 69 г н э, он был схвачен и приведён к легату императора Нерона Флавию Веспасиану, которому предсказал достижение высшей власти в Риме. На наш взгляд, будущий летописец в своём просветлении несколько хитрил, так как было известно, что легат, начиная военную кампанию против восставших, уже получил подобное предсказание от жрецов филистимлянского бога войны Кармела (Suet. Vesp. 5.6., Tac. Hist. II.78). Тем не менее, вскоре об этом стало известно в войсках, вероятно, в определённой мере увеличив количество сторонников будущего императора.

¹ Rossi L. Trajan's Column and the Dacian Wars. Ithaca. 1971. P. 144. Fig. 9

Но далеко не всегда предсказания восточных пророков заканчивались для римской армии счастливым успехом. Несколько случаев подобного рода выделяет в своём произведении «Александр или лжепророк» сатирик Лукиан из сирийского города Самосаты (120 – 180 гг. н. э.). Несмотря на то, что во многих сочинениях, он высмеивает религиозные предрассудки современников, отмечая, что они только своим обликом отличаются от баранов, доверять сообщаемым им фактам, на взгляд исследователей творчества этого автора, всё же можно. Он был современником тех событий, о которых сообщает в «Александре», а, кроме того, мы не видим достаточных оснований для их фальсификации. Тем более что в целом они подтверждаются римскими историками эпохи принципата.

С начала правления Марка Аврелия (161 – 180 гг. н. э.) Римская империя вступила в период затяжных войн. Сначала на востоке против парфян, а затем на севере против многочисленных германских племён. Особенно тяжёлыми были сражения на всём протяжении рейнско - дунайской границы, растянувшиеся на долгих пятнадцать с лишним лет. В литературе они получили название «маркоманнских» войн. Рим провёл против маркоманнов и их союзников несколько наступательных кампаний, которые далеко не все закончились «бонус эвентус» (счастливым исходом). Хотя первые бои с германцами начались в 167 г. н. э., лишь в мае 170 г. н. э. векиляции пяти легионов и многочисленные ауксии готовы были перейти через Дунай для решительного столкновения с врагом. И, видимо, чтобы поднять воинский дух легионеров, пошатнувшийся ранее в результате неудавшихся стычек, императорский совет принял решение прибегнуть к помощи предсказателя-пророка. Если верить Лукиану, который пожалуй единственный оставил нам описание некоторых подробностей этой неудачной кампании, избранным провидцем оказался некий Александр из маленького сирийского городка Абонотиха. Если исходить, как это было показано ранее, из общего морально-религиозного состояния римского общества I – II вв. н. э., то ничего удивительного мы в данном поступке не найдём.

Александр уже ранее прославился своими предсказаниями во время предыдущей войны с парфянами на востоке (161 – 165 гг. н. э.). В самом начале военных действий он выдал в стихах пророчество, хоть и опытному, но нерешительному наместнику Каппадокии Марку Седацию Севериану, которого Лукиан с юмором называет за происхождение из Галлии «глупым кельтом», уверив его в предстоящем успехе: «Быстрым копьем покорив парфян и армян, ты вернёшься в Рим и над Тибра водой прозрачной пройдёшь – победитель, кудри свои увенчав лавровым венком лучезарным» (Lucian. Alex. 27). Убеждённый в победе, наместник поступил необдуманно, атаковав всего лишь с одним IX легионом превосходящие во много раз войска парфянского царя Вологеза. Разгромленный под Элегейей в Армении, он покончил с собой (Dio. Cass. LXXI.2.1), а его воинская часть, как отмечают многие исследователи, перестала существовать.

Несмотря на лжепророчество, вскоре после окончания военных действий на востоке, Александр, в русле отчаянных мер, предпринимаемых Марком Аврелием в борьбе с занесённой из Месопотамии эпидемией чумы, когда со всех уголков империи собирались жрецы различных культов, всевозможные маги и чародеи, пробрался в столицу, где внёс свой посильный «вклад» в борьбу с болезнью, обманывая простодушных квиритов новым пророческим изречением: «Тучу заразы от вас отражает сам Феб длиннокудрый» (Lucian. Alex. 36). Призыв к лучезарному Аполлону – Врачевателю необходимо было начертать на двери инсулы всем жителям Рима, дабы спастись от заразы. Но новое стихоплётство прохвоста, по свидетельству биографа Марка Аврелия, Капитолина, не помогло, как, впрочем, и другие обращения к авторитетным богам. Чума на протяжении ещё более пятнадцати лет, то затухая, то вспыхивая вновь, продолжала косить ряды, как гражданского населения так и личного состава армии (SHA. Marci. XVII.2).

Тем не менее, возвышение жулика продолжалось. Путём замужества своей дочери, рождённой по его уверениям самой Луной, с приближённым императора неким Рутиллианом, наивно поверившим в его сверхспособности, Александр с помощью престарелого зятя попал в свиту Марка Аврелия. Накануне открытия военной кампании против маркоманнов он послал ему следующий оракул: «В воды быстрого Истра, реки ниспадающей с неба, бросить велю я скорей двух слуг богини Кибелы, с гор приведённых зверей и цветы, благовонные травы, Индии воздух живительный кои вдыхали. Победа тотчас придёт со славой великой и миром желанным» (Lucian. Alex. 48). Последние слова предсказания, видимо, пришлись особенно по душе императору, так как известно, что Марк Аврелий не любил войну и обязанности верховного главнокомандующего выполнял лишь в качестве необходимой обязанности долга, к которому призывала философия стоицизма.

Не исключено, что со стороны императорского совета и проявился определённый скептис, однако рекомендации пророка, как пишет Лукиан, были выполнены. Двух львов, «слуг богини Кибелы», привезённых из Рима для травли в одном из амфитеатров Карнунта (совр. Петронель в Австрии) вместе с венками и благовониями бросили в воды Данубия. Львы благополучно переплыли реку, но на левом берегу варвары убили слуг Кибелы палицами, приняв их за разновидность волков. Дальнейшие события неудавшегося наступления не известны. Римские историки очень кратко упоминают о кошмарном поражении, стоившем жизни двадцати тысяч солдат, но, очевидно, что-то пошло не так, как запланировал императорский совет. В современной литературе существует несколько объективных точек зрения, объясняющих причины поражения римской армии, понёсшей тяжёлые потери. Погиб даже командующий экспедиционными частями префект претория Марк Виндекс (Dio. Cass. LXXII.3(5)). Но, возможно, в определённой степени на моральное состояние нового личного состава легионов, набранного вследствие эпидемии чумы из кого попало, даже из числа вольноотпущенников, повлияло убийство жертвенных животных варварским оружием. Солдаты просто не верили в успех операции за Дунаем.

Дальнейшие события маркоманнских войн также наполнены всевозможными чудесами, повлиявшими на ход военных действий. Наиболее известно из них так называемое «чудо дождя», исследованию которого посвящена немалая, как отечественная так и зарубежная критическая литература. В отличие от произведения Лукиана, где, возможно, звучат фольклорные мотивы, связанные с личной неприязнью автора к его герою, факт «чудесного дождя» документально зафиксирован на наглядном памятнике этого времени, украшающем до сих пор площадь Колонны в Риме.¹ На шестнадцатой сцене колонны Марка Аврелия показано, как длинные струи дождя обрушиваются на римскую армию с одежд старца божественная сущность которого до сих пор вызывает жаркие споры у исследователей. Обыкновенно это изображение связывают с сообщаемым Дионом Кассием событием, когда запертые союзниками маркоманнов кладами в ущелье легионы, страдая под зноем от нехватки воды, готовы были сдаться врагу, но внезапный ливень вдохновил воинов отчаянно сражаться и в конечном итоге одержать победу (Dio. Cass. LXXII.8.1-4). Мы не будем подробно останавливаться на анализе различных точек зрения авторитетных учёных относительно того, кем и с помощью какого божества было вызвано данное чудо, спасшее попавшую в критическое положение римскую армию. На наш взгляд, аргументация сторонников той или иной концепции далеко не безупречна, не говоря уже о той, что выдвигалась в своё время комментатором историка монахом Ксифилином. Но, как полагал сам Дион, божественный дождь был вызван египетским чародеем неким Арнуфием или Гарнуфием, находящимся в свите императора, лицом, действительно историческим. Уместно, думается, заметить, что жрецы-чудотворцы этой страны пользовались популярностью в Риме в период принципата. Например, уже упоминаемый ранее легат восточных легионов, будущий император Веспасиан Флавий,

¹ Petersen E. Die Marcus-Saule auf Piazza Colonna in Rom. Munchen. 1896. Taf. 22-23.

как свидетельствует Корнелий Тацит, прежде чем направиться в Рим, проконсультировался в Египте о будущем государства у пророков в храме Сераписа и Исиды (Тас. Hist.IV.82).

Таким образом, можно, на наш взгляд, отметить, что боеспособность римской армии зависела не только от степени её организованности, экипировки и тренированности, но и от благоприятного морального состояния, которое поддерживалось верой в окончательную победу над врагом. Проявление божественной воли, передаваемое через оракулов или различного рода чудеса вселяли уверенность в успех в среде, как рядовых легионеров так и командного состава. Определённую лепту в этот процесс в период принципата внесли и чудотворцы Востока. В целом, можно согласиться с мнением А.В. Махлаюка, что не стоит преувеличивать «...положительное воздействие религиозной веры на моральное состояние и поведение солдат римской армии...», но и недооценивать его также нельзя.¹

¹ Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. Санкт-Петербург. 2006. С. 362

*А.А. Калашиников**Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)*

НАЕМНЫЙ ТРУД НА КОММЕРЧЕСКИХ ЛЕСОЗАГОТОВКАХ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1916– 1917 гг.)¹

В предреволюционный период лесная и земельно-арендная отрасли являлись основой хозяйственной деятельности Кабинета его императорского величества (далее – Кабинет е.и.в.) в Алтайском округе. Еще во второй половине XIX в. на территории Алтайского горного (с 1896 г. – Алтайского) округа сложилось два способа эксплуатации лесов, которые практиковались кабинетскими властями в целях извлечения прибыли. Первый из них в официальных отчетах получил название «натурального» (продажа леса непосредственно потребителю, который будет осуществлять заготовки лесоматериалов собственными силами), второй – «коммерческого» (хозяйственная заготовка леса производилась управлением округа силами наемных рабочих, лес частично перерабатывался на кабинетских лесозаводах, производился сбыт готовых лесным сортаментов) лесного хозяйства². По мнению Т.Н. Соболевой, в течение 1900–1917 гг. ведущие позиции в Алтайском округе принадлежали «натуральному лесному хозяйству». Однако, судя по полученным округом доходам в 1916 г., в предреволюционный период его доля явно стала уступать коммерческому. По всей видимости, это стоит связывать с понижением платежеспособности населения, а также с ограничением прав лесничих на заключение крупных торговых сделок³. В 1916 г. в результате коммерческих лесных операций Алтайский округ получил 1 499 553 руб. или 39,4% от всех полученных доходов⁴. Согласно смете доходов Министерства императорского двора на 1917 г., от коммерческих лесных операций в Алтайском округе планировалось выручить 2 351 212 руб., что составляло почти 43% планируемых доходов Министерства от Алтайского округа⁵. Исходя из увеличивавшегося процентного соотношения, мы можем утверждать о планировавшемся увеличении доли коммерческого лесного хозяйства в Алтайском округе накануне революционных событий.

На сегодняшний день имеется обширное число публикаций, посвященных лесной отрасли кабинетского хозяйства в Алтайском округе в предреволюционный период (работы М.О. Тяпкина, Е.А. Карпенко, Т.Н. Соболевой, П.А. Афанасьева и др.). Тем не менее несмотря на всю важность такого фактора производства как труд, слабо изученной остается проблема привлечения и использования наемного труда на коммерческих лесозаготовках в Алтайском округе, что было особенно актуально в сложных социально-экономических условиях Первой мировой войны. Не претендуя на исчерпывающую полноту, на основе материалов фондов Государственного архива Алтайского края, мы предпринимаем попытку осветить деятельность наемных рабочих (казахов, военнопленных, крестьян), привлекаемых к коммерческим лесозаготовкам Кабинета е.и.в. в Алтайском округе в предреволюционный период, а также оценить продуктивность их деятельности.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00439

² Соболева Т.Н. Основные формы кабинетской лесозаготовки в лесоторговле в Алтайском округе (1900–1917 гг.) / Т.Н. Соболева // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 2. XVIII в. – 1920-е гг.: Сб. науч. статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 169.

³ Там же. С. 180–181.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 45. Д. 45. Л. 2 об.

⁵ Там же.

За коммерческие лесозаготовки в Алтайском округе отвечала Контора коммерческих лесных операций. Заготовка леса в лесничествах осуществлялась под руководством лесничих, их помощников либо специально назначенными для этих целей заведующими районами заготовок или приказчиками. Внедренная начальником Алтайского округа В.П. Михайловым система финансирования и отчетности по денежным оборотам коммерческих предприятий стимулировала заключение быстрых и выгодных торговых сделок¹. Для осуществления коммерческих хозяйственных лесозаготовок традиционно использовался наемный труд местного населения, при этом рабочие формально делились на постоянных и временных. Существовало две формы оплаты труда – поденная и сдельная. Размер поденной платы за рабочие руки мог отличаться в различных волостях, об установленных расценках лесничего уведомляло волостное правление. Величина платы зависела от наличия лошади, пола, возраста потенциального работника, а также от месяца, в котором должны производиться работы². Рациональнее на коммерческих лесозаготовках было использовать сдельную оплату труда, размеры которой также зависели от характера и условий работы. Так, в 1915 г. в Чулымском лесничестве за свозку бревен в пределах лесосеки платили от 15 до 45 коп. за штуку, вершин – 4 коп., за вырубку, протеску и свозку хлыстов рабочим платили от 3 до 15 коп. за штуку³. Оплата производилась на месте, иногда практиковалась выдача задатков – расчет с подрядчиками или выдача овса возчикам, что не одобрялось администрацией округа, так как значительно усложняло отчетность и порождало различные злоупотребления. При работе в отдаленных лесных массивах рабочие жили в специально отстраиваемых бараках либо в палатках, в отдельных случаях допускалось размещение на кордонах лесной стражи.

Прямым следствием Первой мировой войны стало появление за Уралом военнопленных. Так, на январь 1917 г. на территории Омского военного округа находилось 199 077 военнопленных⁴. Гаагская конвенция допускала использование труда нижних чинов в соответствии с их способностями, знаниями, квалификацией. Призыв на военную службу основного костяка работников лесной отрасли (особенно лесной стражи, формировавшейся из чинов запаса) создавал ситуацию кадрового дефицита. Для замещения свободных вакансий Управление Алтайского округа использовало труд содержащихся в Барнауле военнопленных офицеров, имевших лесное образование и изъявлявших желание принять участие в лесоустроительных, лесокультурных и лесоинспекторских работах⁵. Управление округа не устояло перед соблазном использования труда военнопленных и на коммерческих лесозаготовках.

Совершая поездку в Верх-Обский лесной массив в феврале-марте 1916 г., начальник Алтайского округа В.П. Михайлов отметил, что во всех посещенных лесничествах видно стремление провести коммерческие заготовки в возможно большем размере, однако в одном районе заметил «механическо-формальное отношение, заготовка идет без критики и экономической оценки всех факторов, по

¹ Соболева Т.Н. Коммерциализация лесного хозяйства Алтайского округа в 1911–1916 гг. / Т.Н. Соболева // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.): Межвузовский сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 182.

² Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4571. Л. 29–35.

³ Соболева Т.Н. Коммерциализация лесного хозяйства Алтайского округа в 1911–1916 гг. / Т.Н. Соболева // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.): Межвузовский сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 185.

⁴ Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь: монография / М.В. Шиловский. – Новосибирск: Автограф, 2015. С. 169.

⁵ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 539. Л. 1-3.

шаблону, а в другом – наоборот преобладает исключительно коммерческий взгляд на дело»¹. Так, в Бобровском районе, где применялся труд военнопленных, по наблюдениям начальника округа, не было никакого хозяйственного плана правильного использования их труда, не было надлежащего наблюдения за их работой. Военнопленные при этом состояли на довольствии в два фунта мяса и три с половиной фунта хлеба на человека. «Военнопленные лодырничали, отговаривались болезнью, а при выходе на работы делали кое-что, производя легкие работы. Благодаря такой постановке один куб вырубленного леса военнопленными обошелся в 6 руб. 16 к., в то время как эта работа вольными рубщиками обходилась в 2 руб. 32 коп., а по смете была определена в 2 руб. 50 коп.»².

Неотъемлемым элементом трудовых отношений округа являлось казахское население. В 1908 г. в трех степях, Ремовской, Коростелевской и Бельгагачской, было зарегистрировано 1508 казахских хозяйств, 1353 из которых были некучующими³. Казахи нанимались к местному населению и занимались пастьбой скота, полевыми работами. Управляющий Усть-Каменогорским именованием отмечал в рапорте Управлению округа от 3 сентября 1897 г.: «Как рабочий киргиз (т.е. казах – А.К.) дешевле и безответнее русского, и потому население, вообще говоря, его эксплуатирует, почти всегда нанимая его на разные работы именно в то время, когда с него взыскивают подати – это в октябре, ноябре и декабре месяцах; в это время он идет на всевозможные уступки, лишь бы получить требующуюся сумму; недаром же сложилась у местного населения поговорка: «зимой киргиз и душу черту продаст»⁴. Сферой приложения казахского труда стал не только аграрный, но и промышленный сектор экономики⁵. Управление округа не стеснялось использовать дешевую рабочую силу, привлекая казахов к ломке соли, горным и заводским работам, хозяйственной заготовке леса.

Первая мировая война ставила всех инородцев в особые условия. Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. предполагало привлечение казахов на тыловые работы, что, на наш взгляд, оказалось на руку местной кабинетской администрации. Вовлеченные в хозяйственную деятельность Кабинета е.и.в., казахи могли рассчитывать на предоставление им отсрочки призыва. Так, по ходатайству начальника Алтайского округа отсрочку получили ломщики соли на Бурлинских соляных промыслах⁶, где в сентябре 1916 г. работало 330 казахов, из которых 144 подлежали отправке на тыловые работы⁷. Несмотря на то, что согласно указаний Генштаба наем инородцев после начала реквизиций был запрещен, чины Управления округа иногда ставили свои хозяйственные интересы выше государственных. Так, по донесению заведующего Кулундинским переселенческим подрайоном, смотритель Бурлинских соляных промыслов, обнадеживая отсрочкой, продолжал вербовку годных на военные работы казахов⁸. Работникам лесопромысловой артели, организуемой Соляно-Озерским

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 509. Л. 25–25 об.

² Там же. Л. 25 об.

³ Анисимова И.В. Проблема землеустройства казахов-кочевников в Алтайском округе в конце XIX-начале XX в.: проекты и результаты / И.В. Анисимова // Этнокультурные и этносоциальные процессы в трансграничном пространстве России и Центральной Азии / отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 22.

⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2399. Л. 8 об.–9.

⁵ Лысенко Ю.А. Экономическая политика Российской империи в Степном крае и место казахов в системе межэтнического разделения труда / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова // Востокведные исследования на Алтае. – 2014. – № 8. – С. 75–95.

⁶ Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX– начало XX в. / Е.В. Карих; науч. ред. В.П. Зиновьев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 145; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 520. Л. 51.

⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 520. Л. 56.

⁸ Там же. Л. 44, 84.

лесничим, была предоставлена отсрочка на целый год, но всю предстоящую зиму 1916–1917 гг. они должны были «обслуживать лесопромышленное дело»¹.

Положение и деятельность казахов и военнопленных на лесозаготовках достаточно полно раскрывает доклад о поездке в Загайновское лесничество старшего лесничего Верх-Обского района Н.Н. Абрамова начальнику Алтайского округа от 15 февраля 1917 г. По личному поручению начальника округа старший лесничий должен был ознакомиться «с обстановкой жизни рабочих киргиз и военнопленных австрийцев», которые работали на хозяйственной заготовке леса Конторы коммерческих лесных операций округа в Большереченском районе заготовок². Всего на место заготовок было призвано 129 казахов и 12 военнопленных австрийцев. Наблюдало за ходом работы несколько русских солдат: 2 за казаками и 1 за австрийцами. К приезду Н.Н. Абрамова, 2 казаха умерли от неизвестной болезни. Далее мы приведем значительный фрагмент из доклада, описывающий быт и хозяйственную деятельность казахов: «При посещении моем мест рубок оказалось, что из 127 оставшихся в живых киргиз лежит в бараках близ Ярковского кордона 23 человека, два из которых были придавлены деревьями во время работы и теперь уже поправляются, не имея никаких следов увечья. Один из больных имеет отмороженные пятки ног, стертые после обморожения пимами и потому не может ходить. Остальные двадцать жалуются на боль головы, живота, поясницы, ломоту в ногах и руках, двое из них сильно кашляют и, по-видимому, больны опаснее других. У большинства больных, несомненно, сильно повышена температура. <...> Австрийцы живут во втором этаже кордона, киргизы в бревенчатых бараках с потолком из плах, присыпанных землей, с земляным полом. Отапливаются бараки железной печкой. Больные находятся в таких же, как и здоровые киргизы, бараках, но отдельно от них. Ухода за больными нет никакого, и они до сих пор находятся без всякой медицинской помощи, что, конечно, более чем ненормально. Даже те больные, которые умерли, не видали ни врача, ни фельдшера и мне кажется, что сейчас следовало бы немедленно командировать для помощи больным киргизам врача, а затем пригласить для киргиз постоянного фельдшера. Военнопленные австрийцы все здоровы»³.

Установить, насколько массовой была смертность на коммерческих лесозаготовках в Алтайском округе, достаточно сложно, но стоит отметить, что трагические случаи происходили не только с казаками. Так, в 1916 г. в Сузунском районе некий И.П. Попов, будучи придавлен бревном, скончался на коммерческой лесозаготовке⁴. В конце своего доклада Н.Н. Абрамов резюмирует: «Здоровые киргизы имеют очень довольный, веселый [и] жизнерадостный вид. <...> Работа им, по-видимому, нравится, тем более, что введена в посильную для них норму, при которой на каждого киргиза задается урок в размере срубки и разделки 2-3 деревьев на человека в день, что их вполне удовлетворяет»⁵.

Таким образом, в сложных военных условиях администрация Алтайского округа стремилась к максимальному сокращению производственных издержек, применяя помимо труда вольных рубщиков и возчиков из числа крестьян также труд военнопленных и казахов. При этом продуктивность труда двух последних групп напрямую зависела от их опыта, а также степени контроля за производимыми ими работами. Высокая травмоопасность, сложные природные условия, отдаленность от населенных пунктов и отсутствие своевременной медицинской помощи приводили к увечьям, болезням и даже смертям на коммерческих лесозаготовках Алтайского округа. Основным мотивом деятельности для

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 520. Л. 73.

² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4675. Л. 1–4 об.

³ Там же. Л. 3 об.–4.

⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4571. Л. 24.

⁵ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4675. Л. 4 об.

наемных рабочих была возможность быстрого заработка, что было чрезвычайно важно в условиях военного времени. На мотивы отдельных этносоциальных групп влияли особенности их правового положения. Например, для казахов мотивом могла служить возможность отсрочки привлечения к тыловым работам.